



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

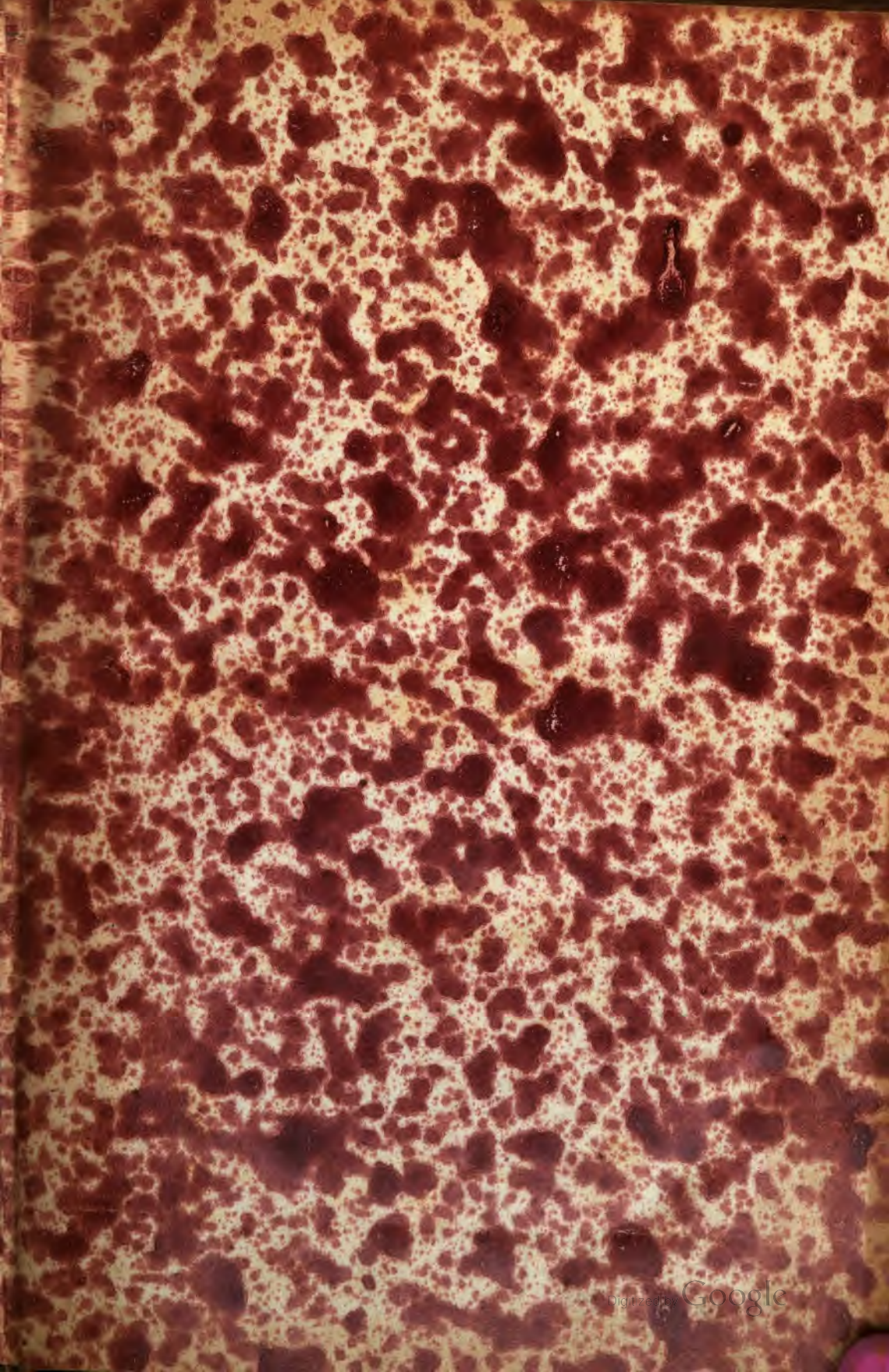
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 3433 07920215 0

БИБЛИОТЕКА
Скита Оптин. Пустын.
Отдѣленіе ()

№



100
100



ПРАВОСЛАВНЫЙ

СОБЕСЕДНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

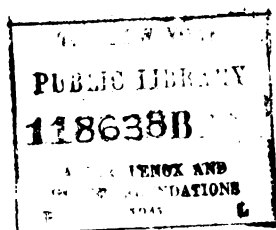
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1865.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.



Отъ казанскаго комитета духовной цензуры печатать
позволяется. 15 апрѣля 1865 года.

Цензоръ, профессоръ академіи, *Н. Соколовъ.*

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

*И вси народи, пришедшии на позоръ
сей, видяще бывающая, возвращаху-
ся бѣюще перси своя. (Лук. 23, 48).*

Вотъ какъ скоро стало исполняться слово Го-
спода нашего Іисуса Христа, сказанное Имъ о
силѣ крестной смерти своей, предъ вступленіемъ
въ послѣднюю борьбу — на смерть съ неприми-
римыми врагами своими: *аще Азъ вознесенъ
буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан.
12, 32). Ибо отъ чего большая часть свидѣ-
лей крестныхъ страданій Его оставили Голгофу—
мѣсто распятія Его, когда Онъ уже совершен-
но умеръ, съ такими чувствами? Пока Онъ, вися
на крестѣ, боролся съ смертію, многіе изъ нихъ,
увлеченные примѣромъ главныхъ убійцъ Его—

первосвященниковъ и книжниковъ, издѣвались надъ мнимымъ безсиліемъ Его спасти Себя и естественными человѣческому естеству Его воплями скорби; но какъ скоро послѣдовавшія за послѣднимъ вздохомъ Его страшныя знаменія на небѣ и на землѣ дали знать, что Онъ не только ничѣмъ не заслужилъ такой поноснѣйшей смерти, какова была Его смерть, но во-истину есть Сынъ Божій, они тотчасъ сознались искренно, что много согрѣшили, когда, по наученію первосвященниковъ, требовали, да пропятъ Онъ будетъ (Лук. 23, 18).

Каждый годъ и мы, братія, въ настоящій день приходимъ въ св. церкви для поклоненія образу распятія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа; но съ такимиже ли чувствами, какія обнаружили раскаявшіеся изъ народа іудейскаго послѣ того, какъ Онъ испустилъ духъ, возвращаемся отсюда въ дома свои? Правда, многіе изъ насъ, смотря на снятаго со креста и положеннаго во гробъ Христа Спаса и вспоминая безмѣрную Его скорбь душевную въ саду Геосиманскомъ, оплеванія, заушенія, поруганія, бичеванія, злостныя насмѣшки, ужаснѣйшія мученія, которыя Онъ претерпѣлъ во дворцѣ Пилата и вися на крестѣ до послѣдняго вздоха своего, умиляются душою и съ сокрушеніемъ сердца преклоняютъ колѣна предъ Нимъ; но надолго ли, опять, у многихъ вся эта скорбь, все это сокрушеніе? Многіе, очень многіе умиляются лишь до-

толь, пока въ церкви Божіей видятъ Іисуса Христа какъ-бы у насъ распятаго; но, вышедъ за порогъ церкви Божіей, тотчасъ разсѣваются по предметамъ грѣховныхъ своихъ прихотей; забываютъ о томъ, что видѣли и слышали въ церкви Божіей. Въ этомъ случаѣ всего оскорбительнѣе видѣть то, что многіе изъ насъ совершенно забываютъ о распятомъ за насъ Господь Іисусъ именно въ тѣ дни, когда особенно нужно помнить о послужившей краеугольнымъ камнемъ, для нашего спасенія, крестной смерти Его. Говоримъ о той поспѣшности, съ какою мы обыкновенно бросаемъ дѣла христіанскаго самоотверженія во дни праздника воскресенія Христова, когда по настоящему намъ надлежитъ непрестанно держать въ умѣ то, какими страданіями Спаситель пріобрѣлъ для насъ животъ вѣчный, и когда посему мы должны тѣмъ болѣе цѣнить Его крестную смерть. Смотри на суетныя забавы, на пиршества, на нерѣдко буйныя увеселенія, въ которыхъ многіе изъ насъ усиливаются проводить назидательные дни праздника воскресенія Христова, такъ и хочется спросить проводящихъ такъ праздникъ этотъ: ужь не думаютъ ли они, что Спаситель нашъ для того умиралъ и воскресъ, чтобы послѣдователямъ своимъ доставить случай и поводъ веселиться въ забвеніи о Немъ и оскорблять Его дѣлами своими?

Нѣтъ, братія, не кратковременнаго умиленія и не безплоднаго сокрушенія заслуживаетъ предла-

гаемый намъ, нынѣ въ св. церквахъ нашихъ, для поклоненія, образъ распятаго за насъ и положеннаго во гробъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. Одинъ изъ первоверховныхъ апостоловъ заповѣдуетъ намъ, вспоминая пострадавшаго за насъ плотію Христа, и самимъ вооружиться тою же мыслию (1 Петр. 4, 1); а другой такъ велитъ намъ разсуждать о себѣ: если одинъ умеръ за всѣхъ, то всѣ умерли; а Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго (2 Кор. 5, 14, 15), т. е. на крестную смерть Господа и Спаса нашего Іисуса Христа мы не должны смотрѣть только какъ на умиловленіе божественнаго правосудія за грѣхи наши, но должны выѣсть съ симъ видѣть въ ней управляющее начало и источникъ нашей дѣятельности. Почему, зная, что мы искуплены отъ суетной жизни, преданной намъ отъ отцевъ, не тѣннымъ серебромъ или золотомъ, но драгоценною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца (1 Петр. 1, 18, 19), мы должны почитать себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Іисусѣ; не должны попускать грѣху царствовать въ смертномъ тѣлѣ нашемъ; должны предавать члены наши не грѣху въ орудія неправды, но Богу — въ орудіе правды (Рим. 6, 11—13), потому что Христосъ для того самъ грѣхи наши тѣломъ своимъ вознесъ на древо, чтобы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды (1 Петр. 2, 24).

На этомъ основаніи прежде, нежели мы, бр., оставимъ нынѣ сію св. церковь, твердо запечатаемъ въ памяти своей, что покланяемый нами нынѣ, распятый за насъ, Господь и Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ для того распростеръ свои руки на крестъ, чтобы отъучить наши руки отъ неправедныхъ стяжаній и обидъ ближнимъ нашимъ; для того позволилъ пригвоздить на крестъ свои ноги, чтобы удержать наши ноги отъ пролитія крови, отъ хожденія въ пагубныя для чистоты нашего сердца мѣста, и содѣлать оныя готовыми къ благовѣствованію мира; для того уже мертвый прободенъ въ ребро до истощанія послѣдней капли крови, чтобы мы не услаждались грѣховными влеченіями нашихъ сердецъ; для того висѣлъ обнаженный на крестъ, чтобы мы возненавидѣли всѣмъ сердцемъ своимъ безстыдныя наши похоти и вождельнія плотскія; для того претерпѣлъ пречистою своею плотію лютейшія страданія, чтобы ни одинъ членъ тѣла нашего не былъ орудіемъ грѣха, но чтобы каждый былъ орудіемъ прославленія совершенствъ Божіихъ въ духъ и тѣло наше; наконецъ, для того былъ увѣнчанъ колючимъ терніемъ, чтобы въ нашихъ главахъ не гнѣздились неправедныя, нечистые и хульные помыслы, а сердца наши не томились незаконнымъ желаніемъ тѣлесныхъ благъ міра сего. И помня все это, будемъ всемѣрно стараться свергнуть съ себя всякое бремя и запинаящій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ

проходить подлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, который, вмѣсто подлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божія (Евр. 12, 12).
Аминь.

ПРАВИЛА МИТРОПОЛИТА КИПРІАНА

(1376—1406 г.).

По смерти кievскаго митрополита Антонія, патріархъ константинопольскій Филоеей, по просьбѣ русскихъ югозападныхъ князей, рукоположилъ преемникомъ ему Кипріана серба (1376), съ тѣмъ однакожъ, чтобы, по смерти митрополита московскаго св. Алексія, онъ былъ митрополитомъ все-россійскимъ. Тринадцать лѣтъ суждено было Кипріану служить въ достоинствѣ только южнаго митрополита; по смерти св. Алексія великій князь не хотѣлъ имѣть митрополитомъ Кипріана, и только по низложеніи, незаконно присвоившаго себѣ санъ митрополита, Пимена согласился пригласить не имъ избраннаго Кипріана, который и прибылъ въ Москву 1389 года.

Митрополитъ Кипріанъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ пастырей русской Церкви въ отно-

шеніи къ церковному благоустроенію. Отправляясь изъ Константинополя, Кипріанъ взялъ съ собою лучший списокъ греческихъ церковныхъ правилъ и въ Россіи перевелъ его на славянскій языкъ ⁽¹⁾. Списокъ этотъ былъ безъ сомнѣнія всегдашнимъ руководствомъ для него, когда онъ впоследствии издавалъ собственные правила, сообразно съ особенными обстоятельствами русской Церкви. Заботясь о благоустроеніи своей Церкви, Кипріанъ настоялъ, что в. князь своею грамотою объявилъ дѣйствующими уставы Владиміра и Ярослава, которые были, какъ видно, въ это время забыты ⁽²⁾. Кроме того, Кипріанъ вмѣстѣ съ в. княземъ составилъ новое приложение греческихъ законовъ къ потребностямъ русской Церкви, которое и содержится въ особой грамотѣ о церковныхъ судахъ и пошлинахъ ⁽³⁾. Этимъ не ограничилась церковноправительственная дѣятельность Кипріана. Сдѣлавшись всероссійскимъ митрополитомъ, онъ не упускалъ ни одного случая, не оставлялъ безъ вниманія ни одной нужды въ своей Церкви, которыя требовали его вниманія и помощи. Плодомъ пастырской дѣятельности св. Кипріана въ области церковнаго законоположенія остались шесть посланій, писанныхъ къ разнымъ частнымъ церквамъ и по разнымъ случаямъ.

(¹) *Росенкам.* о корнц. стр. 71 — 74.

(²) *Филар.* И: Р. Ц. ч. 2 стр. 420.

(³) А. Э. т. I. № 9.

Около 1391 года крестьяне константиновскаго монастыря жаловались Киприану на своего игумена Ефрема, «яко напярмаетъ имъ дѣло не по пощинѣ (старинѣ) и смлетъ пощмины (подати и повинности) чего нине игумены не имали». Строгий въ правосудіи, свититель обратился къ предшественнику Ефрема — Царко, который по болѣзни былъ на покое, и къ своимъ боярамъ владимірскимъ, чтобы узнать, какія обязанности лежали на крестьянахъ по отношенію къ монастырю. По справкамъ оказалось, что крестьяне издавна и при игуменѣ Царко должны были отправлять всѣ работы монастырскія и платить пощмины. Всѣ и всякія работы, — полевыя, луговыя, рыбныя и звѣринныя ловли, домашнія — молотба, печеніе хлѣба, вареніе пива и др., — все это обязаны были отбывать крестьяне по повелѣнію игумена. Сверхъ того они должны были ежегодно давать въ монастырь къ пасхѣ по коровѣ и доставлять продовольствіе игумену съ его людьми и лошадьми, когда онъ провзжалъ по своимъ селамъ и деревнямъ. Получивъ такой отвѣтъ отъ прежняго игумена и своихъ бояръ и узнавъ, что Ефремъ взымалъ съ своихъ крестьянъ тоже самое, митрополитъ Киприанъ, изложивъ въ своей грамотѣ означенныя обязанности, вручилъ ее игумену съ предписаніемъ, чтобы она хранилась въ монастырѣ и была закономъ и для игуменовъ и для крестьянъ. Грамата эта утвер-

ждена и скреплена была подписомъ великаго князя ⁽¹⁾.

Въ 1395 г. митрополитъ Кипріанъ своею граматою отмѣнилъ дополнительную грамату суздальскаго владыки Діонисія. Посланный около 1391 года патріархомъ цареградскимъ во Псковъ для убѣжденія стригольниковъ, Діонисій далъ псковичамъ свою грамату, которою дополнялъ уставную княжескую грамату и вытребовалъ клятву исполнять эту грамату. Неизвѣстно, какого содержанія была грамата Діонисія; видно только, что она не соотвѣтствовала законнымъ правамъ князя. Узнавъ объ этомъ, Кипріанъ, какъ первенствующій іерархъ, отмѣнилъ грамату Діонисія, разрѣшилъ псковичей отъ клятвеннаго обѣщанія исполнять ее и предписалъ поступать по княжеской граматѣ. «Діонисій, — писалъ имъ первосвященитель, — вплеся не въ свое дѣло и написалъ грамоту неподобную; я ее отмѣняю, и вы перешлите ее ко мнѣ и я самъ подеру ее; а вы ходите по прежней грамотѣ великаго князя». Свое опредѣленіе Кипріанъ основывалъ на томъ, что Діонисій сдѣлалъ это безъ вѣдома патріарха, въ смутное время. «То былъ Діонисій, а дѣялъ то въ, мятежное время, а патріархъ ему того не приказалъ дѣяти» ⁽²⁾.

Въ тоже самое время св. Кипріанъ писалъ во Псковъ другую грамату. Псковичи, возбуж-

⁽¹⁾ А. Э. т. I. № 11.

⁽²⁾ А. И. т. I. № 10.

даемые стригольниками, осуждали духовенство свое за неодобрительное поведение, между прочим—за вступленіе нѣкоторыхъ вдовыхъ священниковъ во второй бракъ, самовольно лишали ихъ сана, отнимали церковное имущество и даже казнили. Въ своей грамотѣ по этому случаю митрополитъ предоставляетъ судъ надъ клириками епископу и осуждаетъ всякое незаконное стороннее вмѣшательство въ дѣла церковныя ⁽¹⁾.

Около тогоже времени (1392—1405) Кипріанъ писалъ во Псковъ посланіе противъ нѣкоторыхъ безпорядковъ въ тамошней церкви. Кроме обливательнаго крещенія, въ Псковъ одинъ антиминсъ разрѣзывали на части и полагали на престолъ и не наблюдали благочинія при богослуженіи, особенно при принятіи св. таинъ. Имѣя въ виду эти нужды, св. Кипріанъ поручилъ новопоставленному епископу Харитону отвезти во Псковъ свое посланіе, въ которомъ и осуждаетъ означенныя церковныя неисправности ⁽²⁾.

Кромѣ дѣйствительныхъ безпорядковъ въ церкви псковской, встрѣчалось много недоумѣній въ дѣлахъ церковныхъ. Духовенство псковское встрѣчало много недоумѣній относительно времени и способа совершенія разныхъ богослужебныхъ дѣйствій и таинствъ, относительно жизни и поведенія клира и другихъ случаевъ, и предлагало митропо-

⁽¹⁾ А. И. т. I. № 9.

⁽²⁾ Тамже, № 8.

литу свои недоумѣнія въ видѣ вопросовъ. Въ 1395 г. Кипріанъ въ своемъ поученіи далъ имъ свои каноническія опредѣленія въ отвѣтахъ ⁽¹⁾. Также точно святитель отвѣчалъ между 1390 и 1405 г. игумену Аѳанасію, вопрошавшему его «о нѣкоторыхъ потребныхъ вещехъ» ⁽²⁾.

Сопротивленіе новгородцевъ, не хотѣвшихъ судиться у митрополита и ограничивавшихъ судебную власть епископа, побудило Кипріана въ настольной граматѣ новгородскому архіепископу Іоанну (1392—1397) опредѣлить права его по дѣламъ суднымъ и пошленнымъ ⁽³⁾.

Замѣчательнѣйшее изъ посланій Кипріана, по важности и многочисленности каноническихъ опредѣленій, — посланіе къ игумену Аѳанасію.

Правила митрополита Кипріана, содержащіяся въ поименованныхъ памятникахъ, относятся а) къ іерархіи, б) клиру, в) инокамъ, г) таинствамъ, д) богослуженію, благочинію при богослуженіи и различнымъ богослужебнымъ дѣйствіямъ и е) къ праздникамъ и постамъ.

Въ отношеніи къ іерархіи митрополитъ опредѣляетъ права епископа, лица и предметы, подлежащія его вѣдѣнію, и ограждаетъ власть Церкви отъ всякаго сторонняго вмѣшательства.

По предписанію Кипріана, подъ управленіемъ

⁽¹⁾ А. И. т. I. № 11.

⁽²⁾ Тамже, № 253.

⁽³⁾ Тамже, № 7.

епископа должны состоять все миряки, — игумены, иноки и духовенство приходское, а также и церковные крестьяне. Они должны быть въ такомъ подчиненіи епископу, что если кто безъ его вѣдома и согласія перейдетъ къ другой власти, то лице духовное лишается сана, а мирянинъ будетъ отлученъ отъ Церкви. Судъ надъ всеми этими лицами, разумѣется по дѣламъ духовнаго вѣдомства, предоставляется одному епископу, такъ что ни знатные, ни простые, ни вообще люди, мірскіе не должны вмѣшиваться въ него подъ опасеніемъ церковнаго наказанія. Міряне, писалъ святитель, не должны не только судить священнослужителей, но даже и слова не должны говорить противъ нихъ ⁽¹⁾. Правила эти даны по тому случаю, что своевольные новгородцы хотѣли ограничить права святителей, а въ Псковѣ міряне дозволяли себѣ проносить осужденіе надъ священнослужителями. Кипріанъ говоритъ, что іереевъ, хотя бы они и вступили во второй бракъ, можетъ судить только епископъ, и того онъ признаетъ достойнымъ отлученія, того и міряне должны почитать таковымъ.

Опредѣляя права епископа по отношенію къ церковному имуществу, митрополитъ говоритъ, что его вѣдѣнію подлежатъ все монастыри и церкви, а равно и земли, имъ принадлежащія,

⁽¹⁾ Наст. грам. новог. архіея. Іоанну. А. И. т. I. № 7. и гр. во Псковъ № 9.

пошлины и повинности, ими платимыя и отправляемыя. По силѣ этого правила никто не долженъ отнимать у церкви имѣнія, какъ бы оно ни принадлежало ей — по духовнымъ ли завѣщаніямъ, по дарственнымъ ли грамотамъ, или по другимъ какимъ либо записямъ. Кипріанъ угрожаетъ лишеніемъ благословенія Божія и церковнаго тому, кто сталъ бы вмѣшиваться въ пошлины, собираемыя въ казну архіереевъ и монастырей.

Не мѣшаетъ замѣтить, что права эти принадлежали Церкви еще по установленіямъ древнимъ, а въ Россіи усвоены Церкви уставами св. Владиміра и Ярослава. Полагая свои правила, Кипріанъ предпосылаетъ имъ опредѣленія Церкви древней ⁽¹⁾. По уставамъ Владиміра и Ярослава вѣдомству епископовъ подлежали тѣже самыя лица, предметы и права, какія усвоилъ имъ и Кипріанъ ⁽²⁾. Припоминая то обстоятельство, что Кипріанъ обратился къ уставамъ Владиміра и Ярослава и объявилъ ихъ дѣйствующими законами, можемъ заключить, что побужденіемъ для Кипріана повторить прежнія права епископовъ было забвеніе ихъ въ народъ съ потерей опредѣлявшихъ ихъ уставовъ. Значеніе Кипріановыхъ опредѣленій было не временное только, но сохранялось и во времена послѣдующія. Позднѣй-

(1) Въ настольной грам. новгород. архіеп., изложивъ права, предоставляемыя епископамъ соборными и святоотеческими правилами, продолжаетъ: «сего ради и азъ» и проч.

(2) Опис. кiev. соф. соб. пр. Евгенія; Хр. чт. 1847 г. ч. 1 и 2: Очерк. ист. р. Ц. въ періодъ дотатарск.; О простр. церк. суд. въ Рос. до Петра I, *Неволина*.

ніе великіе и удѣльные князья не только не уменьшали, но и увеличивали права іерарховъ, а въ Стоглавѣ опредѣленія Кипріяна о правахъ Церкви признаны каноническими и внесены въ число соборныхъ опредѣленій⁽¹⁾.

Правила митрополита Кипріяна относительно клира опредѣляютъ качества избираемыхъ въ церковный клиръ и обязанности ихъ служенія. Въ прежнія времена не всегда избирали въ клиръ по всемъ правиламъ избранія. Это замѣчаемо было и прежде⁽²⁾, и продолжалось во времена Кипріяна; а какъ отъ неправильнаго избранія въ клиръ происходило немало безпорядковъ, то многіе духовные спрашивали Кипріяна, какихъ качествъ долженъ быть избираемый въ клиръ? Не указывая никакихъ частныхъ и особенныхъ качествъ, святитель отвѣчаетъ только, что избираемые въ клиръ должны быть также нравственно чисты и непорочны, какъ новорожденные. Если же,—продолжаетъ архипастырь,—клирикъ уже на должности замѣченъ будетъ въ какомъ либо пороке, то таковому тотчасъ престать отъ службы; нѣтъ ему никакой эпитиміи, но только не служить до смерти. Строгость этого опредѣленія объясняется тѣмъ, что здѣсь конечно разумѣются грѣхи тяжкіе, совершенно препятствующіе іереямъ отправлять богослуженіе. Заботясь о нравственной

(1) Стогл. гл. 64 и 65.

(2) См. Соб. владим. Прав. Соб. 1863 г. мартъ.

чистотѣ клира, Кипріанъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ Аѳанасію на вопросъ о пономарѣ. Вопросъ Аѳанасія показываетъ, что въ это время вопросы о бракахъ клириковъ высшихъ степеней были уже рѣшены и что недоразумѣнія оставались только въ отношеніи къ церковно-служителямъ. Аѳанасій спрашивалъ: можетъ ли брачный быть пономаремъ? Если не двѣственникъ, отвѣчалъ митрополитъ, то непременно однобрачный, а двубрачныхъ и трехбрачныхъ лишать мѣста. Правила эти, основываясь на законоположеніи древней Церкви ⁽¹⁾ и согласныя съ предшествовавшими опредѣленіями Церкви русской ⁽²⁾, имѣли значеніе и для времени послѣдующаго; послѣдующіе митрополиты требовали того же самаго ⁽³⁾. До настоящаго времени только правило о пономарѣ измѣнено; теперь пономари двоеженцы нерѣдки.

Изъ правилъ митрополита Кипріана относительно иноковъ видно, что въ Россіи въ его время очень силенъ былъ обычай принимать схиму, особенно предъ смертію. Нѣкоторые почитали это такъ необходимымъ, что позволяли облекать себя схимою даже лицамъ, не имѣющимъ на то права, а иные надѣвали схиму на мертвыхъ. Игуменъ Аѳанасій, не отрицая важности постри-

⁽¹⁾ 11 и 16 пр. св. ап. о несообщеніи съ отлученными отъ клира.

⁽²⁾ См. Прав. Собесѣдн. 1863 г. мартъ.

⁽³⁾ См. посл. Фотія. А. П. т. I. № 22.

женія въ схиму, не раздѣлялъ однакоже общихъ мнѣній по этому дѣлу и не хотѣлъ, чтобы изъ этого обычая происходили крайности. Предлагая митрополиту свои недоумѣнія, онъ спрашивалъ: можно ли постригать въ схиму умершихъ, и кто вообще имѣетъ право постригать? — Запрещая совершенно первое, Кипріанъ отвѣчалъ, что въ случаѣ только крайней нужды могутъ постригать въ схиму несхимники, но вообще это долженъ дѣлать схимникъ. Постриженный въ схиму, продолжалъ святитель, всегда обязанъ носить схиму и клобукъ (куколь) и никогда не долженъ оставлять ихъ.

Другія правила митрополита Кипріана касаются самаго постриженія въ малую схиму или обыкновенное иночество, и нѣкоторыхъ обязанностей лицъ, уже принявшихъ иночество. Что касается самаго постриженія, то Кипріанъ указываетъ лица, которыя должны совершать его, и опредѣляетъ нѣкоторыя условія его совершенія. Правила эти, равно какъ и вопросы Аѳанасія, показываютъ, что стремленіе къ принятію иноческой жизни было въ это время очень сильно, и что пастыри старались даже умѣрять его. При этомъ замѣчено было, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ монашество постригали приходскіе священники, по нѣскольку челоуѣкъ за одинъ разъ и нерѣдко полумертвыхъ. Всего этого не могъ рѣшить самъ Аѳанасій и потому обо всемъ этомъ спрашивалъ митрополита. На эти вопросы

Киприанъ отвѣчалъ въ томъ же духѣ, какъ и на вопросы о постриженіи въ скиму. Запрещая постригать въ монашество приходскимъ священникамъ, святитель говорить, что это должны совершать непременно и только одни священноношители. Но и священноношители могутъ совершать это съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій: чтобы постригаемый былъ непременно одинъ и чтобы онъ находился въ полномъ сознаніи; постригать по нѣскольку человѣкъ, даже по два въ одинъ разъ, равно какъ и постригать умирающихъ, когда у нихъ отнимается уже языкъ, онъ строго воспрещаетъ. Предписанія эти очевидно направлены противъ того ложнаго мнѣнія, въслѣдствіе котораго нѣкоторые хотѣли постригать даже мертвыхъ, думая, будто монашество, принятое безъ свободнаго согласія, само собою можетъ спасти умершаго. Для испытанія послушанія при самомъ постриженіи Киприанъ позволяеть постригающему давать постригаемымъ имена по своему благоусмотрѣнію, и не дневныхъ святыхъ, а какихъ онъ захочетъ. Въ отвѣтъ на вопросъ о способѣ постриженія иноковъ и инокинь митрополитъ говорить, что чинъ постриженія для тѣхъ и другихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Нѣкоторые правила митрополита Киприана касаются мѣста жительства, молитвъ, одежды, пищи и вмуществъ иноковъ. Въ тогданнее время иноки нерѣдко переходили изъ одного монастыря въ другой безъ согласія своего началь-

ства. На вопросъ объ этомъ обстоятельствѣ Кипріанъ предписываетъ инокамъ, сообразно ихъ обѣтамъ, постоянно пребывать въ монастырѣ, гдѣ пострижены, и оказывать полное повиновеніе своему начальству. Иноки, писалъ онъ, изъ одного монастыря въ другой должны переходить только съ увольнительными грамотами отъ своихъ игуменовъ, имѣя въ виду, что своевольные подвергаются церковному отлученію. Въ другомъ правилѣ митрополитъ требуетъ, чтобы иноки, оставаясь въ одномъ монастырѣ, никогда не оставляли своего чина. Если же кто изъ нихъ, продолжалъ онъ, оставивъ монашество, не приметъ его снова, да будетъ проклятъ (!). Строгій и благоразсудительный пастырь Кипріанъ требовалъ, съ одной стороны, чтобы иноки, отказавшись отъ міра, не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній, а съ другой — растворялъ строгость правилъ иноческаго житія благоразсудною снисходительностію. Это высказалъ онъ въ слѣдующихъ правилахъ инокамъ. Иноки, отвѣчалъ онъ Аѳанасію, исповѣдываться и приобщаться должны непременно у иноковъ, а у священниковъ приходскихъ только въ случаѣ крайней нужды. Иноки должны ежедневно присутствовать при богослуженіи и непременно въ полномъ иноческомъ одѣяніи: имъ только въ келліяхъ позволяется совершать молитву въ подрясницѣ и маломъ клобуцѣ. По

(!) Это правило содержится въ правилѣ 11-мъ.

силъ перваго предписанія инокамъ не даются освятительныя молитвы въ рождество Христово, пасху и Петровъ день, какъ мірянамъ. Міряне, говоритъ Кипріанъ, не всегда могутъ быть въ церкви, а иноки должны быть въ ней всегда. Умѣряя строгость монастырскихъ уставовъ, онъ позволяетъ старымъ, молодымъ и больнымъ инокамъ вкушать пищу и не въ установленное время. Замѣчательно правило Кипріана относительно монастырскихъ имѣній. Какъ строгій инокъ, онъ почиталъ небезопаснымъ дѣломъ владѣть вотчинами. Поэтому на вопросъ Аѳанасія, какъ поступить съ селомъ, которое князь дарилъ въ монастырь, святитель предложилъ такой совѣтъ, который былъ полезенъ и для иноковъ и неоскорбителенъ для князя. «А что о семъ ты меня спрашивалъ, писалъ онъ Аѳанасію, то мой совѣтъ лучше не приниматьъ его. Небезопасно инокамъ владѣть вотчинами, тѣмъ болѣе, что владѣніе ими нерѣдко сопровождается спорами и ссорами между разными владѣльцами и властями съ одной стороны, а подчиненными съ другой. Если же нельзя не принять его, то приличнѣе поручить его завѣдыванію богобоязненнаго мірянина, который бы доставлялъ съ него все нужное въ монастырь; но самимъ инокамъ непосредственно завѣдывать имъ опасно».

Между правилами митрополита Кипріана находимъ относящіеся къ таинствамъ крещенія, покаянія, причащенія и брака.

Въ разсужденіи крещенія онъ опредѣляетъ способъ совершенія его и нѣкоторыя другія обрядовыя подробности. Противъ обыкновенія крестить чрезъ обливаніе Кипріанъ предписываетъ совершать это таинство чрезъ троекратное погруженіе въ воду, въ рѣкѣ или приличномъ сосудѣ ⁽¹⁾. На вопросъ Аѳанасія, можно ли крестить нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, Кипріанъ далъ такой отвѣтъ: младенцевъ, даже разнаго пола, можно крестить по нѣскольку вмѣстѣ и въ одной купели ⁽²⁾, но запрещенія, отрицанія и вообще молитвы таинственные читать надъ каждымъ крещаемымъ — сначала мужескаго, а потомъ женскаго пола. Если же крещаются взрослые, то ихъ крестить каждаго порознь, отдѣльно, причемъ мужчинамъ должны прислуживать мужчины, а женщинамъ женщины. Говоря о воспріемникахъ, святитель требуетъ, чтобы воспріемникъ былъ одинъ или кумъ (разумѣется при крещеніи мужчины), или кума (когда крестится женщина), «а двѣма, куму съ кумою, мужинѣ съ своею или чужою женою, крестить не слично» ⁽³⁾.

Въ отношеніи къ таинству покаянія Кипріанъ даетъ наставленія касательно отношеній исповѣ-

⁽¹⁾ Въ послан. къ псковск. духовенству.

⁽²⁾ Это Кипріанъ основывалъ на примѣрѣ Іоанна крестителя и апостоловъ, крестившихъ многихъ за одинъ разъ; но правила, говорилъ онъ, для этого нѣтъ.

⁽³⁾ Поуч. духовенству.

дающагося къ духовному отцу и опредѣляетъ способъ исповѣдыванія и начало, которымъ должно руководиться при назначеніи эпителий. Въ первомъ случаѣ святитель запрещаетъ христіанамъ переходить отъ одного отца духовнаго къ другому. Почему въ отвѣтъ Афанасію предписываетъ, чтобы іерей не принимали на исповѣдь тѣхъ, которые оставили прежнихъ своихъ духовныхъ отцовъ. Правило это очевидно имѣло въ виду тѣхъ, которые, будучи недовольны своими духовными отцами, искали другихъ. Опредѣляя способъ исповѣданія, митрополитъ предписываетъ, послѣ положенныхъ пѣній и чтеній, испытывать кающихся во всѣхъ согрѣшеніяхъ, усугубляя внимательность сообразно съ званіемъ исповѣдающихся — священнослужителей и иноковъ внимательнѣе, нежели другихъ, а послѣднихъ еще внимательнѣе, нежели первыхъ. Для познанія согрѣшеній предписывается развѣдывать не только о гражданскихъ дѣлахъ, но и о поводахъ къ нимъ. Сообразно съ симъ Кипріанъ отвѣчаетъ и на вопросъ о эпителияхъ. Эпитиміи налагать предписываетъ онъ сообразуясь съ свойствами согрѣшеній и съ состояніями кающихся — умственнымъ, здоровымъ и больнымъ, также съ ихъ вѣшнимъ положеніемъ, званіемъ и возрастомъ, такъ что эпителии за одни и тѣже грѣхи для иноковъ должны быть строжайшія, нежели для клириковъ и мірянъ.

По отношенію къ таинству причащенія Киприанъ опредѣляетъ расположенія, съ какими должно приступать къ сему таинству, порядокъ, въ какомъ должны мужчины и женщины принимать его, и богослуженіе, при которомъ надобно приобщаться.

Люди всѣхъ сословій, званій и состояній, писалъ онъ въ посланіи къ Афанасію, къ св. таинствъ должны приступать съ одинаково-чистымъ расположеніемъ, не вкушая пищи. Требуя отъ приступающихъ къ причащенію нравственной чистоты, святитель въ посланіи къ псковскому духовенству заповѣдуетъ приобщать только достойныхъ; почему и инокамъ достойнымъ онъ предоставлялъ приобщаться св. таинствъ часто. Достойныхъ иноковъ, писалъ онъ Афанасію, можно приобщать всегда, но другихъ по усмотрѣнію игумена. Основываясь на томъ же началѣ, онъ повелѣвалъ недостойныхъ отлучать отъ таинства причащенія, сообразуясь во времени отлученія съ тяжестью ихъ грѣховъ. Воровъ и душегубцевъ, равно и непокорныхъ духовнымъ отцамъ, іереи должны только передъ смертію сподоблять св. таинствъ, если только они раскаятся. Если же кто изъ нихъ, сподобившись принять св. таинствъ, выздоровѣетъ, долженъ понести эпитимію, сообразно съ свойствами своихъ согрѣшеній. Опредѣляя порядокъ, въ какомъ вѣрующіе должны приступать къ таинству причащенія, митрополитъ имѣлъ въ виду благочиніе. Поэтому, писалъ онъ псковскому

духовенству, мужчины и женщины должны приобщаться въ церкви порознь, первые у царскихъ, послѣднія у сѣверныхъ дверей; тѣ и другія должны приступать къ причащенію со сложенными крестообразно руками. Для соблюденія благочинія, мужчинамъ святитель повелѣваетъ снимать верхнее платье (вотолы), а инокамъ новопостриженнымъ клобуки. Изъ этого правила исключаются только иноки юные: имъ позволено не снимать клобукъ до тѣхъ поръ, пока отростетъ борода. Приобщаться св. таинъ Кипріанъ указываетъ на всякой литургіи, и на литургіи св. Златоуста, и на литургіи св. Василія великаго, и на литургіи св. Григорія двоеслова (преждеосвященныхъ даровъ).

Въ разсужденіи брака Кипріанъ говоритъ только о свершителяхъ этого таинства. Подражая примѣру патріарховъ константинопольскихъ, русскіе митрополиты и епископы ⁽¹⁾, а за ними и иноки, совершали иногда браки. Поэтому Кипріанъ въ посланіи къ Аѳанасію, запрещая вообще инокамъ совершать мірскія требы и разрѣшая имъ только совершеніе крещенія, особенно при настоятельной нуждѣ, предписываетъ, чтобы браки совершали непременно приходскіе священники, а иноки ни подъ какимъ предлогомъ не совершали бы ихъ.

(1) Такъ въ 1320 г. епис. Варсоноій вѣнчалъ князя тверскаго Дмитрія. И. Р. Ц. пр. Филар. ч. 2. стр. 88. пр. 135.

Правила митрополита Кипріяна, относящіяся къ богослуженію, сообразно съ вопросами Аѳанасія и духовенства, ему подвѣдомаго, касаются благочинія при богослуженіи внѣшняго и внутренняго и разныхъ богослужебныхъ дѣйствій. Сообразно съ этимъ, они относятся къ мѣстамъ, гдѣ совершается богослуженіе, къ самому богослуженію, и ко временамъ, когда совершается то или другое богослуженіе.

Величіе христіанскаго богослуженія требуетъ особенной заботливости о церквахъ. Поэтому какъ при основаніи, такъ и по устроеніи церквей, Кипріянь предписываетъ совершать молитвословія и заповѣдуетъ заботиться о чистотѣ и цѣлости церквей. Основаніе церкви, писалъ онъ Аѳанасію, должно быть полагаемо при молитвословіи священнослужителей. Въ этомъ случаѣ приходскій священникъ долженъ совершать молитву въ полномъ облаченіи, а іеромонахъ только въ эпитрахили. Устроенную церковь нужно освящать только однажды, въ другой разъ она освящается только тогда, когда исправляется св. престолъ. Предписывая заботливость о чистотѣ и цѣлости церквей, митрополитъ заповѣдуетъ омы-
вать ихъ, кромѣ престола, который можетъ омы-
вать только архіерей однажды въ годъ, въ вели-
кій четвертокъ. Въ случаѣ какого либо повреж-
денія или оскверненія церкви, онъ предписываетъ
немедленно поправлять и освящать ее. Такъ,
если буря сорветъ крестъ съ церкви или какъ

нибудь вбѣжитъ туда собака, то въ первомъ случаѣ крестъ надобно поторопѣе поставить, а въ последнемъ окропить церковь святою водою августовскаго освященія, и если последнее случится по небреженію священника, то онъ подлежитъ наказанію.

Что касается самаго богослуженія, то Киприановы правила относятся къ совершенію проскомидіи, къ образу совершенія литургіи и ко временамъ того или другаго богослужебнаго дѣйствія.

Первое и главное правило по отношенію къ таинству причащенія то, чтобы оно совершалось на приличномъ веществѣ—на хлѣбъ и вино. Божественную литургію, писалъ Кипріанъ совершать безъ вина—великое безаконіе. Сообразно съ величіемъ евхаристіи, святитель требуетъ, чтобы хлѣбъ для нея былъ чистъ какъ по составу, такъ и по способу приготовленія. Поэтому онъ предписываетъ, чтобы женщины, занимающіяся печеніемъ просфоръ, были или дѣвственницы или одиобрачныя, а двубрачныхъ и тѣхъ, кто имъ повѣряетъ, повелеваетъ устранять отъ приготовленія просфоръ. Говоря о первой части литургіи, о проскомидіи, онъ даетъ наставленіе касательно просфоры «агнца» и совершителей проскомидіи. Просфора для агнца должна быть особая съ крестомъ, но можно ее замѣнить и другою, если она также съ крестомъ. Проскомидію вообще долженъ совершать священникъ; диакону совершать проскомидію воспрещается. Преждеосвященные агнцы можно хранить въ

своей церкви или передавать въ другую церковь. Важнѣйшее правило при совершеніи литургіи то, чтобы евхаристія совершалась на освященномъ архіереемъ престолѣ или на цѣльномъ антиминѣ. Поэтому противу обыкновенія псковскаго духовенства за недостаткомъ антиминсовъ дѣлать ихъ и совершать службу на частяхъ ихъ Кипріанъ повелѣвалъ на престолѣ полагать цѣлый антиминскъ. Что касается собственно богослуженія, то правила Кипріана опредѣляютъ нѣкоторыя обрядовыя подробности древнихъ богослуженій. Такъ, говоря вообще о богослуженіи, онъ требуетъ, чтобы при совершеніи его каждый священнослужитель отправлялъ свое собственное дѣло, чтобы іерей напр. не служилъ вмѣсто діакона, и если нѣтъ діакона, то священникъ долженъ служить одинъ, потому что «попъ есть попъ, писалъ онъ, а діаконъ—діаконъ». Это правило относится ко всякому богослуженію, даже къ панихидѣ, и направлено къ соблюденію церковно-богослужебнаго благочинія. Съ тою же цѣлю митрополитъ требовалъ, чтобы въ великій четвертокъ евангелія (всѣ) читалъ священникъ въ полномъ облаченіи и на престолѣ. Предлагаая, далѣе, правила о составѣ и нѣкоторыхъ частяхъ богослуженія, онъ предписываетъ—на вечерни читать 8 молитвъ, а на утрени 12, на молебнѣ пѣть «Богъ Господь», а на панихидѣ «аллилуія», и при богослуженіи читать евангеліе толковое, а на прансѣ патерикъ св. Ефрема, Дородея,

шестоднеиъ Василия великаго и творенія Златоуста, а также недочитанныя на заутрени чтенія праздничныя. Когда часы поются съ литургіею, то апостолъ и евангеліе читаются въ алтаря, а если безъ литургіи, то апостолъ читается среди церкви, а евангеліе—въ алтарь. «Святый Боже» на литургіи поется въ алтарь только въ послѣдній разъ, а первые три раза — на клиросѣ. На литургіи преждеосвященной сосуды разставляются и покрываются безъ произношенія молитвъ. Что касается времени совершенія того или другаго богослуженія, то литургія Василия великаго совершается только наканунѣ рождества Христова, богоявленія и во всѣ воскресные дни великаго поста, исключая вербное воскресенье, а въ прочія времена года, кромѣ средъ и пятковъ великаго поста, совершается литургія св. Златоуста. Въ среду и пятокъ сырной седмицы, равно какъ и великій пятокъ, полагаются только часы въ вечерню.

Къ правиламъ о богослуженіи относятся еще правила о погребеніи, которыми митрополитъ Кипріанъ опредѣляетъ времена погребальныхъ богослуженій и нѣкоторыя обрядовыя подробности, соблюдаемыя при погребеніи клириковъ и мірянъ. Изъ этихъ правилъ видно, что во времена Кипріана погребеніе отправлялось не надъ всѣми, а только возрастными, что погребеніе совершалось во всѣ дни и во всякое время года, и что при погребеніи не соблюдали правилъ,

предписывающихъ соблюдать нѣкоторыя особенности при погребеніи людей разныхъ сословій и священныхъ степеней. Поэтому Кипріанъ, предписывая сначала отправлять богослуженіе погребальное и надъ возрастными и надъ младенцами, требуетъ, чтобы погребеніе совершалось не во всякое время, а только въ извѣстное. Умершихъ во дни великаго поста святитель заповѣдуетъ отпѣвать только по пяткамъ вечеромъ, а поминать въ субботы, кромѣ 5 и 6 недѣль. Если же случится похоронить умершаго въ другіе дни, то похороны совершаются безъ отпѣванія. Заупокойныя литургіи и панихиды совершаются не во всякій день; первыхъ не должно совершать во дни воскресныя, а послѣднихъ — по субботамъ вечеромъ; на воскресной проскомидіи умершіе поминаются тайно, не въ слухъ находящихся въ церкви. Но послѣ пасхи можно совершать заупокойныя богослуженія ежедневно. Правилами о обрядовыхъ подробностяхъ Кипріанъ опредѣляетъ способъ погребенія іереевъ и иноковъ. Священника приходскаго онъ повелѣваетъ, по омовеніи и облаченіи въ чистое платье и во всѣ священныя ризы, полагать во гробъ съ пѣніемъ, при отпѣваніи крестообразно обливать тѣло его смѣшеніемъ масла и вина, полагая сосудъ у ногъ, и потомъ похоронять. Тѣло священника, какъ и всякаго инока, обмывать не все и не всецѣло, но только лицо, перси, руки, колѣна и ступени отирать губкою и теплою водою, а потомъ

облеченъ въ платье и мантию, полагать во гробѣ и проч.

Касательно праздниковъ и постовъ Кипріанъ даетъ слѣдующія правила: въ прежнія времена думали, что обрядъ воздвиженія честнаго креста можетъ совершаться только въ соборномъ богослуженіи епископомъ. Кипріанъ и предписываетъ воздвигать крестъ въ день воздвиженія, во всѣхъ церквахъ, хотя бы гдѣ былъ и одинъ священникъ. Въ праздникъ воздвиженія и въ праздникъ усѣкновенія главы Іоанна предтечи, въ какіе бы дни ни случились они, соблюдать постъ, а въ день Параскевы поститься тогда только, когда онъ будетъ въ среду или пятокъ. Послѣ воды, освященной крестомъ, мірянину можно употреблять мясо, а иноку молоко, потому что, прибавлялъ Кипріанъ, постъ разрѣшается даже послѣ причащенія.

Изложенныя правила и наставленія Кипріана имѣютъ особенную важность главнымъ образомъ потому, что почти всѣ они заимствованы изъ древнецерковнаго законоположенія. Самъ Кипріанъ во многихъ мѣстахъ говоритъ, что заимствовалъ свои правила изъ предписаній древнихъ. Говоря объ испытаніяхъ клириковъ и иноковъ на исповѣди, онъ присовокупляетъ: «о сихъ всѣхъ предали суть святіи отцы написана и симъ во всемъ потреба разсужденія велика». Запрещающа монастырю непосредственно владѣть вотчинами, говоритъ: «еже села и люди держати инокамъ не

предано есть святыми отцы». Вообще, предлагая свои отвѣты, Кипріанъ болѣею частию основываетъ ихъ на прежде бывшихъ опредѣленіяхъ, на правилахъ древней Церкви и на послѣдующихъ опредѣленіяхъ греческой Церкви. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на предлагаемый вопросъ Кипріанъ не находитъ отвѣта или основанія для отвѣта въ правилахъ древнихъ, онъ дѣлаетъ собственныя соображенія, находя основанія для нихъ въ исторіи Христовой Церкви. Такъ, на вопросъ, позволительно ли крестить въ одной купели двухъ или трехъ дѣтей, Кипріанъ отвѣчаетъ: «а еже двое или трое дѣти въ одной купели крещати, или мужескій полъ, или женскій: о семъ убо написано нигдѣже обрѣтохъ, но приѣмлю свидѣтельство Іоаннова крещенія вѣгда ему на Ердани крещати; яко мнози народи крещавуся, приходяще, отъ него; такожде и при апостолѣхъ творимо бѣаше, якоже въ Дѣянїяхъ пишеть, яко не два или тріе крестими бѣяху во единой купели, но мнози единою». На этихъ примѣрахъ Кипріанъ основываетъ свое мнѣніе о позволительности совершать крещеніе двоихъ или многихъ въ одной купели. «Намъ же нынѣ неизреченно (неотреченно) есть, аще въ единой купели крестити двоя, или троя, или болѣ, во единомъ дни, молитвы же точію емуждо запрещельныя прочитати и отрицанія творити»⁽¹⁾. Правила митропо-

(1) Посл. къ игумену Аѳанасію. А. И. т. I. № 253. стр. 477.

лита Кипріана имѣли дѣйствительное употребленіе въ свое и послѣдующее время. Въ Стоглавникѣ, какъ замѣчено выше, указывается на нихъ, какъ на каноническія, и съ тѣмъ вмѣстѣ подтверждается ихъ важность. Въ требникѣ кіевского митрополита Петра Могилы помѣщены правила митрополита Кипріана, относящіяся къ христіанскому богослуженію, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли и въ «учительное извѣстіе», донинѣ печатаемое въ концѣ нѣкоторыхъ служебниковъ св. Церкви нашей.

ИНСТРУКЦІЯ МИССІОНЕРАМЪ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА,

БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО (¹).

1) Какъ обращать сердца человѣческія къ истинѣ принадлежитъ одному Богу: то миссіонерамъ, назначеннымъ на сіе важное служеніе, по утвержденіи ихъ святѣйшимъ синодомъ въ семъ званіи, предъ начатіемъ своего подвига надлежитъ приготовить себя постомъ и молитвою по наставленію епархіальнаго своего архіерея, и во всемъ поступать съ его вѣдома и благословенія.

2) Начинать дѣло служенія своего утвержденіемъ и наставленіемъ въ православіи народовъ,

(¹) Въ предыдущей (апрѣльской) книжкѣ «Православнаго Соборѣдника» на текущій 1865 годъ, помѣстивъ «пастырское посланіе» преосвященнѣйшаго Филарета, мы упомянули (стр. 304 примѣч.) о составленной этимъ архипастыремъ «инструкціи миссіонерамъ». Помѣщаемъ теперь эту «инструкцію», въ которой (пункт. 4) указывается и на означенное «пастырское посланіе». *Изд.*

просвѣщенныхъ уже святымъ крещеніемъ, въ тѣхъ уздахъ, которые каждому изъ нихъ назначены будутъ епархіальнымъ архіереемъ.

3) По прибытіи въ каждый новокрещенскій приходъ, имѣть квартиру у приходскаго священника; отъ котораго предварительно получить обстоятельное свѣдѣніе о состояніи христіанской вѣры и жизни прихожанъ. Потомъ, по общему съ ними совѣщанію, назначить воскресный или праздничный день для собранія прихожанъ, хотя не всѣхъ, а по крайней мѣрѣ по одному старшему изъ cadaго семейства, въ церковь къ слушанію божественной литургіи, которую миссіонеръ долженъ совершить соборнѣ со всѣми имѣющимися при церкви священнослужителями, и повѣстить о семъ прихожанамъ чрезъ сельское начальство.

4) По окончаніи литургіи, прочитать ему самому на рускомъ языкѣ пастырское посланіе прихожанамъ, которымъ снабдить его епархіальный архіерей, при отправленіи въ новокрещенскіе приходы, а потомъ тоже посланіе приходскому священнику или діакону прочитать на народномъ языкѣ ихъ.

5) По прочтеніи посланія, начать съ ними простую изустную бесѣду, приспособленную къ ихъ понятію, о христіанской вѣрѣ и жизни, соображаясь съ младенческимъ еще ихъ въ оной возрастомъ.

6) Ежели благодать Божія подвѣйствуетъ надъ сердцами ихъ такъ, что они всѣ изъявляютъ рѣ-

шительное свое намѣреніе оставить заблужденія и суевѣрія предковъ своихъ и жить похристіански: то миссіонеръ тогдаже соборнѣ имѣетъ совершить благодарственное Господу Богу молебствіе съ коленнопреклоненіемъ.

7) Послѣ сего миссіонеръ, вмѣстѣ съ священно и церковнослужителями, со святымъ и животворящимъ крестомъ и святою водою имѣетъ посвятить дома и семейства прихожанъ. При чемъ вникать ему тщательно въ образъ жизни ихъ относительно къ православной вѣрѣ, и простою съ ними бесѣдою убѣждать ихъ къ оставленію навсегда суевѣрныхъ обычаевъ язычества и къ соблюденію правилъ святой православной Церкви нашей, коея они дѣлаются сынами по воспріятіи святаго крещенія.

8) Если откроются упорствующіе въ заблужденіяхъ язычества, таковыхъ увѣщевать съ кротостію и терпѣніемъ, излагая имъ суетность языческихъ ихъ обычаевъ и внушая спасительный страхъ суда Божія на отпадающихъ отъ христіанской вѣры.

9) Которые убѣдившись увѣщаніями, рѣзъавтъ рѣшительное намѣреніе оставить заблужденіе язычества и жить похристіански, въ домахъ тѣхъ отслужить молебны и окропить ихъ святою водою, — и давъ наставленіе, чтобъ они твердо держались православнаго исповѣданія вѣры христіанской, поручить приходскимъ священникамъ, чтобъ въ слѣдующую святую четырѣдесятницу,

или въ другой постъ, исповѣдали ихъ и по удостоенію приобщили святыхъ таинъ.

10) Ежели окажутся такіе, которые останутся непреклонными къ убѣжденіямъ миссіонера, таковыхъ поручить приходскому священнику, чтобы онъ непрестанно ихъ увѣщевалъ и объ успѣхахъ доносилъ благочинному, а сей епархіальному архіерею.

11) Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть еще непросвѣщенные святымъ крещеніемъ идолопоклонники, миссіонеру проповѣдывать имъ слово Божіе на русскомъ языкѣ, буде они оный разумѣютъ. А ежели не знаютъ, то употреблять въ переводчики изъ приходскихъ священниковъ или діаконовъ.

12) Тѣхъ, кои изъявляютъ искреннее желаніе обратиться въ христіанство, наставивъ сколько можно въ важнѣйшихъ догматахъ христіанской вѣры и правилахъ православной Церкви, просвѣщать святымъ крещеніемъ самому миссіонеру по чиноположенію, и немедленно доносить о семъ епархіальному архіерею.

13) А которые изъ нихъ святаго крещенія воспріять не пожелаютъ, таковымъ принужденія къ крещенію отнюдь не чинить, и имъ за то ничѣмъ не угрожать, но поступать въ томъ по образу апостольской проповѣди со всякимъ смиреніемъ, тихостію и кротостію, оставляя ихъ съ миромъ до другаго благопріятнѣйшаго времени.

14) По исполненіи вышеозначеннаго въ одномъ новокрещенскомъ приходѣ, миссіонеру, составивъ обстоятельный о всемъ журналъ за своимъ и приходскаго священника подписаніемъ, отправиться въ другой ближайшій.

15) По возвращеніи изъ посольства, журналы сія. представляютъ епархіальному преосвященному при репортѣ съ своими замѣчаніями о причинахъ успѣха, или безуспѣшности обращенія невѣрующихъ, и утвержденія въ православіи крещенныхъ по каждому приходу.

О ВНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ВОСТОКѢ ВО ВЛАДѢНІЯХЪ МУСУЛЬМАНСКИХЪ, ОТЪ МАГОМЕТА ДО КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ (VII—XI В.).

Въ древнія времена Церковь Христова на востокъ, преимущественно предъ прочими странами, процвѣтала и просвѣщеніемъ и жизнію и благоустройствомъ. Тамъ видимъ многочисленный рядъ св. отцевъ и писателей, творенія которыхъ донынѣ составляютъ руководство въ вѣрѣ и жизни для всего христіанскаго міра. Востокъ представилъ многообразныя и многочисленные образцы совершенной жизни о Христѣ (*). На востокъ же, наконецъ, іерархія и вся внѣшность церковная достигли высшей степени благочинія и благолѣпія. Но съ VII вѣка св. Церковь на

(*) Въ пустыняхъ Египта, Ливіи и Палестины христіанскіе отшельники подвизались не десятками, но сотнями тысячъ.

востокъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія, подверглась тяжкимъ бѣдствіямъ ига невѣрныхъ: почти всѣ восточныя области, заключающія въ себѣ три восточные патріархата, были отторгнуты отъ византійской имперіи и поступили во власть невѣрныхъ. Съ этого времени восточные христіане подверглись такимъ бѣдствіямъ, которыя почти нисколько не легче были страданій христіанъ временъ первенствующихъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были даже тяжелѣе, нежели гоненія, воздвигавшіяся противъ христіанъ первыхъ вѣковъ.

Главная причина бѣдствій, которымъ подверглась восточная Церковь съ VII вѣка, заключается въ духъ и отличительномъ свойствѣ возникшаго, въ началѣ этого вѣка, новаго лжеученія и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя оно поставило своихъ послѣдователей къ христіанамъ. Это новое лжеученіе есть *исмаилъ*, основанный Магометомъ, аравитяниномъ изъ племени Курейшъ или Корейшъ.

Судя по *корану*, произведенію Магомета, и соображая его съ обстоятельствами жизни лжепророка аравійскаго и исторією мусульманства, находимъ, что какъ собственныя понятія Магомета о вѣрѣ, такъ и взглядъ его на другія вѣры, образовались не вдругъ, но окончательно опредѣлились и утвердились только къ концу его жизни, когда онъ успѣлъ сдѣлаться влѣстителемъ всей Аравіи. Первоначально, Маго-

метъ не мечталъ объ основаніи новой, общей для всего человѣчества, вѣры; онъ хотѣлъ сообщать своему народу, на его языкѣ, только ученіе о единомъ Богѣ, найденное имъ въ христіанствѣ; онъ выдавалъ себя за призваннаго быть только народнымъ пророкомъ арабовъ. Его стремленія и желанія сначала не простирались за границы Аравіи, внутри которой онъ хотѣлъ основать народную вѣру съ ученіемъ о единомъ Богѣ. Въ христіанствѣ ученіе о единомъ Богѣ стоитъ во внутренней связи съ ученіемъ о единой, для всѣхъ народовъ опредѣленной, вѣрѣ. Магометъ, не могши вдругъ понять все содержаніе мысли о единобожіи, сначала не ставилъ ученіе о единствѣ Божіемъ въ связи съ единствомъ вѣры, духовно соединяющей въ одно цѣлое всѣ народы земли; поэтому мусульманство, въ его понятіяхъ, было только равно другимъ вѣроученіямъ, признающимъ единобожіе, не исключая ихъ, ни само не исключаясь ими. Отсюда происходила у него та вѣротерпимость, которую проповѣдывалъ онъ въ началѣ своего дѣйствованія. Въ нѣкоторыхъ главахъ корана, происхожденіе которыхъ нужно относить именно къ первымъ временамъ проповѣди Магомета ⁽¹⁾, ясно

(1) Мнѣніе, что главы корана, внушающія вѣротерпимость, явились прежде главъ его, проникнутыхъ духомъ нетерпимости, согласно и съ настоящимъ мусульманскимъ вѣроученіемъ. Въ этомъ вѣроученіи относительно божественныхъ откровеній допускается такъ называемый тансихъ *تنسیخ* (отмѣненіе), по которому откровенія,

высказывается даже такое положеніе, будто мысль, что только одна вѣра есть истинная, основывается на чрезмѣрномъ высокомѣріи, и будто, если принимать ее, нужно предположить, что не всѣ народы составляютъ предметъ равной Божественной любви и промысла; онъ также замѣчаетъ, будто различіе вѣръ имѣетъ свое основаніе въ неисповѣдимыхъ путяхъ самого промысла Божія, и будто только въ будущей жизни откроется, на чьей сторонѣ истина, и потому христіане, іудеи и мусульмане должны сообразоваться съ извѣстнымъ имъ словомъ Божиимъ и стараться въ день неумолимаго суда по его предписаніямъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Въ одномъ мѣствѣ второй главы корана читаемъ: «многіе между тѣми, которые владѣютъ Писаніями, желали бы отвлечь

прежде данныя, если противорѣчатъ откровеніямъ послѣдующимъ, почитаются отмѣненными чрезъ эти послѣднія. Такъ, тауратъ توراة (законъ Моисеевъ), говорятъ мусульмане, отмѣненъ инджилемъ انجيل (евангеліемъ), а инджиль отмѣненъ кораномъ. Этотъ тансихъ допускается и въ отношеніи къ самому корану. И въ коранѣ, говорятъ мусульмане, есть насихъ ناسخ (стихи отмѣняющіе) и мансухъ منسوخ (стихи отмѣненные), изъ коихъ послѣдніе не имѣютъ уже обязательной силы. На этомъ основаніи нынѣшніе мусульмане, поставляя войну противъ немусульманъ въ число необходимыхъ священныя обязанности своихъ, думаютъ, что тѣ стихи корана, въ которыхъ внушается вѣротерпимость и снисходительность къ немусульманамъ, отмѣнены, какъ прежде явившіеся, стихами послѣдующими, въ которыхъ заповѣдуются воевать противъ немусульманъ и вообще поступать съ ними жестоко.

васъ къ невѣрію, послѣ того, когда вы увѣровали (это чисто изъ зависти), и послѣ того, когда истина ясно показалась вашимъ глазамъ. Они говорятъ: іудеи или христіане одни войдутъ въ рай. Но это только ихъ желанія. Нѣтъ; это скорѣе тотъ, кто совершенно преданъ Богу и кто будетъ творить добро, тотъ найдетъ возмездія у Господа; страхъ не коснется его и онъ не будетъ мучимъ» ⁽¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ второй же главы корана говорится: «навѣрно тѣ, которые вѣрують (т. е. мусульмане), и тѣ, которые слѣдуютъ религіи еврейской, и христіане, и савей, однимъ словомъ всякій, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день и кто будетъ творить добро, всѣ они получаютъ награду отъ ихъ Господа; страхъ не найдетъ на нихъ и они не будутъ мучимы» ⁽²⁾. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній написаны Магометомъ тѣ положенія корана, въ которыхъ онъ прямо заповѣдуетъ послѣдователямъ своимъ вѣротерпимость, мирныя и дружественныя отношенія къ немусульманамъ вообще и къ христіанамъ въ особенности. «Въ религіи нѣтъ принужденія» ⁽³⁾, говоритъ Магометъ. «Если бы захотѣлъ Богъ, то увѣровали бы всѣ народы земные. Хочешь ли ты приневолить людей сдѣлаться вѣрующими» ⁽⁴⁾?

⁽¹⁾ Алкоран. гл. 2, ст. 103. 105. 106. стр. 17. М. 1864.

⁽²⁾ Тамже, ст. 59. стр. 11.

⁽³⁾ Тамже, ст. 257. стр. 36.

⁽⁴⁾ Тамже, гл. 10, ст. 99. стр. 154.

Но множественность вѣрованій, какую сначала допускалъ Магометъ, прямо противорѣчитъ ученію о единомъ Богѣ, и Магометъ, когда болѣе освоился съ мыслію о единобожіи, когда яснѣе и раздѣльнѣе сталъ сознать ее, мало помалу понялъ связь между единобожіемъ и единымъ всемірнымъ вѣроученіемъ, и вмѣстѣ съ этимъ, вмѣсто народнаго, только арабскаго, пророка, выдалъ себя за пророка всемірнаго, и арабская вѣра со всеми свойствами частной народности сдѣлалась въ его намѣреніяхъ всемірною вѣрою. Такимъ образомъ, Магометъ отвергъ, сначала допущенное имъ, равенство исламу и самостоятельное существованіе всякой другой вѣры; всѣ вѣроученія, по его новому взгляду, должны исчезнуть, чтобы вездѣ водворилось одно, новое, всемірное вѣроученіе мусульманское. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, вытекаетъ враждебное отношеніе ислама ко всѣмъ вѣроученіямъ вообще и къ христіанству въ частности. И такъ какъ исламъ, не смотря на свои притязанія на значеніе вѣроученія всемірнаго, не могъ однакоже отрѣшиться отъ своего первоначальнаго, приуроченнаго къ извѣстному народу, качества, такъ что въ немъ, какъ и во всякомъ народномъ вѣроученіи, политика и вѣра, государство и вѣроисповѣданіе не отдѣлены другъ отъ друга,—первосвященникъ есть вмѣстѣ и государь: то, вслѣдствіе такого смѣшенія политики и вѣры, исламъ не могъ довольствоваться однимъ внутрен-

нимъ призваніемъ къ вѣрѣ, путемъ убѣжденія, посредствомъ основаній и доказательствъ, но требовалъ еще для своего распространенія внѣшняго, насильственнаго обращенія немусульманъ, требовалъ истребленія упорныхъ въ принятіи ислама огнемъ и мечемъ. Поэтому джигадъ (войну) и вообще жестокое обращеніе съ немусульманами исламъ постановилъ въ число священныхъ обязанностей⁽¹⁾. «Сражайтесь съ невѣрными, говоритъ лжепророкъ отъ лица Божія, доколь не будетъ болѣе искушенія и не будетъ иного служенія, кромѣ какъ единому Богу⁽²⁾. Когда вы встрѣтите невѣрныхъ, ну хорошо! убивайте ихъ до того, чтобъ сдѣлать изъ этого большую рѣзню и крѣпко жмите пути плѣнниковъ. Потомъ отпускайте ихъ на свободу или по уплатѣ выкупа возвращайте назадъ, когда война сложитъ свое бремя. Такъ поступайте⁽³⁾. По окончаніи священныхъ мѣсяцевъ⁽⁴⁾ убивайте невѣрныхъ вездѣ, гдѣ ихъ найдете, берите ихъ въ плѣнъ, осаждайте ихъ и караульте во всякой засадѣ»⁽⁵⁾. «Воюйте съ тѣми, которые не вѣруютъ въ Бога

⁽¹⁾ *Алкоран.* гл. 9, ст. 124. гл. 47, ст. 37. гл. 48, ст. 16. 17. стр. 145. 379. М. 1864.

⁽²⁾ Тамже, гл. 8, ст. 40. стр. 129.

⁽³⁾ Тамже, гл. 47, ст. 4. 5. стр. 374. 375.

⁽⁴⁾ Священными почитаются у магометанъ четыре мѣсяца: рѣжабъ, зуль-каада, зуль-хиджа и мухаррамъ. Въ эти мѣсяцы запрещено убивать не только людей и животныхъ, но даже вредныхъ насекомыхъ.

⁽⁵⁾ *Алкоран.* гл. 9, ст. 5. стр. 133.

и послѣдній день, которые не смотрятъ на за-
прещенное Богомъ и Его пророкомъ, какъ на за-
прещенное, и съ тѣми изъ людей Писанія (т. е.
іудеями и христіанами), которые не имѣютъ вѣры
къ истинѣ (т. е. исламу). Воюйте съ ними, по-
куда они не заплатятъ дань (джизьё *جزية* — вы-
купъ за голову) всѣ безъ исключенія и не бу-
дутъ усмирены» (').

Такъ магометовъ законъ велитъ своимъ по-
слѣдователямъ поступать съ немусульманами!
Очевидно, послѣдователи такого закона должны
были сдѣлаться самыми жестокими, безпощад-
ными притѣснителями христіанъ, если послѣдніе
подпадали подъ ихъ иго. Напрасно нѣкоторые
изъ мнимыхъ христіанъ (²) стараются доказать,
будто Магометъ заповѣдалъ послѣдователямъ толь-
ко мирныя отношенія какъ къ христіанамъ, такъ
и вообще къ членамъ другихъ вѣроученій, и буд-
то его непріязненныя выраженія и повелѣнія
имѣютъ только временное значеніе, касаются
только военныхъ обстоятельствъ, которыми они

(¹) *Алкоран*. гл. 9, ст. 29. стр. 135. Девятая глава корана вообще проникнута заповѣдами, чтобы мусульмане воевали противъ немусульманъ; поэтому-то, говорятъ нѣкоторые арабскіе толковники корана (см. Базави Тавсиръ стр. 376), глава эта не имѣетъ обыкновеннаго заглавія, находящагося предъ прочими главами корана: «во имя Бога милостиваго и милосердаго». На эту же главу опираются, главнымъ образомъ, изувѣрные ревнители ислама, почитая войну противъ немусульманъ вообще и противъ христіанъ въ частности необходимою обязанностию каждаго мусульманина.

(²) Напр. нѣмецкій ориенталистъ Герокъ. *C. F. Gerock: Versuch einer Christologie des Corans*. Hamburg und Gotha. 1839.

будто и были вызваны. Въ коранѣ, какъ мы видѣли, бевотвѣстительно заповѣдуются война противъ невѣрныхъ, подѣ которыми разумѣются и христіане ⁽¹⁾; кромѣ того, вся исторія мусульманства, послѣ Магомета, какъ увидимъ ниже, носитъ на себѣ печать дикой, изступленной, воинственной вражды къ христіанамъ. Откуда же этотъ воинственный, разрушительный духъ въ мусульманствѣ, если онъ не вдохнутъ въ него самимъ Магометомъ? Отчего ближайшіе послѣдователи и непосредственные преемники Магомета ⁽²⁾, которымъ онъ оказывалъ дружеское

(¹) Въ коранѣ христіане нерѣдко называются **كافرون** кяфирами, невѣрными, но чаще **مشركون** мушриками, т. е. придающими товарищей Богу. Последнее изъ этихъ названій придано христіанамъ потому, что они содержатъ учене о пресл. Троицѣ, котораго не позналъ Магометъ.

(²) Современники Магомета, называемые у мусульманъ **асхабами** т. е. спутниками, товарищами пророка, пользуются въ мусульманствѣ особеннымъ уваженіемъ, и слова и поступки ихъ поди-таются закономъ для всякаго мусульманина. Ихъ имена произносятся и пишутся мусульманами не иначе, какъ съ прибавленіемъ молитвеннаго выраженія **رضی اللہ عنہ** **разы-Аллагу ангу**, т. е. «да благо-волить къ нему Богъ!», подобно тому, какъ къ имени самаго Магомета и пророковъ прибавляютъ **عليہ السلام** **алийи-саламу** — салату вас-саламъ, т. е. «миръ и благословеніе ему!» Кромѣ того, какъ во всѣхъ молитвахъ, такъ и въ началѣ всякой книги, послѣ славословія Богу, слѣдуетъ непременно: **الصلاة والسلام على محمد وآله واصحابه** эс-салау ва-саламъ аля Мухаммадинъ ва аля алити ва асхаби, т. е. «благословеніе Божіе и миръ Магомету и семейству его и товарищамъ (асхабамъ) его».

довѣріе, которые отъ него самого приняли во всѣхъ подробностяхъ его мнѣнія, и которымъ поэтому лучше всего должны быть извѣстны точныя, однажды навсегда установившіяся, мысли Магомета,—отчего они всегда отличались изступленнымъ преслѣдованіемъ всѣхъ немусульманъ, если они не были возбуждены къ тому духомъ своего учителя? Но какъ бы ни рассуждали изслѣдователи мусульманства, т. е. самъ ли арабскій лжепророкъ думалъ внушить своимъ послѣдователямъ духъ изступленной нетерпимости и жестокаго обращенія съ немусульманами, или же вина всѣхъ гоненій и бѣдствій, какія терпѣли и терпятъ хрістіане въ мусульманскихъ странахъ отъ своихъ поработителей, падаетъ единственно на изступленныхъ послѣдователей ислама, независимо отъ самого Магомета ⁽¹⁾—для насъ важно то, какъ послѣдователи Магомета понимали и понимаютъ законъ его, и какъ свое пониманіе выражали и доселѣ выражаютъ на дѣлѣ. По мусульманскому ученію, весь міръ раздѣляется только на двѣ страны: на даруль-исламъ и даруль-харбъ (دار الحرب دار الاسلام), т. е. на страну ислама и страну войны; средины между ними нѣтъ, такъ что поэтому мусульмане постоянно должны быть въ войнѣ съ немусульманами, и джигадъ или свя-

⁽¹⁾ Чего, впрочемъ, никакъ нельзя допустить: ибо откуда же это изувѣрство въ магометанахъ, если не изъ духа магометова закона?

щенная война для славы и распространения ислама въ учебныхъ богословскихъ книгахъ мусульманъ поставляется въ число заповѣдей фарзъ فرض⁽¹⁾, — первыхъ, коренныхъ, священныхъ обязанностей мусульманина.

Вслѣдствіе такого воинственного направленія, заключающагося въ духъ и отличительныхъ свойствахъ магометова закона, послѣдователи Магомета не остались навсегда въ предѣлахъ одной Аравіи, но вскорѣ, по смерти своего лжепророка-законодателя, быстрымъ потокомъ выступили изъ предѣловъ своего полуострова и разлились по всему востоку.

Еще при жизни Магомета постепенно покорены были мусульманами всѣ племена аравійскаго полуострова. Племена, исповѣдывавшія писанный законъ (اهل الكتابъ люди книги), т. е. племена іудейскія и христіанскія, покорившіяся на основаніи договоровъ, получили отъ самого Магомета право оставаться при своей вѣрѣ; но зато они

(¹) Въ мусульманскихъ богословско-юридическихъ книгахъ различается двоякій фарзъ: фарзу-айнъ и фарзу-кифая, фарзъ лица и фарзъ общества. Перваго рода фарзъ исполняется лично каждымъ мусульманиномъ; исполненіе втораго рода фарза требуется только отъ цѣлаго общества, но не отъ каждаго члена его лично, такъ что если нѣсколько членовъ исполнять эту обязанность, то ни на комъ нѣтъ грѣха; если же никто не исполнитъ, то грѣхъ на всемъ обществѣ. Джигадъ всегда почитается фарзомъ кифая: мусульмане вообще должны непрестанно вести войну съ немусульманами; но когда нападаютъ на мусульманъ сами немусульмане, тогда джигадъ становится фарзу айнъ, такъ что даже женщины и рабы, не спрашивая позволенія своихъ господъ, должны сражаться. *Казембек. Мухтасар-уль-Викая*, гл. о Джигадѣ. Казань. 1290 г. гижры.

должны были платить тяжкую дань и подчиниться крайне стѣснительнымъ условіямъ ⁽¹⁾. При жизни же самого Магомета произошло и первое столкновение мусульманъ съ христіанами византійской имперіи. По взятіи іудейской крѣпости Хайбаръ, Магометъ отправилъ пословъ къ арабамъ-христіанамъ, жившимъ на границахъ Сиріи во владѣніяхъ греческихъ, съ требованіемъ, чтобы они приняли его ученіе. Арабы-христіане осмѣяли пословъ Магомета, а одинъ изъ нихъ, именно Харисъ ибнъ-Умайръ, былъ убитъ по повелѣнію Амру бенъ-Шурагбилъ, князя изъ поколѣнія царей гассанскихъ ⁽²⁾, управлявшаго городомъ Мута

(1) Въ фетвѣ ибнъ-Наккаха, помѣщенной въ *Journal asiatique* 1851 Novembre—Decembre, Абу-Даудъ мединскій, изучавшій преданія подъ руководствомъ Абу-Гурейры-ибнъ-Аббасъ (въ 117 г. дж. т. е. 755 г. ис. Христ. умер.) рассказываетъ, что Магометъ далъ миръ христіанамъ Наджрана (знам. города въ Іеменѣ) подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они ежегодно платили мусульманамъ по 1000 одеждъ; сверхъ того, одновременно они должны были дать своимъ побѣдителямъ 30 кольчугъ, 30 верблюдовъ, 30 лошадей и по 30 штукъ всякаго оружія, какимъ они сражались съ мусульманами. За это мусульмане обѣщали не разрушать христіанскихъ церквей, не изгонять священниковъ ихъ и не принуждать христіанъ къ принятію ислама, если послѣдніе сами не подадутъ къ тому повода нарушеніемъ обязательства. По другимъ преданіямъ мусульманскимъ, однимъ изъ условій обязательства, взятаго съ христіанъ арабійскихъ, было то, чтобы христіане не строили новыхъ церквей и не поновляли разрушенныхъ мусульманами. *Journal asiat.* 1852. Janvier—Fevrier. Наконецъ христіанскій городъ Эла (на синайскомъ полуостровѣ) сохранилъ свое существованіе, признавъ власть Магомета и обязавшись ежегодно платить ему 300 золотыхъ монетъ. *А. Порфир.* Первое путешествіе въ синайскій монастырь. стр. 129. Спб. 1856.

(2) Цари гассанскіе, по обращеніи къ христіанству, зависѣли отъ византійской имперіи, и хотя константинопольское правительство не имѣло на нихъ большаго вліянія, однако право на управленіе областію они получали отъ наслѣдниковъ Константина великаго и сра-

во имя императора Ираклия. Вслѣдствіе этого Магометъ въ 629 г. отправилъ противъ имперіи трехъ-тысячное войско, подъ начальствомъ своего отпущенника, Зейда, чтобы на границахъ Палестины начать кровавую борьбу противъ христіанства. При Мутѣ мусульмане въ первый разъ встрѣтились съ греками. Зейдъ палъ въ началѣ сраженія и Халидъ ибнъ-Валидъ, принявъ начальство, отступилъ съ ослабѣвшимъ войскомъ, не успѣвъ одержать победы. Но неуспѣхъ самого лжепророка въ войнѣ съ имперіею не могъ остановить воинственныхъ порывовъ его послѣдователей, яростно возбужденныхъ къ войнѣ проповѣданною имъ новою вѣрою.

Что замышлялъ и чего не успѣлъ исполнить самъ Магометъ, то довершили его преемники. По смерти Магомета, тестъ его Абу-Бекръ, еще при жизни лжепророка, во время его болѣзни, исправлявшій всѣ его обязанности (т. е. представлялъ на молитвахъ и распоряжался въ дѣлахъ гражданскаго управленія), принялъ титулъ калифа, т. е. намѣстника лжепророка и властителя всѣхъ мусульманъ. Едва Абу-Бекръ успѣлъ утвердить за собою калифатъ и усмирить недовольныхъ внутри полуострова (Аравіи), какъ немедленно выслалъ въ предѣлы имперіи войска подъ начальствомъ полководцевъ, воспитанныхъ въ школѣ Магомета, коковы были: Ха-

жались за грековъ въ войнѣ между имперіею и персидскимъ царствомъ. *Desvergers Arabie. Paris. 1847. pag. 183.*

лидъ, Абу-Обейдъ и Амру бенъ-Асы. Послѣ покоренія Муты и Босры, Амру бенъ-Асы осадилъ Газу. Когда газскій градоначальникъ спросилъ его, зачѣмъ онъ приступилъ къ городу, Амру далъ такой отвѣтъ, который ясно отличилъ отличное свойство войны, объявленной имперіи проповѣдниками новой вѣры. Амру отвѣчалъ: «владыка нашъ повелѣлъ намъ сражаться съ вами, если не примете нашей вѣры и такимъ образомъ не сдѣлаетесь нашими союзниками и братьями. Если же этого не хотите, то платите намъ дань на вѣки, доколѣ будете жить между нами. Если же и этого не хотите, то между вами и нами будетъ только мечъ и мы будемъ бить васъ, исполняя заповѣдь Божию» ⁽¹⁾. Въ 634 г. Газа сдалась. Въ томъ же году 23 августа, — въ тотъ самый день, въ который умеръ въ Мединѣ Абу-Бекръ, палъ предъ оружіемъ мусульманъ и укрепленный Дамаскъ, сдѣлавшійся вскорѣ послѣ того столицею калифовъ. По свидѣтельству арабскаго писателя Шейха Альмякина, по договору, въ силу котораго сдался Дамаскъ Халиду бенъ-Валидъ, дамаскская соборная церковь св. Іоанна крестителя раздѣлена была на двѣ половины, изъ коихъ одна осталась христіанскою церковію, а другая обращена была въ мечеть ⁽²⁾. Особен-

⁽¹⁾ Альмяк. Hist. Saracen. pag. 19. Подобный же отвѣтъ далъ Амру бенъ-Асы, когда взятъ былъ въ плѣнъ въ сраженіи при Александріи. Тамже, стр. 23.

⁽²⁾ Hist. Saracen. pag. 25. — Это раздѣленіе впоследствии повело къ спорамъ между христіанами и магометанами о правахъ на храмъ. См. ниже.

но много завоеваній сдѣлано было при преемникѣ Абу-Бекра, Омарѣ бенѣ-Хаттабѣ. Въ 635 г. покорены оружіемъ мусульманъ Иліополь (нынѣ Бальбекъ), Кенесринъ (древняя Халкида), Лаодикія и Эмеса. Послѣ упорной битвы мусульманъ съ императорскими войсками при рѣчкѣ Іермукъ, близъ Тиверіады, Омаръ повелѣлъ своимъ войскамъ обратиться на Іерусалимъ, священный и для мусульманъ, какъ мѣсто погребенія ветхозавѣтныхъ пророковъ и мнимаго вознесенія Магомета на небо. По первому повелѣнію калифа пятитысячный отрядъ арабскихъ войскъ, подъ начальствомъ Абу-Софіана, подступилъ къ стѣнамъ іерусалимскимъ. Жители Іерусалима отвергли всѣ предложенія о сдачѣ и отбили первые приступы, продолжавшіеся десять дней. Главный военачальникъ Абу-Обейда, приведшій съ собою остальныхъ арабскія дружины, думалъ устрашить осажденныхъ своими несмѣтными полчищами и написалъ къ нимъ письмо такого содержанія: «мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы признали единого Бога и Магомета, пророка Божія, и страшный день судный, и воскресеніе мертвыхъ. Когда согласитесь на это исповѣданіе, намъ нельзя уже будетъ ни проливать кровь вашу, ни расхищать имущества и чадъ вашихъ; если же отречетесь отъ этого, то должны платить дань, иначе пошлю противъ васъ людей, которые болѣе любятъ смерть, нежели сколько вы сами любите упиваться виномъ и пресыщаться свинымъ мя-

сомъ ⁽¹⁾; и я не оставлю васъ, если это угодно будетъ Богу, доколь не порабощу васъ и дѣтей вашихъ, истребивъ и тѣхъ, кто сражался за васъ» ⁽²⁾. Мужественные защитники святаго града не утрашили угрозы непріятеля и въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ продолжались вылазки, стоившія много крови и осажденнымъ и осаждавшимъ. Тогдашній патріархъ св. Софроній своими рѣчами поддерживалъ мужество гражданъ. Но, послѣ двухлѣтней осады, Іерусалимъ сданъ былъ патріархомъ на капитуляцію самому калифу Омару. Омаръ далъ отъ себя охранительную грамоту іерусалимскимъ христіанамъ: «во имя милостиваго и милосердаго Бога, Омаръ бенъ-Хаттабъ даруетъ безопасность городу Эліи, какъ самимъ гражданамъ, такъ и ихъ женамъ и дѣтямъ, имуществу и всѣмъ ихъ церквамъ: онѣ не будутъ ни сломаны, ни закрыты» ⁽³⁾. Но за эту безопасность христіане обложены были тяжелою податью и подчинились другимъ тяжкимъ условіямъ. Подписавъ условія, на которыхъ сдался Іерусалимъ, Омаръ вступилъ въ городъ. По свидѣтельству Альмякина ⁽⁴⁾, Омаръ посѣтилъ церковь воскресенія и помолился на ступеняхъ

⁽¹⁾ Употребленіе вина запрещено магометанамъ 92 и 93 стихами 5 главы, а мяса 4 стихомъ тойже главы корана. *Алкоран*. стр. 87—88. 78—79. М. 1864.

⁽²⁾ *Marign. Hist. des Arab. t. I. p. 273 — 290.*

⁽³⁾ *Альмяк*. стр. 28.

⁽⁴⁾ *Альмяк*. стр. 28.

ея, потомъ спросилъ у патріарха о мѣстѣ храма Соломонова и, когда оно было указано, очистилъ его и заложилъ на немъ мечеть. Другіе христіанскіе лѣтописцы присовокупляютъ, что, видя это, Софроній со слезами сказалъ: «теперь по-истинѣ будетъ на святомъ мѣстѣ мерзость запустѣнія, предсказанная пророкомъ Даніиломъ»⁽¹⁾.

Окончивъ дѣла въ Іерусалимѣ, калифъ возвратился въ Медину. Между тѣмъ полководцы его продолжали завоевывать Сирію. Въ скоромъ времени, послѣ упорнаго сопротивленія, палъ Алепъ, важный по своей торговлѣ и населенности, а за нимъ (въ 639 г.) и Антиохія⁽²⁾, по своему гражданскому и церковному значенію уступавшая развѣ только Константинополю. Когда такимъ образомъ важнѣйшіе города востока покорялись мусульманамъ, императоръ Ираклій удаллся въ Константинополь, оставивъ на полѣ брани сына своего Константина; но и этотъ, не видя нигдѣ ни средствъ, ни силъ къ сопротивленію, принужденъ былъ бросить область, которая съ его удаленіемъ вся перешла во власть мусульманъ. Съ паденіемъ (въ 639 г.) Кесаріи

⁽¹⁾ Θεοφάνης χρονολογία. Venetiis. 1729. σελ. 224. *Pauli diaconi* Histor. miscell. in Patrolog. curs compl. tom. XCV. p. 1046.

⁽²⁾ По Θεοφάνу, Антиохія покорена арабами въ 638 г. (χρονολογ. σελ. 224), а по одной арабской рукописной исторіи Антиохіи — въ 639 г. при патріархѣ православномъ Григоріи. Швейцаревъ. Антиох. Церковь (Москвит. 1844. № 11).

палестинской, гдѣ было средоточіе императорскаго управленія въ Сиріи, кончилось на востокъ владычество кесарей. Такъ въ короткое время, въ семь только лѣтъ, столько знаменитыхъ городовъ востока, одинъ за другимъ, покорились мусульманамъ, — и святыя мѣста, гдѣ въ скромной тишинѣ совершались таинства святой Вѣры, по несповѣдимымъ судьбамъ промысла Божія, сдѣлались добычею злѣйшихъ враговъ христіанства.

Послѣ совершеннаго покоренія Сиріи арабами ту же участь испытала и плодоносная долина Нила. Арабы скоро и безъ труда овладѣли Египтомъ. Внутреннее раздѣленіе, бывшее слѣдствіемъ давнихъ споровъ о вѣрѣ и въ царствованіе Ираклія перешедшее въ крайнее ожесточеніе, было главною причиною успѣха мусульманъ въ Египтъ⁽¹⁾.

Въ 639 г. мусульмане вступили въ Египетъ и, послѣ сраженія съ греческимъ войскомъ при Пелузіумѣ, осадили греческую крѣпость Вавилонъ (слабые остатки знаменитаго въ древности Мемфиса). Начальникъ этой крѣпости и правитель верхняго Египта, Мокукосъ, уроженецъ египетскій и, по своимъ родственнымъ отношеніямъ и вѣроисповѣданію, привязанный къ дѣлу противной правительству партіи коптовъ, по соглашенію съ главами коптской партіи въ общемъ со-

⁽¹⁾ *Renaudot. Hist. patriarch. alexandr. jacobit. pag. 164. Paris. 1713.*

браніи, заключилъ съ Амру договоръ ⁽¹⁾, въ силу котораго копты подчинились калифу съ обязательствомъ ежегодно платить по два динарія съ души, исключая стариковъ, женщинъ, дѣтей и духовенства, и за это Амру обвѣщалъ имъ пощаду и охраненіе ихъ Вѣры. Греки, принужденные бѣжать отсюда, укрѣпились въ Александріи. Амру осадилъ Александрію. Осада продолжалась четырнадцать мѣсяцевъ. Копты, по свидѣтельству Макризи ⁽²⁾, усердно помогали мусульманамъ. Наконецъ въ декабрь 640 г. ⁽³⁾ Александрію взяли приступомъ и весь Египетъ призналъ надъ собою власть калифа Омара.

При преемникъ Омара Османъ, въ 647 г., завоеваны были греческія области сѣверной Африки, а въ слѣдующемъ 648 г. островъ Кипръ ⁽⁴⁾. Въ царствованіе Константина Погоната арабы напали и на самую столицу имперіи. Калифъ Муавія снарядилъ многочисленный флотъ и отправилъ его, подъ начальствомъ Софіана-ибнъ-Ауфъ, къ берегамъ Эракии. Семь лѣтъ арабы осаждали Константинополь со всѣмъ изувѣрствомъ; но его спасло заступленіе Божіей Матери. Арабы отступили съ потерей большей части флота и

⁽¹⁾ *Renaudot.* тамже, pag. 162.

⁽²⁾ Исторія коптовъ ذکر قبط Шейха, Имама-ибнъ-Аббасъ-Ахмедъ-бенъ-Али-Такы-д-динъ-аль-Макризи, изданная на арабскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ F. Wüstenteld. стр. 51. Göttingen. 1845.

⁽³⁾ 20 г. гидж. въ мѣсяцъ Мухаррамъ. *Альмяк.* стр. 24.


⁽⁴⁾ *Альмяк.* стр. 30.

30.000 войска ⁽¹⁾. Но преемникъ Погоната Юстиніанъ Ринотметъ принужденъ былъ (въ 690 г.) уступить арабамъ Арменію ⁽²⁾.

Бурное время завоеваній арабовъ, кончившееся подчиненіемъ игу мусульманъ трехъ патріаршихъ округовъ, безъ сомнѣнія, было тяжелымъ временемъ для христіанъ востока. Если вообще война есть великое народное бѣдствіе, то война дикихъ сыновъ степей, изступленныхъ послѣдователей ислама, которыхъ самая вѣра учитъ быть жестокими къ немусульманамъ, по-истинѣ могла быть только самымъ ужаснымъ бичемъ для христіанъ восточныхъ ⁽³⁾. Ужасъ и страшное опустошеніе всюду слѣдовали за оружіемъ магометанъ, а затѣмъ естественныя слѣдствія опустошенія—голодъ и моровая язва ⁽⁴⁾. Огромные налоги, которыхъ требовали мусульмане съ побѣжденныхъ за пощаду жизни, должны были истощить и самыя богатыя страны. Многіе города, взятые приступомъ ⁽⁵⁾, преданы были на разграбленіе,—здѣсь никому и ничему не было пощады. Варвары грабили все и производили всякаго рода

⁽¹⁾ Θεοφαν. χρονολογ. σελ. 234.

⁽²⁾ Paul. diac. Hist. miscel. p. 1059.

⁽³⁾ Замѣчательны прозванія, какія давали современники 'арабскимъ вождямъ. Такъ, лѣтописецъ Θεοφανъ о Халидѣ ибнѣ-Валидѣ говоритъ: Ἀμῆρῶς (т. е. эмиръ ) повелитель или полководецъ) ὁ Χαλεδός, ὃν λέγουσι Μαχαράν τῷ Θεῷ (котораго называютъ мечемъ Божиимъ).

⁽⁴⁾ Альмяк. Hist. Saracen. pag. 30.

⁽⁵⁾ Газа, Кесарія, Александрія и другіе.

насилія , ругались надъ святынею христіанъ и жгли ихъ церкви ⁽¹⁾, какъ мѣста , особенно имъ ненавистныя. Среди ужасовъ опустошительной войны не оставалась безъ дѣйствія и крайняя ревность о всемирномъ распространеніи ислама, столь свойственная ему. Послѣдователи ислама при всякомъ случаѣ и прежде всего ⁽²⁾ старались навязать побѣжденнымъ свою вѣру, для прославленія и распространенія которой они главнымъ образомъ и сражались. Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ люди слабодушные, изъ мірскихъ выгодъ, отрекались отъ святой Вѣры на той самой землѣ, которая запечатлѣна была и кровію Спасителя, и становились ⁽³⁾ въ ряды враговъ креста Христова; тѣ же , которые устояли въ Вѣрѣ среди тяжелыхъ испытаній , большею частию бѣжали въ горы и мѣста безопасныя, унося съ собою, отъ жадности и презорства невѣрныхъ, свящ. сосуды, церковную утварь и св. мощи. Многіе совсѣмъ оставляли отечество и искали убѣжища въ свободныхъ отъ мусульман-

(1) Такъ въ Александріи, кромѣ многихъ другихъ, сожжена была церковь святаго евангелиста Марка. *Renaudot.* p. 163.

(2) См. приведенныя нами выше прокламаціи Амру и Абу-Обейды.

(3) Таковъ напр. былъ императорскій префектъ города Алеппо, котораго арабскіе лѣтописцы называютъ: *Юкина*. Онъ до послѣдней крайности защищалъ городъ противъ Абу-Обейды ; но, принужденный уступить силѣ арабовъ, не только принялъ исламъ , но, послѣ отступничества, самъ сдѣлался однимъ изъ ожесточенныхъ и наиболее опасныхъ враговъ христіанъ. Ему обязаны арабы, между прочимъ, покореніемъ Антиохіи.

скаго меча областяхъ греческихъ, или же въ отдаленныхъ странахъ запада. Другіе удалялись въ монастыри и пустыни и среди молитвъ и иноческихъ подвиговъ, съ упованіемъ на одного Бога, ожидали конца своей жизни ⁽¹⁾.

Таковы были бѣдствія восточныхъ христіанъ во время нашествія мусульманскихъ завоевателей. Каковы же были отношенія мусульманъ-завоевателей къ побѣжденнымъ христіанамъ, когда послѣдніе сдѣлались подданными мусульманскихъ государей, подчинились мусульманскимъ гражданскимъ законамъ, и каково было вообще состояніе восточнаго христіанства подъ мусульманскимъ правительствомъ?

На основаніи заповѣди корана мусульмане давали покореннымъ ими христіанамъ, въ видахъ обращенія ихъ впослѣдствіи къ исламу, аманъ ^{امن} или безопасность, за плату опредѣленной дани ⁽²⁾. Эта дань, наложенная на христіанъ въ качествѣ выкупа изъ плѣна, какому они подвергались вслѣдствіе завоеванія, какъ-бы очищала ихъ предъ мусульманскимъ закономъ отъ непринятія ислама, и христіане, сдѣлавшись подданными мусульманскаго государства, имѣли нѣкоторое право, по-

⁽¹⁾ Такъ, по свидѣтельству православнаго патріарха александрійскаго Евтихія Саида, Ваганъ, родомъ армянинъ, императорскій военачальникъ, послѣ пораженія при Аджназанъ, бѣжалъ въ пустыню горы Синая, гдѣ принялъ схиму и провелъ остатокъ дней своихъ въ составленіи толкованій на псалмы. *Desverger. Arabie.* p. 226.

⁽²⁾ *Алжоран.* гл. 9, ст. 6. стр. 133. М. 1864. Снес. Тавсиръ Бейзавія, по жейпцигскому изданію Флейшера, стр. 213.

добно мусульманамъ, пользоваться покровительствомъ гражданскихъ законовъ и обезпеченіемъ какъ личной безопасности, такъ и цѣлости имущества. «Когда невѣрные, говоритъ Али ⁽¹⁾, четвертый калифъ, платятъ намъ дань, то чрезъ это кровь (т. е. жизнь) ихъ поставляется въ одинъ уровень съ нашею кровію и имущество ихъ—съ нашимъ имуществомъ». Но эти слова, высказанныя въ мгновенномъ порывѣ справедливости, не служатъ однако подлиннымъ выраженіемъ дѣйствительнаго состоянія, въ какомъ всегда находились немусульманскіе подданные арабскихъ калифовъ. Правда христіане могли отправлять богослуженіе по предписаніямъ своей Вѣры; но эту возможность они покупали цѣною такихъ унижений, какія только могла придумать изуверная нетерпимость побѣдителей ихъ. Въ фетвѣ ⁽²⁾ ибнъ-Наккаха ⁽³⁾, ученаго мусульманскаго правовѣда VIII вѣка гиджры (XIV по Р. Х.), сообщается отъ имени Абдур-Рахмана ибнъ-Гоунамъ ⁽⁴⁾ обязательство, какое обыкновенно требовалъ Омаръ I съ покорявшихся ему христіанъ. Абдур-Рах-

⁽¹⁾ *Desvergers* Arabie. p. 213.

⁽²⁾ Фетва *فتوى* рѣшеніе муфтія — истолкователя закона — на какойнибудь юридическій вопросъ.

⁽³⁾ Фетва ибнъ-Наккаха, въ французскомъ переводѣ, помѣщена въ *Journal asiatique*. Novembre — Decembre. 1851.

⁽⁴⁾ Абду-р-Рахманъ ибнъ-Гоунамъ аль-Ашори упоминается, въ біографическомъ словарѣ Соути, въ числѣ асхабовъ (спутниковъ) Магомета. Онъ умеръ въ 78 г. гиджры.

манъ говоритъ: «мы писали отъ имени христіанъ Омару ибнъ-Хаттабъ слѣдующее: „мы просимъ у васъ амана (безопасности, покровительства) для себя самихъ, семействъ своихъ, имущества своего и для всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ: за что въ отношеніи къ вамъ обязуемся впредь не строить въ городахъ нашихъ и въ ихъ окрестностяхъ ни монастырей, ни церквей, ни архіерейскаго дома, ни монашескаго скита, также не поновлять то, что будетъ разрушено, или что уже находится въ рукахъ мусульманъ ⁽¹⁾. Мы не будемъ возвращать мусульманамъ входить въ наши церкви какъ днемъ, такъ и ночью; мы будемъ отворять церковныя двери для проходящихъ и путешественниковъ; будемъ принимать къ себѣ всякаго путешествующаго мусульманина и кормить его въ продолженіе трехъ дней; не будемъ давать убѣжища врагамъ государства ни въ церквахъ, ни въ домахъ нашихъ и не будемъ таить никакого коварства противъ мусульманъ; не будемъ учить дѣтей своихъ корану ⁽²⁾; не будемъ ни проповѣдывать закона своего, ни призывать кого либо къ нему; также никому изъ своихъ не будемъ

(1) Это, кажется, также относится къ церквамъ, монастырямъ и къ другимъ общественнымъ зданіямъ христіанскимъ.

(2) Впослѣдствіи мнѣнія улемовъ (ученыхъ) относительно чтенія корана немусульманами раздѣлились. Секта Малика запрещаетъ имъ читать коранъ, секта Абу-Ханифи (которой слѣдуютъ константинопольскіе турки и русскіе татары) позволяетъ, а Шафеи двухъ мнѣній: съ одной стороны, позволяетъ имъ изучать коранъ, въ томъ предположеніи, что занятіе имъ показываетъ склонность къ исламу, а съ другой — запрещаетъ, изъ опасенія, чтобы немусульманинъ не сдѣлалъ корана предметомъ насмѣшки.

препятствовать, если онъ пожелаетъ, переходить въ исламъ. Будемъ всячески оказывать мусульманамъ почтеніе и уваженіе и вставать для нихъ съ мѣста, когда они пожелаютъ сѣсть. Не будемъ уподобляться имъ чѣмъ бы то ни было въ одеждѣ, ни чалмою, ни сандалями, ни клочкомъ волосъ на головѣ. Не будемъ употреблять въ языкѣ своемъ ихъ выраженій ⁽¹⁾ и не будемъ принимать ихъ прозваній. Не будемъ ѣздить въ сѣдлахъ, ни носить сабли; не будемъ ни дѣлать, ни носить на себѣ никакого оружія; не будемъ дѣлать вырѣзки на печатяхъ поарабски; не будемъ продавать крѣпкихъ напитковъ. Будемъ брить переднія части головы ⁽²⁾; будемъ сохранять старыя формы въ одеждѣ; опоясываться будемъ посрединѣ тѣла; не будемъ выставять наружу ни крестовъ ⁽³⁾, ни книгъ нашихъ на

(1) Каковы напр. выраженія, употребляемыя только между мусульманами: саямъ алейкумъ السلام علیکمъ «миръ вамъ», мархабанъ مرحبا «добро пожаловать»: подобными выраженіями христіане не только не могутъ обмѣниваться съ мусульманами, но даже и употреблять ихъ между собою.

(2) Въ отличіе отъ мусульманъ, которые выбриваютъ всю голову.


(3) Поводомъ къ запрещенію ставить на церквяхъ кресты послужила постройка омаровой мечети въ Іерусалимѣ. Когда мечеть эта, быть можетъ, отъ неспуства строителей, стала колебаться на своемъ основаніи, то іудеи, изъ ненависти къ христіанамъ, сказали суетному Омару, что причиною этого — крестъ на церкви, стоящей на горѣ Елеонской. Крестъ немедленно былъ снятъ, а впослѣдствіи стали снимать кресты и со всѣхъ христіанскихъ церквей. *Омаров. хрестов. сел. 226.*

улицаяхъ, посѣщаемыхъ мусульманами, а тѣмъ мѣнѣе на площадяхъ. Будемъ звонить въ била при церквахъ тихо и не будемъ возвышать голоса при чтеніи въ церквахъ своихъ, въ присутствіи мусульманъ; не будемъ пѣть, провожая покойника; не будемъ носить на улицахъ ни вайъ, ни иконъ, ни свѣтильниковъ; не будемъ хоронить покойниковъ своихъ въ сосѣдствѣ съ мусульманами. Не будемъ брать рабовъ изъ военной добычи мусульманъ и не будемъ стараться видѣть что нибудь внутри мусульманскихъ домовъ“.

«Когда я принесъ, — продолжаетъ Абдуръ-Рахманъ, — этотъ актъ къ Омару ибнъ-Хаттабъ, онъ прибавилъ: „и не будемъ бить никого изъ мусульманъ“.

„Таковы условія, подъ которыми подписываемся мы и всѣ члены нашего народа, и на которыхъ получаемъ аманъ. Если же мы нарушимъ хотя одно изъ этихъ условій, которыми обязуемся предъ вами; то мусульмане будутъ свободны отъ всякаго зиммета ⁽¹⁾ по отношенію къ намъ и имъ дозволено будетъ поступать съ нами, какъ съ бунтовщиками и мятежниками“.

«Омаръ, — продолжаетъ Абдуръ-Рахманъ, — сказалъ мнѣ: «поддѣиши имъ, что они просятъ, но

(1) Зимметъ  есть обязательство или долгъ, лежащій на комъ нибудь. Отсюда, какъ прежде въ арабскомъ калифатѣ, такъ и доселѣ еще въ Турціи, немусульманскіе подданные называются зимметами, т. е. такими людьми, которые состоятъ подъ охраненіемъ обязательства.

присоедини еще два новыя условія, которыя я налагаю на нихъ, сверхъ тѣхъ, которыя они уже подписали, — что они никогда не будутъ покупать рабовъ, принадлежащихъ мусульманамъ, и что тотъ, кто съ намѣреніемъ ударить мусульманина, тѣмъ самымъ поставленъ будетъ внѣ закона, внѣ обезпеченій этого договора».

Нафи ⁽¹⁾, въ тойже фетвѣ ибнъ-Наккаха отъ имени Аслама, отпущенника Омарова, передаетъ слѣдующее: «Омаръ ибнъ-Хаттабъ относительно сирскихъ христіанъ предписалъ отнюдь не дозволять христіанамъ употребленіе стремянъ, но позволять имъ ѣздить только на выючныхъ сѣдлахъ, свѣсивая ноги на одну сторону; но и это позволять имъ только въ мѣстахъ отдаленныхъ и безлюдныхъ; въ мѣстахъ же видныхъ и особенно населенныхъ, внутри городовъ, гдѣ могутъ оскорбляться такимъ зрѣлищемъ взоры мусульманъ, это, великій Богъ (Аллахъ акбаръ الله اکبر)! никакъ не можетъ быть терпимо, развѣ только можно сдѣлать исключеніе въ пользу дряхлыхъ стариковъ». Таковы условія, заключаетъ ибнъ-Наккахъ, наложенныя на христіанъ Омаромъ ибнъ-Хаттабомъ!

Не смотря на всю тяжесть такого обязательства, изуверство мусульманъ дѣлало его часто еще болѣе тягостнымъ. Правда, иногда не испол-

⁽¹⁾ Нафи ибнъ-Абдуръ-Рахманъ, уроженецъ исфаганскій, умеръ въ началѣ втораго вѣка гиджры. Journal asiat. Тамже.

нялись во всей строгости и эти жестокия для христіанъ условія: какъ частные правители областей, такъ и самые калифы, по особеннымъ обстоятельствамъ времени, по политическимъ видамъ, по своимъ личнымъ свойствамъ, а чаще всего по свойственной арабскому племени жадности къ деньгамъ, оказывали христіанамъ снисхожденіе, дѣлали нѣкоторое послабленіе противъ строгихъ предписаній Магомета и законовъ Омара, позволяли, напр. поновлять церкви, обветшавшія отъ времени, или по какимъ нибудь другимъ обстоятельствамъ разрушенныя, а иногда даже и строить новыя ⁽¹⁾, хотя, конечно, то и другое—за большія деньги; иногда принимали христіанъ къ себѣ на службу въ качествѣ секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ, врачей, художниковъ, иногда давали имъ и другія, болѣе важныя, должности. Но эти временныя послабленія часто подавали поводъ только къ большему угнетенію христіанъ: имамами ⁽²⁾ и уле-

(1) По мусульманскому преданію, Магометъ сказалъ: «въ исламѣ нѣтъ церкви; въ исламѣ не строить ни церкви, ни синагоги, ни поновляютъ разрушеннаго». На этомъ основаніи, говоритъ ибнъ-Наккахъ, халифъ Омаръ ибнъ-Хаттабъ предписалъ разрушить всѣ церкви, не существовавшія до ислама, и запретилъ строить новыя.

(2) **إمام** имамъ значитъ: стоящій напередѣ, предстоятель. Такъ называются у мусульманъ особенныя должностныя лица, которые предстоятельствуютъ на общественной молитвѣ, читаютъ съ кафедръ въ мечети коранъ и хутбу (родъ проповѣди, въ которой, послѣ словословія Богу и благословенія Мухаммеду, его семейству и асхабамъ,

мы ⁽¹⁾, изуверные поборники мусульманскаго закона, находили случаи вразумлять снисходительных правителей угрозами и гнѣва Божія въ настоящей жизни и жестокихъ мукъ огня геенскаго въ будущей, возвращали ихъ къ свойственной исламу жестокости къ немусульманамъ. И часто областные намѣстники и калифы, сознательно или безсознательно допускавшіе послабленіе въ отношеніи къ христіанамъ, — вслѣдствіе подобныхъ внушеній изуверовъ не только уничтожали всѣ льготы, какія прежде христіане успѣвали получить отъ нихъ самихъ или ихъ предшественниковъ, но еще, какъ-бы въ вознагражденіе своихъ прежнихъ грѣховъ, издавали противъ нихъ новыя постановленія болѣе тяжкія, чѣмъ извѣстныя условія Омарова договора, нерѣдко старались насильственно обращать ихъ въ исламъ, и тѣхъ, которые оказывались твердыми въ своей вѣрѣ, подвергали тяжкимъ страданіямъ, пыткамъ, заключенію, даже смертной казни.

Такимъ образомъ, исторія восточнаго христіанства въ арабскомъ калифатѣ представляетъ картину постояннаго униженія христіанъ во внѣшнемъ состояніи и рядъ открытыхъ гоненій, ко-

предлагаются предстоящимъ нравственнымъ назиданіямъ), также нарекаютъ новорожденнымъ имена, совершаютъ браки и читаютъ молитвы при погребеніи. Впрочемъ, за отсутствіемъ имама все это можетъ дѣлать и всякій другой мусульманинъ.

(¹) Улема ^{علما} множ. ч. отъ алицъ ^{عليم}, что значить: знающій, ученый.

торыя чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени воздвигало на нихъ мусульманское правительство.

Явное гоненіе на христіанъ, если не во всемъ калифатѣ, по крайней мѣрѣ въ Египтѣ, начинается съ царствованія Абду-ль-Малика ибнъ-Мерванъ (684—706). Абдуль Маликъ самъ, кажется, не былъ открытымъ гонителемъ христіанъ; онъ не чуждъ былъ, по отношенію къ нимъ, и нѣкотораго рода справедливости. Такъ, по словамъ Альмякина ⁽¹⁾, въ Дамаскѣ онъ не хотѣлъ насильно овладѣть зданіемъ церкви св. Іоанна предтечи, когда тамошніе христіане представили ему договоръ Халида ибнъ-Валидъ и не согласились уступить своихъ правъ даже и за денежное вознагражденіе. Но онъ вредилъ христіанству тайнымъ образомъ, хитро распространяя между послѣдователями его мусульманство. Повидимому, для этой цѣли онъ въ христіанскія поселенія нарочно выселялъ магометанъ, чтобы чрезъ нихъ мало помалу привести христіанъ къ магометанству. Такъ по крайней мѣрѣ вторгся исламъ въ многочисленныя семейства христіанскія, зависѣвшія отъ синайскаго монастыря, когда въ 684 году къ нимъ выселены были аравитяне-магометане, дотолъ кочевавшіе на границахъ Египта. Тогда семейства эти раздѣлились и произвели между собою войну. Многіе были убиты, многіе убъ-

(1) Hist. Sarac. p. 30.

жали въ окрестныя страны, а остальные сдѣлались магометанами ⁽¹⁾. Но братъ его, Абду-ль-Азизъ ибнъ-Мерванъ, управлявшій Египтомъ, воздвигъ открытое гоненіе на христіанъ въ своей области. Поводомъ къ гоненію Абду-ль-Азиза на египетскихъ христіанъ послужило сношеніе патріарха яковитскаго Исаака съ Абиссинією и Нубією ⁽²⁾, государи которыхъ въ это время вели между собою опустошительную войну. Въ 687 году Исаакъ написалъ къ тому и другому посланіе, въ которомъ увѣщевалъ ихъ къ примиренію. Можетъ быть, это показалось египетскому намѣстнику политическимъ умысломъ противъ мусульманскаго владычества, или вообще представилось оскорбительнымъ для правительства, — только Абду-ль-Азизъ сильно раздраженъ былъ поступкомъ Исаака и осудилъ его на смерть. Друзья патріарха умилили намѣстника, — Абду-ль-Азизъ пощадилъ Исаака; но за то началъ преслѣдовать всѣхъ христіанъ. Онъ повѣлѣлъ во всемъ Египтѣ ломать кресты, употребляемые при богослуженіи, и написать во всѣхъ

⁽¹⁾ *Архим. Порфир.* Первое путешеств. въ синаиск. монастыр. стр. 130. Сиб. 1856.

⁽²⁾ Когда Нубія и Абиссинія приняли яковитскія (монофизитскія) заблужденія, неизвѣстно. Вѣроятно, какъ думаетъ Абуль Фараджъ (*arud Renaud.* р. 178), вскорѣ послѣ занятія Египта арабами: когда въ Александріи не стало православныхъ патріарховъ, отъ которыхъ прежде нубійцы и абиссинцы получали своихъ митрополитовъ, они стали принимать митрополитовъ отъ яковитскихъ патріарховъ, и такимъ образомъ съ еретическими настоятелями приняли и ихъ ересь.

церквахъ при входахъ оскорбительныя для христіанской Вѣры выраженія: „Магометъ — великій посланникъ Божій, и Іисусъ Христосъ — посланникъ Божій; Богъ не родилъ и не былъ рожденъ“⁽¹⁾. Впрочемъ, это гоненіе, кажется, скоро прекратилось: христіанамъ позволено было даже строить новыя церкви⁽²⁾. Но съ 703 года, когда сынъ Абду-ль-Азиза, Асаба, сдѣлался соправителемъ своего отца, христіане снова подверглись гоненію. Асаба, ненавидѣвшій всѣхъ христіанъ, питалъ особенное отвращеніе къ монахамъ. Онъ поручилъ одному изъ придворныхъ, Іезиду, сдѣлать перечень всѣмъ монахамъ въ Египтѣ и наложить на нихъ подать по золотой монетѣ съ каждаго, и въ тоже время далъ повелѣніе, чтобы впредь никто не осмѣливался принимать монашескихъ обѣтовъ; наложилъ на епископовъ, кромѣ обыкновенной подати, какую они дотоле платили, еще двѣ тысячи золотыхъ. Но это не все. Одинъ наперсникъ правителя, отступникъ

(1) *Renaud.* pag. 178. Последнія слова: «Богъ не раждаетъ и не раждается *لم يلد ولم يولد*» взяты изъ корана. *Алкоран.* гл. 112, ст. 3. стр. 467. М. 1864.

(2) Евтихій (ар. *Renaud.* р. 189) рассказываетъ, что два постельничихъ Абду-ль-Азиза изъ православныхъ, испросивъ позволеніе у своего господина, построили въ Хольванѣ *خلوان* небольшую церковь во имя св. Іоанна. Въ тоже время и яковиты построили нѣсколько церквей. Мало того, — и самъ Абду-ль-Азизъ, столькоже пристрастный къ различнымъ постройкамъ, какъ и братъ его Абду-ль-Маликъ, приказалъ, чтобы въ Хольванѣ для украшенія города построены были двѣ церкви. *Renaud.* р. 184.

Веніаминъ, подущалъ его еще къ большимъ притѣвленіямъ христіанъ, такъ что гоненіе наконецъ сдѣлалось столь жестокимъ, что многіе какъ изъ мірянъ, такъ и изъ клира, стали принимать исламъ. Впрочемъ, это несчастіе продолжалось недолго. Асаба и Абду-ль-Азизъ скоро умерли, — и яковитскіе историки утверждаютъ, что обстоятельства, предшествовавшія ихъ смерти, были очевиднымъ доказательствомъ чудеснаго дѣйствія гнѣва Божія. Асаба, говорятъ они, въ великую субботу вошелъ въ одну изъ церквей въ Хольванъ и, посмотрѣвъ на икону пресвятой Дѣвы съ Богомладенцемъ, спросилъ у епископа, что это за изображеніе. Когда епископъ сказалъ ему, что это образъ Маріи, Матери Іисуса Христа, то онъ съ богохульными ругательствами плюнулъ на икону и тутъ же поклялся совершенно истребить христіанство во всемъ Египтѣ. «Что такое Христосъ», говорилъ онъ, «что вы ему воздаете божеское поклоненіе»? Но въ ту же ночь онъ устрашенъ былъ видѣніемъ страшнаго суда Божія: онъ видѣлъ себя вмѣстѣ съ отцемъ своимъ въ цѣпяхъ предъ престоломъ Божиимъ и осужденнымъ на гибель. Наутро рассказалъ онъ сонъ свой отцу и впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой вскорѣ и умеръ. Спустя нѣсколько недѣль умеръ съ печали и самъ Абду-ль-Азизъ ⁽¹⁾. По

(¹) *Renaud.* p. 191. Альмякинъ рассказываетъ послѣднее обстоятельство нѣсколько иначе: онъ говоритъ, что Асаба умеръ въ ту же ночь, какъ увидѣлъ сонъ. *Hist. Barac.* p. 69.

смерти Абду-ль-Азиза въ 705 году Абду-ль-Маликъ назначилъ намѣстникомъ Египта сына своего Абдуллу. Этотъ правитель еще превосходилъ своихъ предшественниковъ въ жестокости: онъ изобрѣталъ для христіанъ самыя разнообразныя мученія и даже, когда сидѣлъ съ гостями за столомъ, приказывалъ убивать для забавы по нѣскольку человѣкъ. Абдулла смотрѣлъ на христіанъ какъ на враговъ Божіихъ, надъ которыми можно дѣлать все безнаказанно. Онъ удвоилъ наложенную на христіанъ подать и требовалъ ее по три раза въ годъ; велѣлъ записать въ число платящихъ подать даже малолѣтнихъ; также велѣлъ брать пошлину за погребеніе умершихъ. Церкви были ограблены и опустошены. Всякій, кто могъ, спасался бѣгствомъ; но многіе изъ бѣжавшихъ умирали отъ голода и истлѣвали непогребенными (*).

Столь печальное положеніе дѣлъ въ Египтѣ продолжалось два года. Въ 707 году калифъ Абду-ль-Маликъ умеръ и ему наследовалъ старшій сынъ его, Валидъ, который смѣнилъ Абдуллу и на его мѣсто назначилъ Курру ибнъ-Шарика. Хотя новый правитель посадилъ въ тюрьму всѣхъ друзей и совѣтниковъ жестокаго Абдуллы, но состояніе христіанъ въ Египтѣ при немъ едвали много улучшилось. Курра былъ не менѣе жестокъ и корыстолюбивъ, какъ и его

(*) Renaud. p. 192. Альмяк. стр. 69. Аль-Макриз. стр. 57.

предшественникъ ⁽¹⁾. Онъ началъ съ того, что увеличилъ подать съ епископовъ ста тысячами золотыхъ; потомъ сталъ, безъ особенныхъ причинъ, отнимать имущество у всякаго христіанина, который былъ или казался богаче другихъ; наконецъ, поелюку многіе спасались отъ жестокостей тирана бѣгствомъ, онъ, въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, назначилъ особеннаго чиновника, чтобы хваталъ и немедленно предавалъ смерти всякаго, покушавшагося бѣжать ⁽²⁾. Курра умеръ въ 714 году. Но со смертію его не облегчилась участь христіанъ египетскихъ. Напротивъ, новый правитель Египта, Асама-бенъ-Зейдъ, назначенный на эту должность въ 715 году Сулейманомъ, преемникомъ Валида, своего жестоко-стію и корыстолюбіемъ далеко превзошелъ своихъ предшественниковъ. Его жестокость и корыстолюбіе были столь велики, что онъ далъ всѣмъ своимъ чиновникамъ полное право убивать, кого вздумается, лишь бы только собственность убитаго была доставляема правителю. Но особеннымъ предметомъ ненависти тирана были иноки. Асама, въ самомъ началъ своего управленія, снова подтвердилъ законъ Асабы, по которому никому впредь не дозволялось принимать обѣты монашескіе; велѣлъ изчислить и обложить податью всѣхъ наличныхъ монаховъ и приказалъ

⁽¹⁾ *Аль-Макриза*. также. *Альмяк*. также.

⁽²⁾ *Revue*. г. 196.

имъ носить на правой рукѣ желѣзный кружокъ, на которомъ значилось названіе церкви или монастыря, къ которому принадлежалъ носившій кружокъ тотъ, и годъ гиджры. Кто пытался бѣжать или снималъ этотъ знакъ униженія, тѣхъ жестоко наказывали: имъ выкалывали глаза, отрубали руки, и вообще предавали ихъ различнымъ мученіямъ, отъ которыхъ многіе и умирали; многимъ и прямо отсѣкали головы. Вообще, по согласному свидѣтельству историковъ Египта, во время двухлѣтняго правленія Асамы, много пострадали отъ его жестокости и церкви и духовенство и міряне. Правленіе Асамы было для Египта настоящимъ бичемъ. Вся страна совершенно обвѣднѣла, во всемъ сдѣлалась страшная дороговизна, многіе, чтобы имѣть насущный хлѣбъ, продавали даже дѣтей своихъ ⁽¹⁾. Въ 717 году калифъ Сулейманъ умеръ и преемникъ его, Омаръ ибнъ-Абду-ль-Азизъ (сынъ бывшаго египетскаго намѣстника), велѣлъ Асаму бросить въ тюрьму, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Начало правленія Омара было довольно благопріятно для христіанъ какъ въ Египтѣ, такъ и въ прочихъ областяхъ калифата. Омаръ освободилъ церкви и епископовъ отъ налоговъ ⁽²⁾ и даже снисходительно выслушивалъ справедливыя просьбы христіанъ. Такъ, когда христіане дамаск-

⁽¹⁾ *Renaud.* p. 197. *Альмяк.* стр. 69. *Аль-Макр.* стр. 58.

⁽²⁾ *Renaud.* p. 198.

скіе пожаловались ему, что одинъ изъ предшественниковъ его, Валидъ, отнялъ у нихъ церковь св. Іоанна предтечи для мечети ⁽¹⁾, вопреки письменному договору завоевателя Дамаска, Халида; Омаръ далъ имъ собственное письменное увѣреніе, что отсель мусульмане не будутъ имѣть притязаній, по крайней мѣрѣ, на другія уцѣлѣвшія церкви ⁽²⁾. Но это продолжалось недолго. Вскорѣ Омаръ сдѣлался жестокимъ гонителемъ христіанъ. Поводомъ къ тому было слѣдующее обстоятельство. Со времени еще предшественника Омарова, Сулеймана, братъ его Муслима осаждалъ Константинополь; но, не успѣвъ взять твердынь его, остановленъ былъ силою Божіей Матери, когда хотѣлъ войти въ него въ видѣ простаго посѣтителя. Когда же отступилъ онъ съ флотомъ своимъ отъ стѣнъ Константинополя, внезапно поднялась ужасная буря съ громомъ и молніею, такъ что почти всѣ корабли его погибли въ морѣ, и только нѣкоторые были пригнаны къ разнымъ островамъ ⁽³⁾. Въ томъ же году въ Сиріи произошло сильное землетрясеніе ⁽⁴⁾. Озлобленный первую неудачею и почитая по-

⁽¹⁾ Альмяк. Hist. Sarac. стр. 30. говоритъ: «Въ 87-й годъ гиджры (707 по Р. Х) Валидъ ибнъ-Абду-ль-Маликъ предложилъ дамаскимъ христіанамъ за церковь Маръ-Іоанна (т. е. св. Іоанна) 40.000 диргемовъ. Но христіане не соглашались уступить церковь ни за какія деньги, и Валидъ взялъ ее у нихъ даромъ».

⁽²⁾ Аль-Макр. стр. 77.

⁽³⁾ Θεοφαν. χρον. σελ. 260 — 265.

⁽⁴⁾ Тамже, σελ. 266.

сладшее гнѣвомъ Божиимъ за нечестіе пьющихъ вино христіанъ, Омаръ началъ преслѣдовать ихъ, какъ враговъ Божіихъ. Во-первыхъ, имъ вѣльно было хранить заповѣдь корана о неупотребленіи вина ⁽¹⁾; потомъ строго запрещено было проходить какія либо общественныя должности и даже просто быть свидѣтелями въ судѣ противъ мусульманъ; затѣмъ приказано было разрушить всѣ христіанскія церкви новой постройки. Эти притѣсненія заставили христіанъ просить греческаго императора войти въ сношеніе съ Омаромъ, чтобы убѣдить его поступать съ ними такъ, какъ поступали его предшественники. Но калифъ отвѣчалъ, что хотя предшественники его были вообще мудры, но въ этомъ дѣлѣ онъ разумнѣе ихъ ⁽²⁾. Наконецъ, увлекаясь все болѣе и

⁽¹⁾ Тамже, *сел.* 266.

⁽²⁾ По сказанію Θεοφана, греческій императоръ, переписывавшійся съ Омаромъ, былъ Левъ Исавръ, *Хронограф.* *сел.* 266. Но Θεοφанъ не сообщаетъ самой переписки этой. Ибнъ-Наккахъ говоритъ, что греческій императоръ писалъ Омару слѣдующее: «христіане писали мнѣ, чтобы я просилъ тебя оставить ихъ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ ты нашелъ ихъ, и чтобы ты не запрещалъ имъ, поновлять обветшавшія церкви и дома. Они говорятъ, что предшественники твои относительно церквей ихъ дозволяли то, что теперь ты имъ запрещаешь». Въ отвѣтъ на это Омаръ писалъ императору слѣдующее: «мои предшественники и я находимся въ томъ же положеніи, о какомъ упоминаетъ всевышній Богъ въ исторіи Давида и Соломона, когда они произносили сужденіе относительно пала, гдѣ стада одного семейства причинили убытки.—Мы присутствовали, говорить Всевышній, при судѣ ихъ. Мы дали Соломону понятіе въ этомъ дѣлѣ, и обоимъ могущество и мудрость. (*Алкоран.* гл. 21, ст. 78. 79. М. 1864 г.).—Мои предшественники, быть можетъ, и не были виновны, но, въ настоящемъ случаѣ, я уподоблю ихъ Давиду, а себя Соломону». Фетв. ибнъ-Накк. *Journ. asiat.*

болѣ фанатизмомъ ⁽¹⁾, Омаръ издалъ повелѣніе, чтобы христіане никакъ не были терпимы въ его государствѣ; всѣ они должны быть или обращены къ исламу, или изгнаны изъ государства ⁽²⁾. И тѣ, которые повиновались повелѣнію калифа, освобождались отъ всѣхъ налоговъ и податей, твердые же въ своемъ исповѣданіи подвергались самымъ жестокимъ истязаніямъ. Такимъ образомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ Теофанъ, «въ это время множество христіанъ кончили жизнь свою мученически» ⁽³⁾. Къ счастью, Омаръ царствовалъ недолго. Въ 720 году онъ былъ отравленъ приверженцами уммійядской династіи за то, что началъ сближаться съ противною имъ партіею алидовъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Что Омаръ преслѣдовалъ христіанъ безъ примѣси корыстолюбивыхъ видовъ, какъ то было у большей части прежнихъ правителей, видно изъ поступка его съ египетскимъ намѣстникомъ Хайяномъ. Послѣдній, получивъ отъ калифа строгія предписанія относительно христіанъ, писалъ ему: «о государь вѣрующихъ (Эмиру-ль-Мумининъ **امير المؤمنين**)! Если такое положеніе дѣлъ въ Египтѣ продолжится, то всѣ земліи сдѣлаются мусульманами и государственная казна опустѣетъ». Омаръ приказалъ наказать Хайяна тридцатью ударами по головѣ и сказать ему, что всякій, кто приметъ исламъ, не платитъ уже подати, и что онъ, Омаръ, почиталъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, если бы всѣ земліи сдѣлались мусульманами; ибо, говорилъ онъ, Богъ послалъ пророка своего какъ проповѣдника вѣры, а не какъ собирателя податей. См. Фетъ. ибнъ-Наккаха. Тамже.

⁽²⁾ *Renquid.* p. 198 говоритъ: «Omarus litteras misit, quibus edicebat, ut qui securi in Aegypto manere in suo statu vellent, muhammedanam religionem amplectererentur, qui nollent, regione excederent».

⁽³⁾ *Θεοφ. χρον. σελ.* 266.

⁽⁴⁾ *Desverg.* Arabie. Omar II.

Преемникъ Омара Езидъ II, младшій сынъ Абду-ль-Малика (720—723), не отличался изувѣрною ревностію своего предшественника; но за то столько былъ преданъ чувственности и такъ мало имѣлъ смысла, что готовъ былъ слушать всякаго обманщика, только бы онъ обѣщался ему какъ нибудь продолжить его скотскія наслажденія. Такимъ обманщикомъ явился въ 722 году ⁽¹⁾ одинъ еврей изъ Тиверіады, по имени Сарантапехисъ. Пользуясь слабостію калифа, Сарантапехисъ обѣщалъ ему продолжить жизнь и царствованіе его на тридцать или сорокъ лѣтъ, если только онъ согласится исполнить его требованіе. Чувственный Езидъ немедленно согласился, — и обманщикъ, дышавшій злобою на христіанъ, объявилъ ему, что его обѣщаніе непременно исполнится, если калифъ разошлетъ по своему государству повелѣніе истребить всѣ свящ. изображенія христіанскія на дскахъ, въ мозаикѣ на стѣнахъ, на свящ. сосудахъ, на свящ. одеждахъ и вездѣ, гдѣ только можно найти почитаемыя христіанами изображенія. Къ этому онъ присоединилъ еще требованіе истребить и тѣ статуи и изображенія, которыя находились на площадяхъ и служили къ украшенію городовъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ *Galland. Biblioth. vet. patr. tom. XIII. сел. 270. 271. Геоф. хров. сел. 267.*

⁽²⁾ Последнее требованіе предложено было Сарантапехисомъ, вѣроятно, изъ одного отвращенія іудеевъ ко всему вообще изванному.

Калифъ издалъ требуемый указъ, и мусульмане, подобно евреямъ, чуждающіеся всякихъ изображеній, вмѣстѣ съ ними съ изувѣрною ревностію начали исполнять его. По словамъ св. Іоанна дамаскина, въ это время изъ несчетнаго множества иконъ однѣ подверглись поруганію, другія брошены въ огонь, а изображенія, бывшія на стѣнахъ церковныхъ, или смыты водою, или замазаны известью. Кромѣ того, по свидѣтельству Альмакина (1), Езидъ повелѣлъ также вездѣ сокрушать кресты и разрушать самыя церкви христіанскія, а съ епископовъ требовалъ огромнаго количества денегъ.

На другой годъ послѣ изданія указа Езидъ умеръ. Наслѣдовавшій ему калифъ Гишамъ (723—734) прекратилъ гоненіе на св. иконы, и самъ Сарантапехисъ, когда обманъ его очевидно изобличенъ былъ смертію Езида, казненъ былъ позорною смертію.

(окончаніе слѣдуетъ)

(1) Hist. Sarac. p. 79. Аль-Макризи также говоритъ объ этомъ стр. 55.

О ВНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ВОСТОКѢ ВО ВЛАДѢНІЯХЪ МУСУЛЬМАНСКИХЪ, ОТЪ МАГОМЕТА ДО КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ (VII—XI В.).

(окончаніе)

Преемникъ Езида II, Гишамъ, говоритъ Альмякинъ, «писалъ къ областнымъ правителямъ, чтобы христіанамъ дозволено было свободно отправлять богослуженіе по обрядамъ ихъ Вѣры, и чтобы вообще поступали съ ними по прежнимъ обычаямъ и по находящимся въ ихъ рукахъ документамъ»⁽¹⁾. Но не всѣ правители поступали согласно съ предписаніемъ этого калифа. Египетскій намѣстникъ, корыстолюбивый Обейд-Алла бенъ-Сафуанъ⁽²⁾, сильно притѣснялъ христіанъ въ своей области. Кромѣ того, что Обейд-Алла удвоилъ подать со всего христіанскаго населенія Египта, онъ насильно бралъ съ епископовъ большое количество денегъ. Коптскій

⁽¹⁾ Hist. Sarac. pag. 70. Также *Аль-Макризи* стр. 56.

⁽²⁾ По *Аль-Макризи* Ганзала бенъ-Сафуанъ. стр. 56.

патріархъ Александръ (724 г.) вынужденнымъ нашелся объѣхать весь Египетъ, чтобы собрать нужную сумму денегъ, которую обязали его внести корыстолюбивому правителю. Но къ этому непомѣрному корыстолюбію Обейдъ-Алла присоединялъ еще, свойственную мусульманству, нетерпимость. Всѣмъ христіанамъ, въ отличіе отъ мусульманъ и въ знакъ особеннаго презрѣнія, вѣльно было носить на шеѣ свинцовую печать съ изображеніемъ льва, если же кто оказывался безъ этого знака униженія, того казнили отсѣченіемъ руки (*). Такія притѣсненія вынудили египтянъ обратиться къ калифу съ жалобою на правителя. Такъ какъ жалоба подкрѣплена была значительными подарками, то Гишамъ, большой любитель подарковъ, удовлетворилъ ей, удаливъ Обейд-Алла изъ Египта (**). Но Гишамъ тогда только оказывалъ христіанамъ благорасположеніе и удовлетворялъ ихъ просьбамъ, когда они могли удовлетворять его корысти (**), по которой онъ изъ всего хотѣлъ извлекать свои выгоды. Когда же требованія закона Магометова не сталкивались съ его господствующею страстію, когда онъ не видѣлъ выгоды щадить христіанъ, тогда не менѣе былъ жестокъ къ нимъ, какъ и всякій другой правитель мусульманскій. Такъ, послѣ вой-

(*) *Renaud.* p. 199. *Аль-Макриз.* стр. 56. *Альмякин.* Hist. Sarac. p. 71.

(**) *Альмякин.* Тамже.

(*) *Eutych.* Annal. ed. Роговск. Охон. 1658. t. II. p. 383.

ны съ греческимъ императоромъ ⁽¹⁾ (736 г.) Гишамъ велѣлъ по всѣмъ городамъ своего государства умертвить всѣхъ тѣхъ изъ плѣнныхъ грековъ, которые не хотѣли обратиться къ мусульманству. Въ числѣ пострадавшихъ плѣнниковъ особенно извѣстенъ сынъ знаменитаго патриція Марина, блаженный Евстаѣй, замученный въ Харанѣ, въ Месопотаміи, гдѣ отъ его мощей много было чудесныхъ исцѣленій. Но и другіе многіе, замѣчаетъ лѣтописецъ Теофанъ, въ это время за исповѣданіе христіанской вѣры кончили жизнь мученически ⁽²⁾.

Впрочемъ калифъ Гишамъ оказалъ и услугу православному. Полюбивши одного, хотя необразованнаго, но благочестиваго монаха, по имени Стефана, онъ предложилъ сирскимъ православнымъ христіанамъ избрать его въ антiохійскаго патріарха. Престолъ антiохійскій, говоритъ Теофанъ, по причинѣ притѣсненій со стороны мусульманъ, уже сорокъ лѣтъ оставался безъ православнаго патріарха. Поэтому православные рады были упомянутому предложенію калифа, тѣмъ болѣе, что, однажды получивъ дозволеніе имѣть патріарха, они могли и впослѣдствіи избирать преемниковъ ему безъ всякаго препятствія со стороны арабовъ ⁽³⁾. Такимъ образомъ въ царствованіе Ги-

⁽¹⁾ По сказанію Теофана, Львомъ Исавромъ. *Теоф. хроногр. сел.* 272 — 276.

⁽²⁾ *Καὶ πολλοὶ ἕτεροι διὰ μαρτυρίαν καὶ αἵματος ἐν Χριστῷ ἐτελεύτησαν.* *Теоф. хроногр. сел.* 276.

⁽³⁾ Тамже, стр. 277.

шама съ избраніемъ Стефана снова начался рядъ первосвятителей антиохійскихъ, прерванный съ тѣхъ поръ, какъ патріархъ Анастасій мученически кончилъ жизнь свою въ 610 году ⁽¹⁾.

Въ то же время кончилось продолжительное вдовство и церкви александрійской, гдѣ почти цѣлое столѣтіе не было православнаго патріарха ⁽²⁾. Въ 730 году египетскіе *мелкиты* ⁽³⁾ из-

⁽¹⁾ *Paul. diacon. Rerum Romanar. L. XVIII. Le Quien: Oriens Christian. t. II. p. 739.*

⁽²⁾ Евтихій говоритъ: «каедрa александрійская была безъ православнаго патріарха девяносто семь лѣтъ, отъ бѣгства патріарха Георгія въ Константинополь въ третій годъ Омара ибнъ-Хаттаба до вступленія на патріаршій престолъ Космы въ седьмой годъ халифства Гишама, т. е. отъ 15 до 112 года гижр. (637—730). *Renaud. p. 205.*

⁽³⁾ *Мелкитъ* или правильнѣе *мьялькій* происходитъ отъ *мьялькѣ*, что въ арабскомъ языкѣ, также въ сирскомъ и еврейскомъ, значитъ царь, откуда мьялькій ملكى или мелькитъ значитъ царскій. Этимъ именемъ монофизиты стали называть православныхъ со времени халкидонскаго собора, въ укоризну за то, будто православные не изъ любви къ истинѣ и не изъ желанія сохранить древнюю православную Вѣру, а единственно въ угожденіе императору Маркіану, согласились осудить Діоскора и принять новое, близкое къ несторіанству (по мнѣнію монофизитовъ), ученіе Льва, папы римскаго. *Renaud. Hist. patr. al. pars I. pag. 112.* Впослѣдствіи названіе православныхъ мьялькитами вошло въ общее употребленіе и доселѣ сохраняется на востокѣ. Мусульманскіе филологи и учителя произносятъ ملكى мьялькій иначе. Такъ какъ названія двухъ, наиболѣе извѣстныхъ на востокѣ, христіанскихъ исповѣданій: нестурійя نسطوری (несторіане) и якубія یعقوبی (яковиты) составлены по образцу при-

брали себѣ патріарха. Обстоятельства, внушившія имъ мужество — рѣшиться на это избраніе, неизвѣстны. Косма, на котораго палъ ихъ выборъ, по свидѣтельству Евтихія, былъ простой игольщикъ, не умѣвшій ни писать, ни читать ⁽¹⁾, но тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ послѣдующія событія, человекъ наиболѣе способный къ управленію alexandрійскою церковію въ такія трудныя времена. Онъ нашелъ паству свою въ самомъ плачевномъ положеніи. Мелкиты, какъ единовѣрные съ греками, были въ подозрѣніи относительно своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, и потому въ особенномъ неблаговоленіи у правительства; доходы alexandрійской церкви были бѣдны; древнія имущества и права ея были отняты ⁽²⁾; Оиваида была потеряна; Абиссинія и Нубія отпали въ ересь ⁽³⁾; самую церковь мелкитскую какъ на востокъ, такъ и на западъ по-

лагательныхъ, происходящихъ отъ именъ собственныхъ: нестурійю отъ Несторъ, якубію отъ Якубъ: то и малькійю, соответственно двумъ первымъ, производятъ они отъ вымышленнаго ими имени Малькъ. Они говорятъ, что у Паулюса, т. е. апостола Павла, было три ученика: Нестуръ, Якубъ и Малькъ: Паулюсъ (говорятъ мусульмане), самъ извратившій истинное ученіе евангелія Іисуса, сына Маріи, и ученикамъ своимъ преподавъ ученіе нечистое и несогласное съ самимъ собою; отъ этого и произошли три различныя секты: нестурійя, якубія и малькійя. См. рассказъ на турецкомъ языкѣ (очень распространенный между русскими татарами) о томъ, какъ Паулюсъ испортилъ христіанскую вѣру. — Рук. казанской духовн. академіи.

⁽¹⁾ *Renaud.* pag. 205.

⁽²⁾ Египетскіе мелкиты въ это время владѣли только двумя обителями: св. Саввы въ Александріи и св. Михаила въ Кассеръ-Шаша. *Renaud.* стр. 205.

⁽³⁾ *Le Quien.* tom. II. p. 460.

дозрѣвали въ моноелитской ереси ^(*). Не смотря на все это, Косма рѣшился просить у калифа справедливости, и съ этою цѣлю предпринялъ путешествіе въ Дамаскъ, столицу умміядскихъ калифовъ. Здѣсь онъ успѣлъ пріобрѣсть расположеніе нѣкоторыхъ изъ секретарей Гишамы, которые, могло стать, — какъ это нерѣдко бывало у калифовъ, — были христіане, и съ ихъ помощію получилъ доступъ къ калифу. Косма жаловался калифу на безстыдство, съ какимъ яковиты клеветали на православныхъ при первыхъ эмирахъ Египта, и доказывалъ, что онъ самъ истинный преемникъ св. Аѳанасія и св. Кирилла, и что слѣдователь-

(*) Трудно рѣшить, былъ ли Косма во время посвященія своего въ патріарха моноелитомъ. Теофанъ (*хроноу. гл.* 278) положительно утверждаетъ, что Косма отрекся отъ моноелитской ереси и обратился къ православію около 742 года. Но съ другой стороны Евтихій, православный патріархъ александрійскій, который больше могъ знать о своихъ предшественникахъ, нежели греческіе или латинскіе писатели, нигдѣ не обвиняетъ Косму въ этой ереси. Странно, что Евтихій, ревностный противникъ моноелитовъ, или, какъ онъ самъ называетъ ихъ, маронитовъ, который обличаетъ не только извѣстныхъ въ церковной исторіи защитниковъ этой ереси, но именовываетъ и самыхъ незначительныхъ, даже неизвѣстныхъ у другихъ историковъ, не зналъ, что этимъ же заблужденіемъ зараженъ былъ и предшественникъ его Косма, если только послѣдній былъ когда нибудь зараженъ имъ. Далѣе, подпись Петра, мѣстооблестителя пражнаго престола св. Марка, подъ опредѣленіями VI вселенскаго собора доказываетъ, что александрійская церковь не была въ то время моноелитскою. Извѣстіе Теофана о обращеніи Космы отъ ереси къ православію, по всей вѣроятности, произошло отъ признанія православія Космы другими православными патріархами: что могло случиться не ранѣе, какъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ посвященія Космы въ патріарха, съ одной стороны — по причинѣ подозрѣнія, какое долженъ былъ породить моноелитизмъ послѣднихъ александрійскихъ патріарховъ Кира и Петра, а съ другой — по причинѣ трудности сношеній между Александріею и другими странами христіанскаго міра. *Renaudot. p. 206. Le Quien. tom. II. p. 459.*

но патріаршіе доходы и церкви должны принадлежать ему по всей справедливости. Гишамъ написалъ египетскому эмиру повелѣніе отдать христіанскія церкви со всѣми ихъ принадлежностями во владѣніе Космѣ, и послѣдній возвратился съ этимъ повелѣніемъ въ Египетъ. Въ какой мѣрѣ оно было исполнено, съ точностію опредѣлить не легко. Что нѣкоторыя церкви были возвращены православнымъ, это несомнѣнно ⁽¹⁾; между тѣмъ извѣстно и то, что большую часть церквей яковиты удержали за собою. Но важнѣйшимъ благодѣяніемъ для православной Церкви было то, что отъ Космы снова начался рядъ православныхъ патріарховъ на каѳедрѣ св. Марка.

Гишаму наследовалъ въ 743 году племянникъ его Валидъ II ибнъ-Езидъ. Этотъ калифъ, по словамъ одной рукописной арабской исторіи антиохійской церкви ⁽²⁾, наложилъ на христіанъ тяжкое и крѣпкое иго. О немъ извѣстно также, что, по его повелѣнію, въ 744 г. у митрополита дамасскаго Петра отрѣзанъ былъ языкъ за то, что митрополитъ смѣло обличалъ лжеувѣріе арабовъ ⁽³⁾. Сверхъ того исповѣдникъ сосланъ былъ въ заточеніе въ счастливую Аравію, гдѣ и скон-

⁽¹⁾ Евтихій изъ возвращенныхъ отъ яковитовъ церквей поименовываетъ только одну: *«accepit ergo Cosmas patriarcha a iacobitis ecclesias, atque in caeteris ecclesiam Kaisariae. Renaud. p. 205.* Аль-Макризи называетъ еще церковь Аль-Бишара, т. е. Благовѣщенія.

⁽²⁾ Москвитянин. 1844 г. № 11: Антиохійская церковь.

⁽³⁾ *Досидей исторія. βιβλ. 6. κεφ. 19. παραγρ. 16.*

чался. По свидѣтельству Теофана, сопровождавшіе его въ изгнаніе утверждали, что они собственными ушами слышали, какъ онъ, будучи безъ языка, раздѣльно читалъ молитвы божественной литургіи ⁽¹⁾. Другой мученикъ, который въ это же царствованіе запечатлѣлъ святую жизнь мужественнымъ исповѣданіемъ имени Христова, былъ Петръ, епископъ майюмскій. Сдѣлавшись боленъ, онъ пригласилъ къ себѣ, знакомыхъ ему, знатныхъ арабовъ, бывшихъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ хартуларіемъ общественныхъ податей. Когда они пришли, онъ сказалъ имъ: «модю Бога, чтобы Онъ наградилъ васъ за посвященіе; ибо хотя вы и лишены языка, однако я почитаю васъ друзьями своими. Итакъ, я желаю, чтобы вы были свидѣтелями этого послѣдняго моего завѣщанія: кто не вѣруетъ въ Отца, Сына и Святаго Духа, въ Троицу, во Единицѣ, единосущную и животворящую, тотъ слѣпотствуетъ душевными очами и достоинъ вѣчнаго наказанія, какъ и лжепророкъ вашъ Магометъ, предтеча антихриста. Почему, призывая во свидѣтели небо и землю, убѣждаю васъ оставить это безсмысленное баснословіе. Примите мой дружескій совѣтъ, чтобы не потерпѣть вамъ одинаковой съ Магометомъ участи». Арабы, хотя сильно были озлоблены увѣщаніями святителя, однакоже, почитая ихъ слѣдствіемъ болѣзненнаго

(1) Теофан. сл. 278.

разстройства ума его, совѣтовали ему успокоиться. Но онъ, собравшись съ силами, громко произнесъ анаѹему Магомету, его, исполненному басней, учению и всѣмъ, которые вѣрятъ ему. Тогда арабы схватили его и обезглавили. Этого мученика, замѣчаетъ лѣтописецъ Теофанъ ⁽¹⁾, прославилъ похвальнымъ словомъ современникъ его св. Іоаннъ дамаскинъ.

Въ царствованіе Валида много страдали также египетскіе христіане. Египетскій намѣстникъ Валида Хафизъ въ 744 году наложилъ на христіанъ столь тяжкую подать и требовалъ ее съ такою жестокостію, что многіе принуждены были продавать не только необходимый домашній скотъ, но и дѣтей своихъ. Между тѣмъ Хафизъ придумалъ въ то же время хитрую мѣру, чтобы сдѣлать гоненіе для слабыхъ и необразованныхъ еще болѣе опаснымъ. «Оставайтесь христіанами, говорилъ онъ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, только ежедневно читайте ту же самую молитву, какую читаемъ мы, и вы будете свободны отъ подати». Соблазнившись столь простымъ видимому предложеніемъ, многіе отпали отъ истинной Вѣры. Число отпадшихъ въ это время, по Северу, простиралось до двадцати четырехъ тысячъ ⁽²⁾.

Къ счастью, это опасное гоненіе продолжалось недолго. Умміядская династія видимо уже

⁽¹⁾ Теофан. *хронوغр.* сел. 278.

⁽²⁾ Renaud. p. 211.

клонилась къ паденію; калифы быстро смѣнялись. Валидъ царствовалъ только четырнадцать мѣсяцевъ и былъ убитъ заговорщиками; наслѣдникъ его Езидъ III умеръ отъ моровой язвы послѣ пяти лѣтъ правленія; братъ его Ибрагимъ въ томъ же году, въ которомъ вступилъ на престолъ, былъ низложенъ Мерваномъ, четырнадцатымъ и послѣднимъ калифомъ изъ дома уммйядовъ.

Мерванъ казнилъ Хафиза и назначилъ на его мѣсто Хасана. Новый правитель Египта былъ снисходителенъ къ христіанамъ, благосклонно принималъ епископовъ и монаховъ ⁽¹⁾. И въ другихъ областяхъ арабской имперіи христіане въ это время пользовались также спокойствіемъ, даже нѣкоторою благосклонностію правительства. По всей вѣрности, самыя тѣсныя политическія обстоятельства располагали калифа къ миролюбивымъ дѣйствіямъ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ. Въ 746 году, по смѣрти Стефана, антіохійскаго патріарха, Мерванъ дозволилъ сирскимъ православнымъ христіанамъ выбрать новаго патріарха, благочестиваго эдесскаго пресви-

⁽¹⁾ Renaud. p. 212.

⁽²⁾ *Доказанія истор. вѣдѣн.* 6. кн. 19. парагр. 16. *Оеопав. сел.* 281. Но и въ это мирное время восточные христіане испытали тяжкія скорби. 18 января 748 года произошло страшное землетрясеніе въ Палестинѣ около Іордана и во всей Сиріи. Во время этого землетрясенія много было разрушено церквей и монастырей, особенно въ пустынѣ около святаго города; сверхъ того подъ развалинами, произведенными землетрясеніемъ, по словамъ *Оеопав. хроноуграф. сел.* 282.

тера Теофилакта, и даже окружнымъ посланіемъ повелѣлъ самымъ арабамъ уважать его ⁽¹⁾.

Смуты, среди которыхъ смѣнили династію умміядовъ калифы аббасиды, были тягостны для христіанъ, какъ и для всѣхъ ихъ подданныхъ. Деспотическая жестокость новыхъ калифовъ прежде всего открылась убійствомъ всѣхъ, кого только почитали приверженцами низверженнаго дома калифовъ. Такъ какъ Мерванъ, повидимому, покровительствовалъ христіанамъ, то на нихъ преимущественно и обратилась злоба побѣдителей его аббасидовъ. По свидѣтельству Теофана ⁽²⁾, въ 750 году, когда первый калифъ изъ рода аббасидовъ, Абдулла (*Аβδελας*) Абуль-Аббасъ-Эс-Саффагъ низвергъ Мервана, было убито множество христіанъ, бывшихъ въ родствѣ съ прежними правителями.

Преемникъ Абуль-Аббаса, братъ его, Абу-Джафаръ-аль-Мансуръ (754—775) сначала покровительствовалъ христіанамъ, потому что пользовался ихъ умомъ и способностями для подавленія прежней династіи и для утвержденія своего на престолѣ; посему многіе изъ нихъ проходили при немъ и общественныя должности ⁽³⁾. Но изувѣры скоро заставили его страхомъ огня геенскаго удалить христіанъ отъ всѣхъ должностей ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Теофан. *хρονογρ.* сел. 285.

⁽²⁾ См. фетв. ибнъ-Наккаха. *Journal. asiat. Nov.* — Sept.

⁽³⁾ Фетв. ибнъ-Наккаха. Тамже. Впрочемъ, по свидѣтельству византійскихъ лѣтописцевъ, Аль-Мансуръ, когда увидѣлъ неспособность мусульманъ къ прохожденію общественныхъ должностей, снова допустилъ христіанъ къ онымъ. Теофан. *хρονογρ.* сел. 287.

Дядя калифа, Абдулла, правитель Сиріи, по свидѣтельству патріарха іерусалимскаго Досифея, сдѣлалъ много вреда христіанамъ: сослалъ въ заточеніе въ Моавитиду антіохійскаго патріарха Θεοδωρα, за мнимыя сношенія его съ греческимъ императоромъ Константиномъ Κοπρονιμονъ, многія церкви обратилъ въ стояла, не позволялъ строить новыя церкви, ни выставлять наружу кресты, и обложилъ податію самыхъ пустынныхъ и столпниковъ, которые дотолъ были свободны отъ всякой дани; почему бѣдствующіе иноки принуждены были продавать, или отдавать въ залогъ даже свящ. сосуды, чтобы только удовлетворить алчности правителей. Онъ запретилъ всеночныя бдѣнія, вѣроятно, изъ опасенія политическихъ ночныхъ собраній и заговоровъ, запретилъ христіанамъ говорить о вѣрѣ съ мусульманами и учить дѣтей своихъ другой грамотѣ, кромѣ арабской, дабы не сроднились языкомъ греческимъ съ подданными императора, такъ что православные по необходимости принуждены были перевести на арабскій языкъ всѣ свои богослужебныя книги и самые учителя Церкви стали проповѣдывать на языкъ своихъ властителей (*).

Въ тоже время другой дядя калифа Салимъ,

(*) Καὶ οἱ χριστιανοὶ οἱ ὀρθόδοξοι βιασθέντες ὑπὸ τῆς ἀνάγκης, μετέφρασαν εἰς ἀραβικὴν γλῶσσαν τὰ τριώδιον, μετὰ, παρακλητικὴν, λειτουργίαν καὶ ἄλλα ἐκκλησιαστικὰ βιβλία, καὶ πολλοὶ ἐκκλησιαστικοὶ μετέπλητα, κατὰ καὶ ὁ Ἱεροσολύμων Ἀθανάσιος συνέγραψαν ἀραβικῇ λόγους, κατηχήσεις τε καὶ παρακλήσεις πρὸς στήριγμόν τῶν πιεσθῶν. Δοσιθ. ἰσορ. βιβ. 6. κεφ. 19. παρ. 16.

управлявший Арменіею, замучилъ 36 иноковъ, подвизавшихся въ Сиріи близъ Севастополя въ монастырь Зови (Ζωή). Когда Салимъ принуждалъ ихъ отречься отъ Христа, они всѣ отвѣчали ему: «не боимся мукъ, не исполняемъ твоей воли, потому что ты врагъ креста Христова; укрѣпляемые силою Господа нашего Іисуса Христа, мы попираемъ твое нечестіе». Когда же стали убивать ихъ одного за другимъ, то игуменъ ихъ, преподобный Михаилъ, убѣждалъ своихъ сподвижниковъ къ мужественному терпѣнію, пока наконецъ не былъ усѣкнутъ и самъ въ слѣдъ за ними ⁽¹⁾. Наконецъ, самъ калифъ Альмансуръ, посѣтивъ для богомолья Іерусалимъ, велѣлъ, по чувству ненависти и презрѣнія, налагать клейма на рукахъ христіанъ и евреевъ, отчего многіе изъ нихъ убѣжали къ грекамъ ⁽²⁾.

Преемникъ Альмансура, сынъ его Магометъ аль-Магади, сначала также допустилъ христіанъ къ общественнымъ должностямъ, но потомъ опять удалилъ ихъ, когда изувѣры чрезъ одного святошу мусульманина настойчиво потребовали этого отъ калифа. У тѣхъ чиновниковъ изъ христіанъ, которые самими намѣстниками были оставлены при должностяхъ, отрублены были руки ⁽³⁾.

⁽¹⁾ *Συναξαριστής. Κωνσταντινούπολ. 1842. том. 3. σελ. 5.*

⁽²⁾ *Δοσιπ. ἱστορ. βιβ. 6. κεφ. 19. παρ. 16.*

⁽³⁾ Ибнъ-Наккахъ въ фетвѣ своей рассказываетъ слѣдующее: калифъ аль-Магади часто принималъ у себя одного мусульманина, котораго почиталъ святымъ, и когда тотъ однажды не явился на приглашеніе

Сверхъ того, обращеніе къ христіанской вѣрѣ нѣкоторыхъ людей, быть можетъ изъ числа мусульманъ, подало ему поводъ къ новому жестокому гоненію на христіанъ. Находясь въ Іерусалимѣ, Магади послалъ Махезіо (¹) насильно обращать христіанскихъ рабовъ къ мусульманству, а христіанскія церкви разрушать. Прибывъ въ Емезу, Махезія объявилъ, что онъ употребитъ силу только противъ тѣхъ, которые произошли не отъ христіанскихъ родителей. Но когда такимъ образомъ открылось, отъ кого происходили тамъ христіане и іудеи, онъ началъ мучить ихъ всѣхъ такими жестокими пытками, какихъ, по

его, онъ самъ лично отправился къ нему узнать о причинѣ его не-явки. Любимецъ калифа объявилъ, что толпа угнетенныхъ зимміями загородила его ворота, и произнесъ слѣдующее: «клянусь отцемъ и матерью! Мудрость исчезла въ этомъ мірѣ и нѣтъ уже ни суда ни справедливости. Ужели тѣ, которые отвратили взоръ свой отъ закона пророка Могамета, должны управлять дѣлами мусульманъ? Ихъ мечи боевые, правда, не славятся между нами, но зато ихъ письменныя трости (калямъ *قلم*) суть истинные мечи». Потомъ онъ прибавилъ: «я позволилъ себѣ говорить съ тобою такъ для того только, чтобы указать тебѣ на злоупотребленія зиммievъ, о которыхъ тебѣ неизвѣстно». Вслѣдствіе этого калифъ послалъ правителя Куфы и Басры въ Амбаръ и другія области, съ повелѣніемъ ни при одномъ изъ областныхъ правителей не оставлять зиммievъ секретарями. Если же будетъ узно, что какой нибудь мусульманинъ приметъ христіанина на службу въ качествѣ секретаря или канцелярскаго чиновника, то у христіанина этого отсѣкается рука. И дѣйствительно, продолжаетъ ибнъ-Наккахъ, отсѣкли руку у Сагуны и у весьма многихъ другихъ писцевъ. (*Journal asiatique*. Nov. — Sept).

(¹) *Махезіан ζηλωτήν λεγόμενον. Θεοφαν. χρον. σελ. 303.*

свидѣтельству греческихъ лѣтописцевъ ⁽¹⁾, не испытывали первенствующіе христіане. Но, укрѣпляемая благодатію Божіею, даже жены мужественно противостояли ярости мучителя. Таковы напр. были дочь и внука емезскаго архидіакона. Онѣ претерпѣли тысячу ударовъ валовыми жилами, и, подвергшись еще другимъ пыткамъ, окончили жизнь свою мученически. Наконецъ, отправившись въ Дамаскъ, Махезія разрушилъ тамъ многія церкви, не смотря на обѣщаніе Омара ибнъ-Абдуль-Азисъ не касаться христіанскихъ церквей и монастырей въ этомъ городѣ. Не менѣе бѣдственно было состояніе христіанъ и въ другихъ городахъ калифата ⁽²⁾.

Преемникомъ Магади былъ сынъ его Муса-Аль-Гади; но онъ царствовалъ недолго. Ему наследовалъ Гарунъ-Ар-Рашидъ (786—809). Гарунъ-Ар-Рашидъ извѣстенъ между калифами, какъ покровитель наукъ и истинный цѣнитель всякаго рода ученыхъ. Но онъ былъ вмѣстѣ и изуверный мусульманинъ ⁽³⁾; заботливость его объ исламѣ равнялась его попеченію о наукахъ. Воз-

⁽¹⁾ *Doct. igr. bib. 6. жф. 19. Θεοφαν. χρον. σελ. 303.*

⁽²⁾ *Doct. тамже. Θεοφαν. тамже.*

⁽³⁾ См. фетву ибнъ-Наккаха. *Journal asiatique*. Гарунъ-Ар-Рашидъ ежегодно самъ лично совершалъ хаджъ (حج) или набожное путешествіе въ Мекку. Когда же подъ старость сдѣлался неспособенъ къ продолжительному путешествію, вмѣсто себя на свой счетъ отправлялъ туда ежегодно по триста поклонниковъ.

вышая мусульманство чрезъ великолѣпныя постройки мечетей и богатые вклады въ нихъ, онъ въ тоже время велѣлъ разрушать христіанскія церкви ⁽¹⁾, отнялъ у христіанъ должности ⁽²⁾, которыя по необходимости поручались имъ за неспособностію самихъ мусульманъ къ прохожденію оныхъ; къ большому же посрамленію христіанъ, перемѣнилъ у нихъ и самую одежду ⁽³⁾. Ободренные его поступками улемы съ своей стороны также стали издавать противъ христіанъ фетвы ⁽⁴⁾. И когда предъ VII вселенскимъ соборомъ посланные отъ константинопольскаго патріарха Тарасія съ грамотами къ восточнымъ патріархамъ прибыли въ Палестину въ 788 году, они нашли здѣсь, что состояніе монаховъ и вообще всѣхъ христіанъ было крайне бѣдственно. Патріархъ іерусалимскій Теодоръ былъ въ ссылкѣ ⁽⁵⁾. Монахи палестинскіе, которымъ повѣренныя константинопольскаго патріарха сообщили о предметъ своего посольства, не рѣшились допустить ихъ до свиданія съ восточными патріархами, а призвавъ ихъ къ себѣ, умо-

(1) См. фетв. ибнъ-Наккаха: Journal asiatique.

(2) Тамже.

(3) Тамже.

(4) Тамже.

(5) *Εἰς δὲ τὰ Ἱεροσόλυμα οἱ κομίζοντες τὰ γράμματα εὗρον τὸν πατριάρχην Θεόδωρον ἐξόριστον ὑπὸ τῶν Ἀραβῶν εἰς τόπον ἀπέχοντα τῆς Ἱεροσολῆμ μίλια δύο χιλιάδας, — καὶ εἶδον τὴν ἐκτὶ ταλαίπωρον ζωὴν τῶν μοναχῶν καὶ τῶν λοιπῶν χριστιανῶν. Δοσιθ. ἱστορ. βιβ. 6. κεφαλ. 19. παραγραφ. 19.*

ляли не увеличивать открытыми дѣйствіями бѣдствій и безъ того уже угнетенныхъ христіанъ восточныхъ. Теофанъ свидѣтельствуе⁽¹⁾, что въ царствованіе Гаруна-Ар-Рашида мученически пострадалъ греческій военачальникъ Теофилъ. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и представленъ къ Гаруну. Величественный видъ Теофила понравился калифу, — и онъ захотѣлъ, во что бы то ни стало, обратить его къ исламу. Но какъ Теофилъ, несмотря ни на какія угрозы и обѣщанія, остался непреклоннымъ въ своей вѣрѣ, то и былъ усѣкнутъ мечемъ. Сверхъ того, по свидѣтельству Абу-ль-Фараджа⁽²⁾, вслѣдствіе обвиненія въ какихъ-то преступленіяхъ, имъ заключены были въ темницу, православный антиохійскій патріархъ Теодоритъ, яковитскій Георгій и несторианскій Іаковъ; но они были освобождены по ходатайству низибійскаго епископа Кипріана, который умѣлъ кстати услужить калифу въ это самое время. Впрочемъ, Гарунъ оказалъ православному ту милость, что велѣлъ возвратить имъ въ Александріи всѣ церкви, отнятыя у нихъ яковитами, въ благодарность за то, что александрійскій православный патріархъ Балатіанъ или Политіанъ вылечилъ любимую калифомъ египтянку, чего не могли сдѣлать всѣ врачи багдадскіе⁽³⁾.

(¹) *Θεοφ. χρονολογ. σελ. 313.*

(²) *Le Quien: Oriens christ. tom. II. 747.*

(³) *Альмакин. стр. 123. Eutych. ap. Renaud. p. 257. Зикр-аль-Кубут. стр. 58.*

Независимо отъ распоряженій самого Гаруна, въ его царствованіе много пострадали двѣ знаменитыя лавры — св. Саввы освященнаго и преп. Харитона, будучи опустошены дикими арабами, кочевавшими въ Палестинѣ. Варвары въ первый разъ разбойнически подступили къ лаврѣ св. Саввы въ пятую недѣлю великаго поста 796 года. Поелику иноки отказались выдать имъ столько золота и серебра, сколько имъ хотѣлось, потому что сами имѣли только необходимое къ пропитанію: то разбойники начали пускать въ нихъ во множествѣ стрѣлы, такъ что тринадцать иноковъ тотчасъ пали мертвые, а другіе ранены. Затѣмъ варвары разсѣялись по кельямъ иноковъ, расхитили всѣ скудные пожитки ихъ, а кельи ихъ зажгли. Они готовились уже поджечь и церковь, какъ слухъ о приближеніи войска изъ Іерусалима заставилъ ихъ бѣжать изъ опустошенной обители. Спустя десять дней, въ великій четвертокъ, арабы еще въ большемъ числѣ снова напали на обитель св. Саввы и начали убивать св. отцевъ, — однихъ поражали стрѣлами, другихъ обезглавливали мечами, иныхъ разсѣкали пополамъ, или побивали камнями; оставшихся въ живыхъ варвары собрали въ церковь, чтобы пыткой вынудить у нихъ сознаніе, гдѣ сокрыты мнимыя сокровища. Когда же иноки, несмотря на обнаженные мечи, которыми грозили умертвить ихъ, не показали сокровищъ, которыхъ не было, варвары ввели ихъ въ одну пещеру и, раз-

ложивши при входѣ въ нее огонь, начали морить ихъ дымомъ, доколь не скажутъ, гдѣ сокрыто небывалое сокровище: такъ еще осмнадцать подвижниковъ умерли, задохнувшись отъ дыма. Наконецъ, избивши оставшихся еще въ живыхъ до полусмерти, арабы удалились изъ обители, унося съ собою все, что можно было найти въ ней послѣ перваго разграбленія ⁽¹⁾.

Передъ смертію своею Гарунъ-Ар-Рашидъ раздѣлилъ имперію между тремя сыновьями, Аль-Амивомъ, Аль-Мамуномъ и Касимомъ Аль-Мутамидъ, предоставивъ первому титулъ калифа. Но вскорѣ между братьями возникла жестокая междоусобная война, продолжавшаяся около четырехъ лѣтъ. Слѣдствіемъ этой войны были страшные беспорядки во всемъ калифатѣ, открылись грабежи, убійства, повсюду воцарился одинъ законъ,—законъ насилія. При такомъ положеніи вещей никому не могло быть покоя. Но изъ всѣхъ подданныхъ калифовъ наиболее страдали христіане. Въ Іерусалимѣ патріархъ Ѳома заключенъ былъ въ темницу за то, что хотѣлъ исправить обветшавшій куполъ надъ церковію святаго Гроба ⁽²⁾; самый храмъ Воскресенія, Голгоѳа и другія святая мѣста были осквернены и даже на время оставлены. Въ окрестныхъ пустыняхъ монахи должны были бѣжать изъ обителей. Всѣ мона-

⁽¹⁾ Act. SS. Mart. 20 d. Четь-мин. подъ тѣмже числомъ.

⁽²⁾ *Flaury*: Hist. de l'Egl. livr. XXV chap. 25.

стыри: св. Харитона, св. Саввы освященнаго, св. Кириака, также обители св. Θεοδοσία и св. Ев-
 ѡνιμiа и всѣ монастыри и обители въ пустынѣ
 iорданской были оставлены монахами ⁽¹⁾. Въ это
 время, по свидѣтельству патріарха iерусалимска-
 го Досиея, многіе христiане, клирики и міря-
 не, претерпѣли мученическую смерть, а другіе
 толпами бѣжали изъ Сирiи на островъ Кипръ и
 въ Константинополь, гдѣ и приняты были съ
 братскою любовью ⁽²⁾. Въ Египтѣ также царство-
 вало совершенное безначаліе; онѣ наполнены былъ
 шайками разбойниковъ, предводимыхъ кровожад-
 ными начальниками, нещадившими никого и ни-
 чего. Городъ Александріа былъ разграбленъ и
 сожженъ; александрійскій яковитскій патріархъ
 Маркъ убѣжалъ. Монастыри долины Габибъ (ни-
 трійская пустыня) были опустошены и сожжены
 и цѣлые четырнадцать лѣтъ послѣ того оста-
 вались въ запустѣніи ⁽³⁾. Убійства прекратились
 уже тогда, когда, по смерти Аль-Амина, всту-
 пилъ на престолъ братъ его, Абдулла Аль-Ма-
 мунъ (813—833).

⁽¹⁾ *Εἰς τὴν ἁγίαν Χρῖστῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν πόλιν ἐκκλησίαι ἡρημον-
 ται, τότε μοναστήρια δύο μεγάλων λαυρῶν τῇ ἐν ἁγίοις Χαρίτωνος, καὶ
 Κυριακῇ, καὶ τῇ ἁγίῃ Σάββᾳ καὶ τὰ λοιπὰ κοινόβια τῶν ἁγίων Εὐθύμιου
 καὶ Θεοδοσίου. Θεοφ. χρονογρ. σελ. 325. Τὰ σεβάσματα προσκυνήματα τῆς
 ἁγίας πόλεως Ἱεροσολύμων καὶ θῆ καὶ τὰ σепτὰ μοναστήρια τῇ ἁγίῃ
 Χαρίτωνος καὶ Σάββᾳ τῇ ἡγιασμένῳ καὶ τα κοινόβια Θεοδοσίου καὶ
 Εὐθύμιου, καὶ τα λοιπὰ μοναστήρια καὶ ἐκκλησίαι, ἅπερ ἦσαν εἰς τὴν
 ἐρημον κατηρημώθησαν. Δοσιθ. ἱστορ. βιβ. 7. κεφ. 5. παραγρ. 8.*

⁽²⁾ Тамже.

⁽³⁾ Renaud. H. P. A. 251 — 257. Аль-Макриз. стр. 58.

Аль-Мамунъ, кажется, не былъ расположенъ гнать христіанъ. Онъ позволилъ яковитамъ снова построить свои монастыри, разрушенные въ междоусобіе ⁽¹⁾. Однакожъ, по требованію изувъровъ, онъ удалилъ христіанъ отъ общественныхъ должностей и вообще держалъ ихъ въ томъ состояніи, въ какое они поставлены были мусульманскимъ закономъ. Когда же въ Багдадъ распространились дурные слухи о его воспитателѣ, ученомъ, но яркомъ мусульманинѣ, Али-бенъ-Гамза-ль-Касан, калифъ воспылалъ гнѣвомъ на христіанъ, какъ виновниковъ этихъ слуховъ, и, собравъ ихъ къ себѣ въ числѣ 2.800, заключилъ ихъ въ темницу ⁽²⁾.

Преемникъ Аль-Мамуна Магометъ Мутассимъ Билла (833—842) былъ занятъ болѣе истребленіемъ мусульманскихъ сектантовъ, нежели гоненіемъ на христіанъ, которые казались ему менѣе опасными, нежели его мусульманскіе подданные ⁽³⁾. Только неожиданное событіе открыло ему поводъ сдѣлать одинъ опытъ совращенія христіанъ въ мусульманство. Воюя противъ грековъ, онъ взялъ галатійскій городъ Амморіонъ, разграбилъ его, сжегъ, и, захвативъ въ плѣнъ, между прочимъ, сорокъ два знаменитыхъ чиновника, изъ которыхъ нѣкоторые были родственники императора Теофила, увелъ ихъ съ собою въ Багдадъ.

⁽¹⁾ Альмякин. стр. 140. Аль-Макриз. стр. 59.

⁽²⁾ См. Фетв. ибнъ-Наккаха: Journal asiatique.

⁽³⁾ Desverg. Arabie Metassem. pag. 438 — 444.

Здѣсь плѣнники заключены были въ оковы, ввергнуты въ мрачную темницу и содержались въ ней самымъ ужаснымъ образомъ. Такъ какъ выкупъ за нихъ, присланный Теофиломъ, показался калифу слишкомъ малымъ, между тѣмъ время ихъ заключенія проходило: то калифъ началъ заботиться о совращеніи ихъ въ исламъ. Три раза подсылалъ онъ къ плѣнникамъ ученыхъ мусульманъ съ подарками и обѣщаніями, предлагая имъ принять мусульманство. Но мужественные исповѣдники остались непоколебимы въ святой вѣрѣ. Цѣлые семь лѣтъ находясь въ ужасномъ заключеніи, они не сетовали на свою участь; напротивъ, благодарили Бога, что далъ имъ возможность загладить грѣхи свои исповѣдничествомъ, и молились Ему, чтобы вразумилъ мусульманъ. Въ 842 году Мутассимъ умеръ. На престолъ его вступилъ сынъ его, Абу-Джафаръ-Гарунъ-Аль-Ватекъ-билла (842—847).

О дѣйствіяхъ Ватека вообще по отношенію къ христіанамъ также ничего неизвѣстно, какъ и о дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ его предшественника. Но Ватекъ рѣшилъ наконецъ участь амморійскихъ мучениковъ 6 марта 845 года. Еще вечеромъ 5 числа приходилъ къ нимъ одинъ измѣнникъ вѣрѣ и отечеству, по имени Базидъ, съ объявленіемъ имъ смертнаго приговора, если не послушаются приказанія калифа, и не сдѣлаются мусульманами. Тогда патрицій Аэтіѣ воздалъ благодареніе Богу и сказалъ: «да будетъ воля

Господня». Всю ночь исповѣдники пѣли хвалебныя гимны Богу. Поутру пришелъ къ нимъ, посланный отъ калифа, чиновникъ съ вооруженными солдатами, еще однажды предложилъ имъ обратиться къ исламу, и когда они рѣшительно отказались, вывелъ ихъ на берегъ Тигра, на мѣсто казни. На зрѣлище это собралось безчисленное множество христіанъ и мусульманъ. Старшій между ними по сану, блаженный Феодоръ первый мужественно претерпѣлъ мученическую смерть; ему послѣдовали и всѣ его сподвижники, каждый по порядку достоинства своего. Мужество мучениковъ удивило исполнителей казни и всѣхъ предстоящихъ; самъ калифъ, узнавъ о ихъ непоколебимой твердости въ вѣрѣ, сказалъ, смотря на отступника Базида: «если бы этотъ былъ истинный христіанинъ, то не сдѣлался бы отступникомъ», и тотчасъ велѣлъ отрубить ему голову ⁽¹⁾.

Ватеку наследовалъ братъ его Джафаръ-Абу-Фазль-Аль-Мутаваккиль (847—861). По свидѣтельству мусульманскаго писателя ибнъ-Наккаха, въ началѣ правленія Аль-Мутаваккиля христіане занимали почти всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, а при матери калифа и при другихъ родственникахъ его исключительно они находились въ услуженіи ⁽²⁾. Однакожъ мусуль-

⁽¹⁾ Acta SS. 6 Martis. Четъ-мин. 6 март. Страданіе св. муч. чотыредесати и двухъ во Амморіи ятыхъ, въ Сиріи же мучемыхъ.

⁽²⁾ См. житъ. ибнъ-Наккаха въ Journal asiatique.

мане сильно возстали противъ этого и, когда калифъ совершалъ хаджъ или набожное путешествіе въ Мекку, одинъ мусульманинъ съ опасностію собственной жизни сталъ грозить ему послѣднимъ судомъ и геенскими муками ⁽¹⁾. Тогда калифъ совершенно перемѣнилъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ христіанамъ, сдѣлался жестокимъ гонителемъ ихъ. Гоненіе на нихъ Аль-Мутаваккиль началъ тѣмъ, что въ 852 году повелѣлъ заключить въ темницу несторианскаго католикаса Θεодосія, котораго обвиняли въ сношеніяхъ съ греками, и изгналъ изъ своей столицы

(1) Когда Аль-Мутаваккиль совершалъ вмѣстѣ съ другими седмикратное обхожденіе вокругъ храма Каабы (одинъ изъ необходимыхъ обрядовъ хаджа), то замѣтилъ человека, который громко проклиналъ его. Калифъ приказалъ схватить его и бить палками. Тогда этотъ сказалъ: «о повелитель вѣрующихъ! Клянусь Богомъ! Когда я проклиналъ тебя, то былъ увѣренъ, что меня ожидаетъ смерть; но прежде выслушай меня и потомъ уже прикажи убить». — Говори, сказалъ калифъ. — «Я хочу дать свободное теченіе моей рѣчи, продолжалъ фанатикъ; Богъ и Его пророкъ одобрятъ мои слова; но тѣ же самыя слова мои возбудятъ въ тебѣ гнѣвъ. Повелитель вѣрующихъ покрылъ свое государство чиновниками изъ зиммевъ, которые хотятъ независимости только себѣ однимъ; они питаютъ гнусные замыслы противъ мусульманъ и уже приобрѣли себѣ счастье въ настоящей жизни на счетъ будущей жизни повелителя вѣрующихъ. Ты ихъ боишься, но ты не страшишься Господа Бога твоего. Знай, что въ день суда ты воздашь отчетъ за то, что они сдѣлаютъ, а они за тебя отвѣчать не будутъ. Не улучшай ихъ настоящей жизни за цѣну погибели твоей будущей жизни; ибо въ день воскресенія тотъ окажется сдѣлавшимъ самое худое дѣло, кто настоящую жизнь своего ближняго улучшаетъ цѣною погибели будущей жизни своей собственной души. Итакъ, въ эту же ночь подумай, что завтра же настанетъ день воскресенія, — тотъ день, когда каждый выйдетъ изъ могилы одинъ съ своими дѣлами». Эта рѣчь произвела на калифа глубокое впечатлѣніе. Онъ совершенно перемѣнилъ свое поведение по отношенію къ христіанамъ. См. фетв. ибнъ-Наккаха въ *Journal asiatique*.

все христіанское духовенство. Въ слѣдующемъ 853 году ⁽¹⁾ Аль-Мутаваккиль издалъ указъ на имя областныхъ правителей, въ которомъ снова подтверждались всѣ постановленія Омара-ибнъ-Хаттабъ со многими прибавленіями. Христіанамъ строжайше запрещалось проходить какія либо общественныя должности, открыто хоронить умершихъ, торжественно совершать свои свящ. обряды, показывать кресты и носить на улицахъ зажженные свѣчи. Всѣ вновь построенныя христіанскія церкви и монастыри повелѣвалось разрушить. Подать съ христіанъ, также какъ и съ іудеевъ, была удвоена; сверхъ того, взималась особенная пошлина съ ихъ домовъ, на которыхъ, для отличія и для большаго посрамленія, ставились деревянныя изображенія бѣсовъ ⁽²⁾. Въ то же время христіане, равно какъ и іудеи обязаны были носить одежду медоваго цвѣта съ длинными кожаными поясами въ отличіе отъ му-

⁽¹⁾ 239 г. гіджры. *Аль-Макриз.* стр. 60.

⁽²⁾ Эти изображенія видѣлъ и св. Константинъ (Кириллъ) философъ, просвѣтитель славянъ, когда греческій императоръ Теофілъ посылалъ его въ Самару на Евфратъ для пренія о вѣрѣ съ мусульманами, по просьбѣ тамошняго эмира. Когда мусульмане, съ которыми св. Константинъ вступилъ въ преніе, указывая на изображенія бѣсовъ на христіанскихъ домахъ, съ насмѣшкою спросили его, что это значитъ, Константинъ отвѣчалъ: «вижу изображенія демоновъ и думаю, что внутри этихъ домовъ живутъ христіане: вмѣстѣ съ христіанами внутри домовъ демоны жить не могутъ, а потому и бѣжатъ отъ нихъ наружу; а гдѣ нѣтъ снаружи этихъ демонскихъ образовъ, то надобно думать, что тамъ демоны живутъ внутри, вмѣстѣ съ людьми, имъ преданными». См. Чет.-мин. 11 март. жизнь и труды препод. отецъ нашихъ Меодія и Константина, нареченнаго Кирілла, учителей славенскихъ.

сультманъ, употреблявшихъ большею частию бѣлую одежду; должны были для верховой ѣзды употреблять сѣдла съ деревянными стремянами и, кромѣ ословъ и муловъ, не ѣздить ни на какихъ другихъ животныхъ; не должны были мыться въ мусульманскихъ баняхъ и употреблять мусульманъ для прислуги. Для наблюденія за исполненіемъ этихъ постановленій поставленъ былъ особый чиновникъ ⁽¹⁾. Наконецъ, пустая молва, будто въ Константинополь императоръ разрушилъ мечеть (существовавшую тамъ со времени царствованія Льва Исавра) и принуждаетъ плѣнныхъ мусульманъ обращаться въ христіанство, подала калифу поводъ издать новое повелѣніе — разрушить всѣ христіанскія церкви ⁽²⁾. Вслѣдствіе этого повелѣнія, по свидѣтельству несторіанскаго писателя Абу-ль-Фараджа, было разрушено множество монастырей, между прочимъ — св. Іоанна и Киріака, куда въ недѣлю Ваій стекалось на богомолье множество народа ⁽³⁾.

Въ 861 году Аль-Мутаваккиль былъ убитъ сыномъ своимъ Могаметомъ-Абу-Джафаръ-Мустансиръ-билла, который и занялъ престолъ калифовъ. Въ царствованіе Мустансира египетскій наместникъ Езидъ-ибнъ-Абдулла-ибнъ-Диваръ по

⁽¹⁾ Фетв. ибнъ-Наккаха: *Journal asiat. Аль-Макриз.* стр. 60. *Renaudot.* р. 297. 300.

⁽²⁾ *Angel. Maji.* Spicileg. Rom. t. X. p. II. pag. 735.

⁽³⁾ *Renaudot.* pag. 297.

своему корыстолюбію жестоко притѣснялъ христіанъ въ своей области. Онъ велѣлъ составить перепись всѣмъ монахамъ и брать съ нихъ подать плодами растений и деревьевъ, воздѣлывавшихся въ монастыряхъ; а подать съ прочихъ христіанъ сначала удвоилъ, потомъ утроилъ. Затѣмъ, когда яковитскій патріархъ Санутій изъ опасенія, чтобы правитель не потребовалъ еще большей суммы денегъ, скрылся въ пустынь, правитель приказалъ церковнымъ экономамъ собрать всю драгоцѣнную церковную утварь, а также епископскія имущества, представить все это въ диванъ и запереть въ церкви. Когда же патріархъ возвратился изъ своего убѣжища, правитель потребовалъ отъ него, чтобы ежегодно платилъ въ диванъ двѣ тысячи золотыхъ монетъ за свою церковь и двѣ тысячи триста за монаховъ, съ тѣмъ чтобы въ первый годъ внесены были онъ туда за два года. Такое корыстолюбіе Езида, говоритъ яковитскій писатель Северъ, было причиною великаго бѣдствія для христіанъ, такъ что многіе изъ нихъ отреклись отъ своей вѣры ⁽¹⁾.

Много также страдали христіане во время жестокой междоусобной войны между преемниками Мустансира. Сильный намѣстникъ египетскій, не признавая надъ собою ничьей верховной власти, старался собрать съ управляемой имъ

(1) Ap. *Renaudot*. pag. 307. 308.

страны какъ можно болѣе денегъ, — и вся тяжесть непомерныхъ налоговъ, по обыкновенію, пала на христіанъ. Въ тоже время въ Палестинѣ и по всему Египту разсѣялись разбойническія племена арабовъ и турокъ, которыя, по свидѣтельству египетскихъ писателей, въ Оивандѣ произвели страшныя опустошенія, разрушили и сожгли множество монастырей и церквей, всюду убивали монаховъ и безчестили монахинь ⁽¹⁾. Эти бѣдствія прекратились въ 868 году, когда Мухаммедъ-Мутаззы-билла, одержавъ побѣду надъ своимъ соперникомъ Ахмедомъ-Мустанномъ, провозглашенъ былъ въ Багдадѣ калифомъ. Въ это время двое изъ знатныхъ египетскихъ христіанъ, по имени Авраамъ и Северъ, желая положить конецъ бѣдствіямъ своихъ единовѣрцевъ, отправились ко двору калифа. Черезъ подарки и ходоустройство состоявшихъ на службѣ калифа христіанъ они успѣли получить отъ калифа грамоту, въ которой повелѣвалось возвратить христіанамъ все, что несправедливо было захвачено у нихъ разными правителями, какъ то: церкви, монастыри, утварь церковную, земли и проч. По возвращеніи Авраама и Севера въ Египетъ, повелѣніе калифа было обнародовано, — и отъ Фармы до Ассуана (т. е. отъ Финикіи до Эѳіопіи), говоритъ яковитскій писатель Северъ, всѣ церкви и всѣ мѣста, посвященныя христіанскому богослу-

⁽¹⁾ *Renaudot*. pag. 310.

женію, были возвращены и восстановлены⁽¹⁾. Кроме того, одинъ, неизвѣстный по имени, монахъ, отправившись въ Сирію, выхлопоталъ при дворѣ калифа указъ, по которому монахи освобождались отъ всякихъ податей. Въ этомъ указѣ свидѣтельствами изъ корана доказывалось, что тѣ, которые, оставивъ міръ, обитаютъ въ горахъ, не должны быть принуждаемы къ платежу какихъ бы то ни было податей⁽²⁾. Но и отъ Мутаззы православная Церковь потерпѣла немало: по его повелѣнію, антiохійскій патріархъ Николай лишенъ былъ престола и посланъ въ заточеніе⁽³⁾.

Преемникъ Мутаззы, Могаметъ-Абу-Абдулла-Мугтади-билла царствовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Ему наследовалъ дядя его Мутамидъ (870—892). Но слабый Мутамидъ носилъ только имя калифа; истиннымъ же правителемъ государства былъ Ахмедъ-ибнъ-Тулунъ, который изъ простаго воина турецкой дружины, уже со временъ Аль-Мамуна составлявшей гвардію калифовъ, сначала сдѣлался правителемъ Египта, а потомъ правителемъ и всѣхъ областей калифата съ титуломъ султана. Поэтому и греческій императоръ Василій Македонянинъ, когда приглашалъ восточныхъ патріарховъ, по крайней мѣрѣ

(¹) *Renaudot.* pag. 311.

(²) *Renaudot.* pag. 314.

(³) *Le Quien:* Oriens Christ. tom. II. p. 748.

мѣстоблюстителей отъ нихъ для составленія собора въ Константинополь по дѣлу Фотія и Игнатія, патріарховъ константинопольскихъ, обращался для сего не къ слабому калифу багдадскому, а къ могущественному султану Египта и Сиріи, Ахмеду-ибнѣ-Тулунѣ ⁽¹⁾. — Ахмедъ-ибнѣ-Тулунъ открылъ гоненіе на христіанъ по корыстолюбію. Онъ посадилъ въ тюрьму александрійскаго яковитскаго патріарха Михаила, когда одинъ монахъ изъ монастыря Абу-Іоанна (аввы отца-Іоанна), безуспѣшно домогавшійся отъ патріарха діаконскаго сана, донесъ мусульманскому правительству, что у патріарха много серебра и золота, и что онъ многихъ изъ мусульманъ обращаетъ въ христіанскую Вѣру и тайно креститъ ихъ въ монастыряхъ пустыни. Разными пытками Ахмедъ принудилъ Михаила обѣзаться заплатить столь тяжкую пеню, что онъ долженъ былъ продать жидамъ четвертую часть церквей и наложить на каждаго христіанина поголовную подать; было продано также все имущество монаховъ, и однакоже все еще не доставало половины суммы для уплаты пени; правитель требовалъ двадцать тысячъ золотыхъ ⁽²⁾. Православный антиохійскій патріархъ Θεодосій въ посланіи къ Фотію, патріарху константинопольскому, также жалуется на

⁽¹⁾ *Neale Hist. of East. Church. Patr. of Alexsandria. vol. II. pag. 162.*

⁽²⁾ *Аль-Макриз. стр. 61. Reinaud. pag. 315.*

тяжкое гоненіе, которое онъ терпѣлъ отъ султана Ахмеда-ибнъ-Тулуна⁽¹⁾. Около тогоже времени (881 г.) іерусалимскій патріархъ Ілія писалъ посланіе ко всѣмъ королямъ, епископамъ и клирикамъ франкскаго народа, исполненное горькой жалобы на бѣдственное состояніе христіанъ восточныхъ, и просилъ помощи у христіанъ западныхъ. «Почитаемъ нужнымъ увѣдомить васъ, пишетъ патріархъ, о великихъ и неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя терпимъ отъ преступнаго и богоненавистнаго народа и о которыхъ могутъ достаточно возвѣстить вамъ приходящіе сюда богомольцы; но одна вещь наипаче насъ сокрушаетъ и ее довѣряемъ мы любви вашей чрезъ эту грамату нашу. Видя наши церкви разрушенными или падающими отъ ветхости и не дерзая обновлять ихъ, мы со многими воздыханіями и слезами молимъ милосердаго Бога, дабы, во славу святаго своего имени, далъ намъ средства воздвигнуть церкви нашимъ потѣмъ и трудами. Провидѣнію Божию угодно было, чтобы князь земли сей сдѣлался христіаниномъ⁽²⁾, какъ извѣстятъ васъ о томъ послан-

(¹) Ист. св. град. Іерусалима. ч. 1. стр. 352.

(²) Неизвѣстно, о какомъ князѣ говоритъ здѣсь патріархъ. Въ житіи преп. Феодора эдесскаго, которое попадаетъ въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ, говорится о магометанскомъ государѣ Мавіи или Моавіи, царствовавшемъ около этого времени въ Багдадѣ; котораго св. Феодоръ обратилъ къ христіанству. Но одно ли это лице съ княземъ упоминаемымъ патріархомъ, и кто такой былъ Моавія, подлинно неизвѣстно. Однакожъ въ житіи говорится о немъ,

ные нами. Онъ опять позволилъ намъ владѣть нашими церквами и возстановить ихъ изъ развалинъ. Дозволеніе это пришло намъ съ неба, и мы не могли и не должны были пренебречь имъ; итакъ, укрѣпленные Господомъ, мы вооружились всѣми своими силами для столь великаго дѣла. Намъ нужны были средства, и мы по необходимости прибѣгли къ невѣрнымъ; но какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ дать намъ денегъ безъ залога, то мы принуждены были заложить масличныя сады свои, даже свящ. сосуды, и, по убожеству своему, доселѣ не могли выкупить ихъ изъ рукъ невѣрныхъ». Далѣе патріархъ пишетъ, что вслѣдствіе заклада масличныхъ садовъ не достаетъ масла и для лампадъ святилища, что убогіе и иноки страдаютъ отъ голода и что многіе иноки, не въ силахъ будучи выкупить себя, умираютъ въ неволѣ. «А такъ какъ, по божественному апостолу, когда страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ и всѣ прочіе члены: то христіане іерусалимскіе рѣшились обратиться къ братьямъ своимъ западнымъ, уповавъ, что они откроютъ для нихъ утробы милосердія своего» ('). Такъ патріархъ Ілія, представляя картину горькихъ бѣдствій востока, старался возбудить со-

какъ объ истинномъ государѣ, а не какъ о какомъ нибудь частномъ правителѣ: онъ имѣлъ дружескія сношенія съ греческимъ императоромъ Михаиломъ III и убить въ возмущеніи народномъ за принятіе христіанства. См. также Четь-мин. июля 9 дня.

(') *Michaud*: *Biblioth. des Croisades*. t. I. pag. 443.

страданіе запада. Это было первое воззваніе отдаленнаго востока къ многолюдному западу о защитѣ единовѣрныхъ братій.

Неизвѣстно, каково было состояніе христіанъ при преемникахъ Мутамида, Мутаидъ-билла и Абу-Могаметъ-Муктафа-билла (893—907). Можно впрочемъ догадываться, что если христіане, по обыкновенію, и терпѣли притѣсненія со стороны мусульманскаго народа, однако правители не издавали противъ нихъ стѣснительныхъ указовъ, напротивъ даже допускали ихъ къ общественнымъ должностямъ. Но преемникъ Муктафы, сынъ его, Джафаръ-ибнъ-Мустафа-Аль-Муктадиръ-билла (908—932), вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, въ 908 году, строго запретилъ допускать христіанъ и іудеевъ къ какимъ либо общественнымъ должностямъ, а одного чиновника изъ христіанъ, по имени Насира, предалъ смерти ⁽¹⁾. Въ то же время онъ писалъ къ своимъ намѣстникамъ: «повелитель правовѣрныхъ приказываетъ вѣрующимъ отказываться отъ услугъ христіанъ и іудеевъ, — и да страшатся правители нарушать повелѣнія своего властителя» ⁽²⁾. Народъ не уступалъ калифу въ ненависти къ христіанамъ. Въ 921 году, по свидѣтельству Аль-Макризи, мусульмане сожгли церковь пресв. Богородицы въ Каирѣ и расхитили всю

⁽¹⁾ Фетв. ибнъ-Накках. *Journal asiatique*.

⁽²⁾ Тамже.

утварь и всѣ сосуды церковные, найденные ими тамъ; разграбили также находившійся вблизи одинъ женскій монастырь ⁽¹⁾. Въ томъ же году, по свидѣтельству Альмякина ⁽²⁾, разграблена и сожжена была въ Дамаскѣ возмущившагося мусульманскою чернью главная церковь православныхъ и разрушены были находившіяся тамъ церкви несторіанъ и яковитовъ.

Въ царствованіе калифа Могамета-ибнъ-уль-Муктадиръ-ар-Разы-билла (934—941) опять под-
 нались отовсюду жалобы на зиммевъ (христіанъ и іудеевъ), и фанатическіе поэты воспѣвали предъ
 нимъ стихи, въ которыхъ старались возбудить
 въ немъ нерасположеніе къ христіанамъ ⁽³⁾. Вслѣд-
 ствіе этихъ возбужденій Ар-Разы повелѣлъ на-
 блюдать прежнія постановленія противъ христіанъ
 и іудеевъ во всей строгости и также запретилъ
 имъ отправлять какія либо общественныя долж-
 ности; имъ дозволялось быть только лекарями и
 купцами ⁽⁴⁾. Въ 936 году мусульмане произвели
 волненіе въ Іерусалимѣ и разграбили церковь
 Воскресенія ⁽⁵⁾. Въ 968 году сарацины раздра-
 женные побѣдами надъ ними греческаго импера-
 тора Никифора Фоки, умертвили антиохійскаго
 патріарха Христофила, сожгли іерусалимскаго

⁽¹⁾ *Аль-Макриз.* стр. 62.

⁽²⁾ *Hist. Sarac.* pag. 197.

⁽³⁾ Фетв. ибнъ-Накках. *Journal asiatique.*

⁽⁴⁾ *Repaudot.* pag. 343. *Альмяк.* стр. 196.

⁽⁵⁾ *Аль-Макриз.* стр. 61. *Альмяк.* стр. 197.

патріарха Іоанна и немилосердо ограбили церковь Воскресенія: потому что подозрѣвали, что императоръ началъ войну съ ними по внушенію этихъ патріарховъ ⁽¹⁾.

Между тѣмъ еще съ наступленіемъ этого столѣтія начала усиливаться въ Африкѣ династія фатимидовъ, происходившихъ отъ дочери Магомета Фатимы. Родоначальникъ этой династіи Могаметъ-Обейдалла въ 910 году основалъ въ сѣверной Африкѣ независимое государство. Ближайшіе преемники его не распространяли предѣловъ новаго государства; но третій изъ нихъ, правнукъ Обейдаллы, Муаззы, не довольствуясь наслѣдственнымъ владѣніемъ, сначала завоевалъ Египетъ (867 г.), а потомъ вскорѣ и всѣ другія области калифата, отсюда вытѣснилъ аббасидовъ и утвердилъ калифатство за своимъ домомъ. Въ правленіе Муаззы христіанская Церковь наслаждалась совершеннымъ спокойствіемъ. При немъ патріархъ Ефремъ возобновилъ нѣсколько церквей, приходившихъ въ запустѣніе; калифъ не только охотно давалъ грамоты на возобновленіе церквей, но и оказывалъ денежное вспоможеніе; когда же мусульманская чернь не давала христіанамъ пользоваться дарованнымъ правомъ, онъ строгими мѣрами обуздывалъ ея дерзость. При немъ многіе христіане находились при калифскомъ дворѣ и въ диванѣ, и

⁽¹⁾ *Cedren. Histor. t. 2. pag. 661. см. Le Quien: Oriens Christ. t. III. pag. 466.*

онъ самъ съ рѣдкою въ мусульманскомъ повелителѣ снисходительностію позволялъ христіанскимъ ученымъ (знаменитому Северу ашмонеискому разсуждать о предметахъ Вѣры съ кадіями и другими знатными мусульманами ⁽¹⁾). Преемникъ его Азизъ также былъ покровителемъ христіанъ и имѣлъ многихъ изъ нихъ при дворѣ. Особенно расположенъ онъ былъ къ православнымъ. Онъ имѣлъ въ супружествѣ христіанку, по имени Марію, и, по ея вліянію, одинъ изъ ея братьевъ Арсеній поставленъ былъ въ александрійскаго патріарха, а другой Іеремія (или Орестъ) — въ патріарха іерусалимскаго. Православные тѣмъ болѣе должны были радоваться этому вліянію, что въ Александріи, по смерти патріарха Евтихія Саида, извѣстнаго историка, съ 940 года не было православнаго патріарха. Пользуясь покровительствомъ калифа, Арсеній взялъ у яковитовъ православную церковь пресвятой Богородицы въ Каирѣ и сдѣлалъ ее патріархіею ⁽²⁾.

Но сынъ и преемникъ Азиза Абу-Али-Аль-Хакимъ-біамрилла (996—1020) былъ самый жестокій гонитель христіанъ. Мусульманскіе историки увѣряютъ, что первою причиною Хакимова гоненія на христіанъ были обиды, которыя будтобы христіане причиняли мусульманамъ; ибо,

⁽¹⁾ *Renaudot*. p. 347. *Journal asiatique*. 1837. L. I. pag. 190—192. *Vie du khalife fatimite Moëzz-Liddin-Allah*. par M. Quatremère.

⁽²⁾ *Альмакин*. *Hist. Sarac.* pag. 247. *Аль-Макриз*. стр. 63.

пользуясь покровительствомъ Азиза, они успѣли занять высшія должности въ государственномъ управленіи ⁽¹⁾. Трудно предположить, что бы въ мусульманскомъ государствѣ христіане осмѣлились притѣснять мусульманъ; но самое предпочтеніе ихъ естественно возбуждало злобу мусульманъ. Примѣры подобнаго озлобленія мы видѣли и прежде. Возбужденный фанатиками ⁽²⁾, Хакимъ открылъ гоненіе сначала преимущественно на тѣхъ изъ христіанъ, которые занимали болѣе или менѣе важныя общественныя должности. Первый пострадалъ христіанинъ Ыса (Исусъ) ибнъ-Нестуръ, занимавшій должность, равную должности визиря. Онъ былъ схваченъ и казненъ по пове-

(1) Аль-Макризи такъ излагаетъ начало и побудительныя причины гоненія Хакима на христіанъ: «во времена патріарха Захаріи (александрійскаго, яковитскаго) христіане испытали столь тяжкія бѣдствія, что подобныя они не испытывали еще ни отъ одного мусульманскаго правителя. Многіе изъ нихъ пріобрѣли важныя должности въ государственномъ управленіи, сдѣлались сильными и богатыми, пользовались неограниченнымъ довѣріемъ государя и стали притѣснять мусульманъ. Такое превозношеніе ихъ возбудило сильный гнѣвъ Хакима, котораго уже ничто не могло удерживать, когда онъ разъ предался этой страсти». Зикр-эль-Кубутъ (исторія коптовъ) стр. 69.

(2) Со времени царствованія Азиза, говоритъ Абуль-Феда, мусульмане питали сильную злобу на христіанъ и іудеевъ; потому что этотъ государь довѣрилъ одну важную должность христіанину Ысѣ сыну Нестуръ, а другую іудею Манассіи. Отъ этого христіане и іудеи получили преимущество надъ мусульманами и стали обращаться съ ними надменно. Посему жители Каира сдѣлали изъ картона фигуру женщины и, положивъ ей въ руку бумагу, поставили ее на дорогѣ, по которой проходилъ Хакимъ. Калифъ, увидѣвъ бумагу, нашелъ въ ней слѣдующія слова: «тому, кто возвеличилъ іудеевъ чрезъ Манассію и христіанъ чрезъ Ысу сына Нестуръ, и унижилъ мусульманъ по собственной своей слабости. Освободишь ли ты насъ, наконецъ, когда нибудь отъ печали, въ которой мы теперь находимся?» *Abul-Feda: Annal. Mosl. tom. II. pag. 591.*

лѣнію Хакима въ 1002 году ⁽¹⁾. Въ томъ же году Хакимъ приказалъ схватить десять главныхъ кятибовъ или секретарей. Знаменитѣйшій между ними былъ мялкитъ или православный, Абу-Наджа, по прозванію Аль-Кябиръ. Хакимъ, призвавъ его къ себѣ, приказалъ ему немедленно отречься отъ христіанства, обѣщая, если сдѣлается мусульманиномъ, возвысить его въ достоинство визиря и ввѣрить ему управленіе государствомъ. Абу-Наджа просилъ и получилъ у Хакима сроку на размышленіе одинъ день. Возвратившись домой, онъ собралъ всѣхъ своихъ друзей и, рассказавъ имъ происходившее между нимъ и калифомъ, сказалъ имъ: «я готовъ жертвовать своею жизнію за имя Христова. Я не для того испросилъ у калифа отсрочки до завтра, чтобы подумать, на что мнѣ рѣшиться. Нѣтъ; я хотѣлъ только увидѣться съ вами, проститься и сказать вамъ послѣднее мое завѣщаніе. Итакъ теперь, братія мои, не ищите тлѣнной и преходящей славы этого міра на счетъ нетлѣнной и вѣчной славы Господа нашего Іисуса Христа. Его милосердіе призываетъ теперь насъ въ царствіе небесное. Итакъ, укрѣпите сердца свои». Такъ бесѣдовалъ Абу-Наджа съ друзьями своими до самаго вечера. На другой день онъ возвратился къ Хакиму. «Рѣшился ли ты на что нибудь, Абу-Наджа Гавріиль?» спросилъ калифъ, когда во-

⁽¹⁾ 393 г. гіджры. *Аль-Макриз.* стр. 69.

шелъ къ нему исповѣдникъ Христовъ. «Да, государь!» отвѣчалъ тотъ. «На что же?» опять спросилъ Хакимъ. «Оставаться твердымъ въ своей вѣрѣ», отвѣчалъ Абу-Наджа. Хакимъ снова общеніями и угрозами началъ склонять его къ мусульманству; но, видя непоколебимую твердость исповѣдника, велѣлъ бить его кнутомъ. Сначала дали ему пятьсотъ ударовъ; вся плоть его была истерзана въ куски и онъ весь былъ облитъ кровію. Хакимъ велѣлъ дать ему тысячу ударовъ. Но когда было сдѣлано еще триста, Абу-Наджа сказалъ: «жажду». Его перестали бить и донесли Хакиму. Калифъ велѣлъ дать ему пить, если обещается сдѣлаться мусульманиномъ. Но когда подали ему воду съ этимъ требованіемъ, онъ сказалъ: «я не нуждаюсь въ ней. Мнѣ далъ пить Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Царь»⁽¹⁾. Послѣ этихъ словъ мученикъ умеръ. Хакимъ на мертвомъ велѣлъ выполнить положенное число ударовъ⁽²⁾. Между схваченными десятью кятибами—христіанами находился также рейсъ (начальникъ кятибовъ) Фагдъ-ибнъ-Ибрагимъ. Хакимъ призвалъ его къ себѣ и убѣждалъ принять исламъ, указывая на богатство, какое онъ собралъ, и общаясь еще умножить оное, а его самого почитать, какъ брата. Когда же Фагдъ съ му-

(1) Многие изъ присутствовавшихъ при этомъ дѣйствительно видѣли на бородѣ его капли воды.

(2) *Renaudot. Hist. patr. alex. pag. 389. Sacy: Exposé de la religion des Druzes. t. I. vie de Hakem Biamr' Allah. pag. 304.*

жествомъ отказался отъ предложеній калифа, ему отсѣкли голову и тѣло его бросили въ огонь. Северъ ⁽¹⁾ свидѣтельствуесть, что цѣлые три дня жгли тѣло его и однако не могли сожечь его, а къ правой рукѣ огонь вовсе не прикасался, что приписали тогда его щедрымъ милостынямъ. «Онъ никому не отказывалъ, говоритъ Северъ, кто бы ни попросилъ у него; иногда, встрѣчая нищаго, онъ опускалъ руку въ карманъ въ увѣренности, что ничего не найдетъ тамъ; но Богъ дѣлалъ то, что онъ находилъ тамъ требуемую милостыню». Изъ остальныхъ осьми кятибовъ четверо пали, не выдержавъ пытки, а другіе четверо остались тверды въ своемъ исповѣданіи и умерли подъ ударами. Изъ отступниковъ одинъ умеръ въ слѣдующую же ночь, а прочіе, когда прекратилось гоненіе, снова обратились въ христіанство ⁽²⁾.

Три года спустя открылось всеобщее гоненіе на христіанъ и іудеевъ. Причиной этого гоненія, кромѣ природной безчеловѣчной жестокости Хакима и дикаго деспотическаго произвола, было появленіе въ это время новаго особеннаго вѣроученія, котораго держался Хакимъ и главнымъ пунктомъ котораго было то, что онъ, Хакимъ, есть Богъ ⁽³⁾. Фанатизмъ, свойственный но-

⁽¹⁾ *Renaudot. Hist. patr. alex. pag. 390.*

⁽²⁾ *Renaudot. Hist. patr. alex. pag. 390.*

⁽³⁾ Персъ Могаметъ-ибнъ-Исмаилъ, по прозванію Зараръ, первый сталъ всенародно проповѣдывать, что Хакимъ есть Богъ, тво-

вымъ сектантамъ, антиномизмъ въ нравоученіи и гордость, дошедшая до обоготворенія самого себя, достаточны были для вооруженія безумнаго деспота противъ всѣхъ, кто не принималъ его мнѣній. Въ 1005 году Хакимъ повелѣлъ христіанамъ имѣть отлічіе отъ прочихъ подданныхъ въ одеждѣ, именно: они должны были носить черное платье съ двумя желтыми лоскутами и опоясываться изаромъ (особеннаго рода поясомъ); сверхъ того, они должны были носить на шеѣ кресты изъ пальмоваго дерева, длиною въ одинъ локоть, а по другимъ—въ два съ половиною локтя. Онѣ не должны были также ѣздить на лошадахъ и употреблять желѣзные стремяна. Съ

рець вселенной. Онъ составилъ книгу, въ которой училъ, что душа Адама перешла въ Али, душа Али въ предковъ Хакима и наконецъ, перешедши отъ нихъ, остановилась въ Хакимѣ. Книга эта читана была въ мечети Каира. Но, озлобленный такимъ богохульствомъ, народъ бросился на Зарара и онъ, несмотря на то, что самовластвовалъ въ государствѣ Хакима, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Сирію. Здѣсь, въ горахъ Ливана, онъ нашелъ себя, при помощи денегъ Хакима, многихъ послѣдователей, которые существуютъ и донынѣ подъ именемъ друзей. Другой персъ Гамза-ибнъ-Ахмедъ, по прозванію Алъ-Гади, т. е. руководитель, составилъ полную систему вѣроученія друзей. Гамза училъ, что Хакимъ есть олицетворившееся божество, а онъ, Гамза, есть его первоначальная мысль. Въ нравственномъ отношеніи Гамза проповѣдывалъ совершенный развратъ: позволялъ браки съ сестрами, дочерьми и женами отцевъ и избавлялъ своихъ послѣдователей отъ нравственныхъ предписаній ислама: поста, молитвы и хаджа (путешествіе въ Мекку). Чтобы склонить въ свою секту іудеевъ, чтители Хакима дурно отзывались о христіанахъ и мусульманахъ и внушали имъ, что обѣтованный Мессія есть Хакимъ; а чтобы увлечь къ себѣ христіанъ, дурно отзывались объ іудеяхъ и мусульманахъ, исповѣдывали символъ христіанскій, давая ему иносказательный смыслъ и увѣряя, что они не узнали обѣтованнаго Утѣшителя (Духа Святаго) и что этотъ Утѣшитель есть Хакимъ. *Sacy. pag. 384 — 388.*

1009 года открылось болѣе жестокое гоненіе. Калифъ приказалъ правителю Рамлы Гирею разрушить церковь Воскресенія Христова ⁽¹⁾. Патріархъ Іеремія (по другимъ Орестъ) лишенъ зрѣнія, сосланъ въ Вавилонъ въ заточеніе и тамъ умерщвленъ; прочіе христіане подверглись страшнымъ насиліямъ ⁽²⁾. На нихъ наложены были подати, превосходившія всякую мѣру, и запрещены были самыя торжества церковныя, такъ что тѣмъ свѣтлѣе былъ у христіанъ праздникъ, тѣмъ строже заключались они въ стѣнахъ своихъ жилищъ, не смѣя показываться на улицѣ. Сверхъ того, за каждое неосторожное слово, по невѣрному доносу, немедленно предавали христіанъ мученіямъ и казнямъ, похищали ихъ имѣнія, а малолѣтнихъ дѣтей ихъ насильно обращали въ мусульманство. «Трудно было бы исчислить всѣ муки, говоритъ Вильгельмъ тирскій, какія испытывали христіане палестинскіе въ это бѣдственное время ради царствія Божія; но я приведу хотя одинъ примѣръ изъ тысячи, чтобы показать только, по какимъ ничтожнымъ причинамъ подвергались они казнямъ. Одинъ изъ враговъ христіанъ, по ненависти къ нимъ, желая возбудить противъ нихъ гоненіе, бросилъ ночью мертваго пса въ преддверіе омаровой мечети, въ которой былъ стражемъ. Ут-

⁽¹⁾ *Аль-Макриз.* стр. 64. *Renaudot.* pag. 396.

⁽²⁾ *Sacy.* pag. 338. *См. Le Quien: Oriens Christ.* tom. III. pag. 476.

ромъ пришедшіе на молитву сарацины увидѣли этотъ трупъ и, какъ неистовые, наполнили городъ воплями. Весь народъ сбѣжался и всѣ кричали, что христіане сдѣлали поруганіе мечети. Этого достаточно было, чтобы всѣхъ ихъ обречь на гибель. Но одинъ христіанскій юноша, видя неминуемую гибель собратій своихъ, рѣшился взять вину на себя. «Горько будетъ, братія, сказалъ онъ собравшимся христіанамъ, если такъ погибнетъ вся Церковь; лучше одному погибнуть за весь народъ; уступите мнѣ это право; съ помощію Божіею, я отклоню отъ васъ убійство». Когда всѣ съ радостію приняли такое предложеніе, благородный юноша добровольно предался сарацинамъ, исповѣдуя мнимое преступленіе для спасенія невинныхъ. Онъ немедленно преданъ былъ казни» (¹).

Не менѣе тяжкія бѣдствія испытывали въ то же время и христіане египетскіе. Александрійскій яковитскій патріархъ Захарія былъ брошенъ въ темницу и разными пытками принуждаемъ былъ къ отреченію отъ Вѣры. Въ Каирѣ калифъ отнялъ все имущество у церквей и истребилъ множество снятыхъ съ нихъ крестовъ. Тоже приказано было дѣлать и областнымъ правителямъ. Потомъ христіанамъ запрещено было совершать богослуженіе, такъ что они самую литургію принуждены были совершать въ частныхъ домахъ, въ кото-

(¹) *Wilhelm. tyr. Hist. de bello sacro. lib. I. cap. 4.*

рыхъ нарочно освящены были для этого особая помѣщенія. Сверхъ того, имъ запрещено было переходить съ мѣста на мѣсто и не дозволено ничего ни продавать, ни покупать. Наконецъ, повельно было разрушать всѣ христіанскія церкви, а золотую и серебряную утварь церковную представлять во дворецъ. Многіе, увлекаясь жаждою корысти, брали у правительства дозволеніе отыскивать церкви въ отдаленныхъ селеніяхъ, чтобы разграбить ихъ и разрушить, — и никому не было отказа. Въ 1011 году старѣйшина синайскихъ арабовъ ибнъ-Гагіати посланъ былъ и на священный Синай съ приказаніемъ скрыть всѣ христіанскія святилища. Онъ разрушилъ церкви, св. Аѳанасія великаго въ Аджрудъ, св. Георгія въ Кольсумъ, большую и прекрасную церковь Богородицы въ Суэсъ и монастырь св. Іоанна предтечи близъ Раиѣы, — которыя лежали на пути къ Синаю; но св. обитель синайская спаслась благоразуміемъ инока Соломона ибнъ-Ибрагима. Встрѣтивши Гагіати за день пути отъ своего монастыря вмѣстѣ съ тремя старцами, онъ смиреніемъ и услужливостію смягчилъ сердце варвара. «Богъ, говорилъ онъ Гагіати, предалъ насъ въ твои руки для того только, чтобы испытать твое состраданіе къ убогимъ и невиннымъ отшельникамъ. Всемогущій можетъ спасти нашу обитель, какъ свой домъ, и инымъ образомъ; но Онъ отъ тебя требуетъ милости, твоимъ добрымъ произволеніемъ хочетъ избавить ее отъ раззоренія; и этой

благости сердца твоего Онъ не оставитъ безъ награды». Гагіати взялъ только золотые и серебрянные сосуды, которые добровольно представили ему старцы; но самага монастыря не коснулся ⁽¹⁾. По словамъ Макризи, къ концу 405 года гиджры, то есть 1013 г. нашего счисленія, въ одномъ Египтѣ было разграблено и разрушено 1031 церковь. Въ это время жестокости и насилія многихъ заставили отречься отъ Вѣры ⁽²⁾. Примѣръ твердости въ вѣрѣ показалъ діаконъ Бекира, писецъ дивана. Явившись во дворецъ, онъ громко исповѣдалъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій; когда же его заключили въ тяжелыя оковы и привязали къ столбу, онъ началъ пѣть хвалебныя гимны, но на вопросъ одного изъ своихъ друзей, что завѣщаетъ роднымъ, отвѣчалъ, что чрезъ три дня онъ самъ придетъ къ нимъ, ибо кончится гоненіе, — что дѣйствительно и исполнилось ⁽³⁾.

Гоненіе Хакима съ возрастающею силою продолжалось до 1013 года. Въ этомъ году сдѣлано было облегченіе христіанамъ; по крайней мѣрѣ имъ дозволено было удаляться изъ областей тирана и — многіе дѣйствительно удалились въ греческія владѣнія, также въ Нубію и Абиссинію.

⁽¹⁾ *А. Порфир.* Перв. путеш. въ синайск. монаст. стр. 131.
432.

⁽²⁾ *Аль-Макриз.* стр. 64. *Renaud.* pag. 396.

⁽³⁾ *Renaudot.* Hist. patr. alex. pag. 391. 392.

А въ 1017 году Хакимъ возвратилъ свободу совѣсти всѣмъ своимъ подданнымъ и даже позволилъ отступившимъ отъ Вѣры во время гоненія снова обратиться къ христіанству. И шесть тысячъ несчастныхъ въ теченіе семи дней возвратились въ нѣдра Церкви. Патріархъ Захарія вышелъ изъ темницы и, послѣ свиданія съ калифомъ, получилъ отъ него указъ, которымъ дозволялось христіанамъ открыть церкви во всемъ государствѣ и возстановить тѣ, которыя были разрушены. Кромѣ того, христіанамъ возвращены были колонны, камни, кирпичи и лѣсъ, взятые при разрушеніи церквей, также снова отданы были имъ всѣ земли и сады, принадлежавшіе церквамъ. Этимъ же указомъ христіане освобождены были и отъ обязанности носить поносные знаки отличія отъ мусульманъ, и получили дозволеніе — во всѣхъ церквахъ звонить въ колокола ⁽¹⁾. Пользуясь дарованною свободою, христіане стали ревностно заботиться о возстановленіи церквей. Мать калифа Марія, послѣ перваго указа его въ пользу христіанъ, положила основаніе возстановленію и храма Гроба Господня. Потомъ чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Хакима, когда, при заключеніи мира между сыномъ его, Абуль-Хасанъ, по прозванію Дзагиръ, и греческимъ императоромъ Романомъ, подтверждено было дозволеніе на возстановленіе іерусалимскаго

(1) *Renand. Hist. patr. alex. pag. 391. 392.*

храма,—въ этомъ возстановленіи принялъ участіе и самъ императоръ Романъ; но совершенно его окончилъ уже сынъ его, Константинъ Мономахъ, въ 1048 году ⁽¹⁾.

Вотъ краткій очеркъ того бѣдственнаго состоянія, въ какомъ находились православные христіане на востокъ со времени Магомета до начала крестовыхъ походовъ. Явно, что бѣдствія восточныхъ христіанъ были ужасны. Но терпѣніе ихъ достойно благоговѣйнаго удивленія и поучительно для насъ. Христіане переносили тяжкія бѣдствія мужественно, съ твердымъ упованіемъ на Бога. Если нѣкоторые изъ нихъ, подавляемые тяжестью гоненій, падали, то большая часть ихъ являла доблестную твердость въ Вѣрѣ, готова была за исповѣданіе имени Христовъ атерпѣть всѣ злостраданія и самую смерть, и, не смотря на все уничтоженіе, невредимо сохранила святую православную Вѣру и предала это драгоценное наслѣдіе отцевъ потомкамъ своимъ во всей его цѣлости.

⁽¹⁾ Исторія св. гр. Іерусалима. ч. I. стр. 371. и 372.

О НЕДОСТАТКАХЪ РУССКАГО НАРОДА, ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ СТОГЛАВА (XVI В.).

Въ наше время, какъ извѣстно, въ русскомъ народѣ считаются цѣлыми милліонами такъ называемые старообрядцы, недовольные современнымъ порядкомъ, церковнымъ и гражданскимъ, начавшимся при патріархѣ Никонѣ и Петрѣ великомъ и постепенно уничтожавшимъ разныя неустройства до нашихъ дней. Злобно осуждая истинные, а большею частию мнимые недостатки духовенства, православнаго народа и правительственныхъ распоряженій, старообрядцы эти душевно желаютъ возвратиться къ порядку церковной и гражданской жизни, бывшему до патріарха Никона и Алексія Михайловича; съ особеннымъ умиленіемъ указываютъ на благочестіе русскаго народа во времена Стоглаваго собора, съ особенною увѣренностію полагаются на безукоризненное православіе того времени, на опредѣ-

ленія Стоглава, какъ на непогрѣшимыя правила вѣры и дѣятельности. Старообрядцы вѣрны себѣ и своему началу: настоящее ихъ состояніе поражаетъ своимъ сходствомъ съ тѣмъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ русскаго народа, какое изображено въ Стоглавѣ; и мы, по вѣрному указанію исторіи, справедливо можемъ видѣть въ церковной жизни русскаго народа во времена Стоглава ту среду, въ которой зародился и потомъ укоренился русскій расколъ. Для знакомыхъ съ положеніями старообрядства и съ состояніемъ старообрядцевъ не нужно указывать въ этой средѣ особенно благопріятныя стороны для раскола; а для прочихъ достаточно только описать ее такъ, какъ описалъ Стоглавъ.

Стоглавый соборъ, созванный царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV въ 1551 году, по совету митрополита Макарія, занимался исправленіемъ тѣхъ «обычаевъ», которые до его времени «поизшаталися или въ самовластіи были учинены по своимъ волямъ», и утвержденіемъ въ народъ тѣхъ «законовъ и заповѣдей Божіихъ, которыя были порушены или ослаблены небреженіемъ» (¹). Соборъ внимательно всмотрѣлся въ указанное ему дѣло, съ ужасомъ увидѣлъ плачевное положеніе народа и сдѣлалъ много опредѣленій касательно искорененія замѣченныхъ въ немъ недостатковъ. Дѣянія этого собора дошли до насъ въ рукопи-

(¹) Стогл. гл. 4. Казань. 1862 г.

сяхъ подъ именемъ Стоглава или Стоглавника. Хотя несомнѣнно, что не всѣ опредѣленія Стоглава сдѣланы или по крайней мѣрѣ утверждены отцами собора; но такъ какъ извѣстны списки Стоглава почти современные собору, то въ нихъ можемъ видѣть вѣрное изображеніе времени собора.

Стоглавый соборъ яркими красками изобразилъ церковно-нравственное состояніе 1) духовенства, 2) народа и 3) монашества.

1. Кажется, и не можетъ быть рѣчи о научномъ образованіи русскаго народа въ половинѣ XVI вѣка. Все просвѣщеніе ограничивалось тогда чтеніемъ церковно-отеческихъ книгъ и апокрифическихъ сказаній, сильно распространившихся въ то время. Но и этимъ чтеніемъ могло заниматься развѣ только духовенство, потому что лучшіе представители народа — князья и бояре рѣдкіе и мало умѣли грамотъ (*). Глубокій мракъ невѣжества покрывалъ всю русскую землю; источники просвѣщенія всѣ почти остановились. «Преже сего, говоритъ Стоглавъ, въ російскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣгородѣ и по инымъ городомъ многія училища бывали. грамоте и писати и пѣти и чести учили. и потому тогда грамоте и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было. но пѣвцы и чтецы и добры писцы славны были по всей земли и доднесь»

(*) Собр. госуд. грам. т. I. № 184, 556 и др.

(глав. 25). Обучались только грамотъ, т. е. «писати и пѣти и чести» (гл. 26: вотъ весь кругъ образованія, установленный впрочемъ уже самимъ Стоглавомъ); но обучались, по замѣчанію царя «небрегомо» (гл. 5, вопр. 6), обучались почти только одни готовившіеся къ принятію духовнаго сана, какъ замѣтно изъ неоднократныхъ указаній Стоглава; обучались у такъ называемыхъ книжныхъ мастеровъ, которые «сами мало умѣли грамотъ и силы въ божественномъ писаніи не знали» (гл. 25); наконецъ обучались по книгамъ крайне неисправнымъ, потому что «писцы писали книги съ направленныхъ переводовъ, а написавъ не правили же»; отъ того «опись къ описи прибывала, и недописи, и точки непрямые» (глав. 5, вопр. 5). Да и такихъ книгъ было весьма мало не только въ частныхъ рукахъ, но даже въ церквахъ. Зато, вмѣсто рѣдкихъ божественныхъ книгъ, были въ большемъ употребленіи такія книги, какъ «Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Алманахъ, Звѣздочеты, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскіе» (гл. 41, вопр. 22), не просвѣщавшіе, но помрачавшіе духовное сознаніе читателей, отлучавшіе ихъ отъ Бога и погублявшіе ихъ. Чего же можно было ожидать отъ образованія, получаемого отъ такихъ мастеровъ и по такимъ источникамъ? Не болѣе, какъ способности механически «писати, пѣти и чести», а разумнѣнія силы въ божественномъ писаніи ожи-

дать было невозможно. Некоторые постановления Стоглава сами могутъ свидѣтельствовать о тогдашнемъ просвѣщеніи; въ немъ статьи о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія, о сугубой аллилуйи, о брандобритіи, о празднованіи въ субботу, по справедливому отзыву отцевъ великаго московскаго собора, писаны «неразсудно, простотою и невѣжествомъ» (*).

Все тогдашнее духовенство, исключая развѣ іерарховъ, получало это жалкое образованіе, и то въ низшей его степени. «Ставленники, замѣчаетъ соборъ, хотящіи во дьяконы и въ поны ставитися, грамоте мало умѣютъ. и святителемъ ихъ поставити ино сопротивно священнымъ правиломъ. а не поставити ино святія церкви безъ пѣнія будутъ. а православные хрестьяне учнутъ безъ покаянія умирати.... Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ. почему мало умѣютъ грамоте. и они отвѣтъ чинятъ. мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ. а инде намъ учитися негдѣ. сколько отцы наши и мастера умѣютъ потому и насъ учатъ» (гл. 25). И святители съ душевнымъ прискорбіемъ должны были производить во священники и дьяконы людей малограмотныхъ, неспособныхъ понимать важности своего служенія. Къ этому злу присоединялось еще другое — своеволие мирянъ въ избраніи священнослужителей, ко-

(*) Дополн. къ Акт. ист. т. V. стр. № 102.

торые смотрѣло не на способности ставлениковъ, а на деньги. Такъ напр. въ Новгородѣ, по замѣчанію собора, все духовенство избираемо было прихожанами, которые брали за то «денги великіе»; «а только владыка попа пришлетъ къ которой церкви хотя грамоте гораздъ и чюственъ а только многихъ денегъ уличаномъ не дастъ и они его не примутъ» (гл. 41, вопр. 14) Также «дворецкіе и дѣяки сами ставили поповъ и брали съ нихъ и со всего причта церковнаго великія деньги. а того не пытали которой грамоте гораздъ и чюственъ и достоинъ священническаго чину. только того и пытали кто имъ большіе денегъ дастъ» (гл. 41, вопр. 15). Чего же можно было ожидать отъ такихъ священнослужителей? Могли ли они быть вѣрными слугами Христовыми, благоговѣйными совершителями божественныхъ службъ, внимательными наставниками темнаго народа? Съ горечью замѣчаетъ соборъ о невниманіи и лѣности духовныхъ, объ ихъ небрежности и опущеніяхъ въ отправленіи своихъ священныхъ обязанностей, объ ихъ суетвѣрныхъ дѣйствіяхъ и безчиніи въ самыхъ храмахъ.

Не понимая важныхъ обязанностей священнаго сана своего, духовные старались только пользоваться вещественными выгодами, доставляемыми этимъ саномъ, а объ исполненіи своихъ обязанностей не заботились. По замѣчанію царя, они собирали «хлѣбъ годовой и денги и пшеницу на

проскуры и воскъ на свѣчи. и молебные денги понахидные и праздничные изъ казны и кутью на понахиды и канунъ и свѣчи и проскуры за зборы и столы праздничные и заупокойные. а только у своего храму на праздникъ обѣдно одинава въ годъ (отпоютъ). а ни въ субботу за упокой ни въ недѣлю за здравие ни во владыч- ни праздники ни великимъ святымъ. ни за упо- кой по родителехъ обѣдни не поютъ. ни пона- хиды ни молебновъ ни заутрени ни часовъ ни вечерни ничего не поютъ во своихъ предѣлахъ» (гл. 5, вопр. 30); даже въ соборныхъ церквахъ, гдѣ былъ не одинъ священникъ «соборомъ отнюдь не знаютъ служить литургии о здравие и заупокой» (гл. 41, вопр. 32). По этой же лѣности, ружные и приходскіе священники не ходили въ соборъ «на похрестья и къ царскимъ молебнамъ» (гл. 30). А когда священнослужители приступали къ со- вершенію божественныхъ службъ, то невѣже- ственное нерадѣніе ихъ допускало множество опу- щеній, вольности и безчинія. «Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ царь, кромѣ божественнаго устава многія церковныя чины не сполна совер- шаются не по священнымъ правиломъ и не по уставу» (гл. 5, вопр. 1. гл. 6). Такъ, въ частно- сти, священнослужители опускали воскресныя, праздничныя и заупокойныя литіи, не пѣли по- ловея, положеннаго въ уставъ отъ воздвиженія честнаго Креста до сырной недѣли, не пѣли псалма «на рѣкахъ вавилонскихъ», который по-

ложено пѣть трижды въ году,—въ недѣли блуднаго, мясопустную и сырыпустную (гл. 41, вопр. 9 и 10); не говорили отнуста послѣ часовъ (гл. 41, вопр. 12); по воскреснымъ вечерамъ и по праздничнымъ, когда бываетъ выходъ, «святѣя славы» не пѣли, а говорили рѣчью, на воскресной и праздничной утрени «великаго славословія» также не пѣли, а говорили рѣчью, какъ и въ простые дни; рѣчью же говорили, а не пѣли и стихъ божественной литургіи «Отца и Сына и Святаго Духа святую Троицу единосущную и нераздѣльную» (гл. 5, вопр. 33 и 34). Были и такіе невѣжественные священнослужители, которые не умѣли говорить или произносить надлежащимъ образомъ первой литургійной эктении, нѣкоторыхъ псалмовъ, возгласовъ и даже символа Вѣры (гл. 9), «отъ невѣдѣнія или отъ неразумія совокупляли многія кресты и иконы съ мощми и тѣми крестили (т. е. святили) воду» (гл. 41, вопр. 5), вмѣсто проскомисанія, дозволяли просфирнямъ нащептывать надъ просфирами: «боголюбцы даютъ проскурѣмъ денги на проскуры о здравіи или за упокой» жаловался царь на соборѣ, и она спроситъ имени о здравіи да надъ проскурою сама приговариваетъ якоже арбуи въ чюди. а за упокой такоже мертвыхъ имянь спрашиваетъ да надъ проскурою приговариваетъ. а тѣ проскуры попу даетъ и пощѣ людемъ даетъ и къ себѣ относитъ. а на жертвенникѣ тѣхъ проскуръ о здравіи и за упокой не проскомисаетъ и жертва къ

Богу отъ нихъ не приносится» (гл. 5, вопр. 11), позволяли при крещеніи быть по два кума и болѣе (гл. 17), терпѣли страшное безчинство въ бракахъ, которое такъ описываетъ соборъ: «въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ. и какъ къ церкви вѣнчатиcя повѣдутъ. священникъ со крестомъ ѣдетъ. а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ. а священницы имъ о томъ не возбраняютъ» (гл. 41, вопр. 16). Мало того. Священнослужители, воспитанные въ народномъ суевѣріи, не только сами не освобождались отъ него, но допускали его въ святилище и такимъ образомъ освящали его своими дѣйствіями. Такъ напр. «нѣкоторые невѣгласы попы въ великій четвергъ соль подъ крестомъ клали и до седмаго четверга по велицѣ дни тамъ держали и ту соль давали на врачеваніе людямъ и скотомъ» (гл. 41, вопр. 26); принимали отъ мірянъ мыло, приносимое на освященіе церкви, и держали его на престолѣ до шести недѣль (гл. 41, вопр. 3); брали тѣ сорочки, въ которыхъ дѣти родятся, и клали ихъ на престолѣ на шесть недѣль, такъ что нужно было особое предписаніе собора «впредь таковыя нечистоты и мерзости во святыхъ церкви не приносить и на престолѣ до шти недѣль не класти» (гл. 41, вопр. и отв. 2). Не понимавшіе ни святости своего служенія, ни святости храмовъ Божіихъ и ихъ принадлежностей, священнослужи-

тели дозволяли себѣ не только небрежное обращеніе со святыней, но и страшныя безчинія въ храмахъ Божіихъ. Не говоримъ уже, что они принимали отъ неучей иконописцевъ иконы, написанныя «самовольствомъ и самоволкою и не по образу» (гл. 43), не имѣли покрововъ на священныя сосуды, завѣсъ для царскихъ дверей, «кладязя надъ чѣмъ священнику руки умывати и горну съ уголемъ въ чемъ укропецъ грѣти, како надобе теплота во святой потиръ», замѣчаетъ соборъ, «и пономарь шедъ въ избѹ да возметъ у печи горячіе воды изъ горша въ кувшинецъ или въ кувинцы согрѣвъ да принесетъ въ церковь и ту воду вливаетъ во святой потиръ» (гл. 9), позволяли вносить во святой алтарь вмѣстѣ съ ладономъ, свѣщами и просфорами «кутию и канунъ за здравіе и за упокой и на великъ день пасху сыръ, и яица и ряби (мясо) печены и во иные дни колачи и пироги и блины и короваи и всякіе овощи» (гл. 5, вопр. 35). Не говоримъ, что «попы по своимъ церквамъ пѣли безчинно вдвое и втрое», дозволяли «пономарямъ и дьякамъ двоеженцамъ и троеженцамъ входить въ олтарь и ко святымъ прикасаться» (гл. 5, вопр. 22 и 24), а сами «заутреню и вечерню въ церкви безъ ризъ во единой патрахъли пѣли и у престола дѣйствовали и въ царскіе двери всегда ходили, а дѣтей крестили также во единой патрахъли безъ ризъ. и младенцевъ умершихъ также отпѣвали безъ ризъ и свадьбы вѣчали и

молебны и понахиды пѣли» (гл. 5, вопр. 23). Все это еще могло происходить отъ невѣжественнаго невниманія и лѣности. Но соборъ указалъ на такое безчиніе духовныхъ, которое неизвинительно и грубому невѣжеству. «Попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни, къ церквамъ Божиимъ ходили и на божественномъ пѣніи безчинно стояли, билися, и лаялися, и сквернословили, и пѣяни въ церковь и во святыи олтарь входили, и до кровопролитія билися» (гл. 5, вопр. 22. и гл. 29).

Мы смотрѣли на священнослужителей только при совершеніи ими богослуженія; соборъ мало оставилъ замѣчаній объ ихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ, объ ихъ домашней жизни. Впрочемъ, и изъ краткихъ замѣчаній его нельзя не видѣть безпорядочной жизни духовенства. Что они не могли учить народъ вѣрѣ и благочестію, это понятно изъ того, что мы сказали выше объ ихъ образованіи. О наученіи народа благочестію примѣромъ доброй жизни соборъ не говоритъ; но онъ неоднократно говоритъ о томъ, что когда «попы по своимъ церквамъ пѣли безчинно вдвое и втрое, міряне въ тѣжъ поры промежъ себя глумление и всякие рѣчи говорили праздные»; что когда попы и церковные причетники безчинствовали въ пьяномъ видѣ, «міряне зря на ихъ безчиніе гибли такоже творили» (гл. 5, вопр. 22). Конечно, и внѣ храмовъ они были не лучшими примѣрами благочестія; по крайней мѣрѣ соборъ

говорилъ, что мірскіе попы жили «въ упиваніи безмѣрномъ» и потому не въ состояніи были «мирянъ спасти и наказати отъ всякихъ золъ» (гл. 5, вопр. 17). Вымогательство за совершение таинствъ и исправленіе церковныхъ требъ, за крещеніе, покаяніе, причащеніе, за отпѣваніе умершихъ и за браки, о чемъ нерѣдко говоритъ соборъ, также не могло служить назиданіемъ для мірянъ, особенно если, какъ часто бывало, священнослужители, получая деньги и разныя приношенія, не исправляли самыхъ требъ (гл. 43—47, гл. 5, вопр. 4. 30 и др). Такіе безпорядки въ жизни духовенства постепенно должны были усиливаться отъ недостатка іерархическаго надзора надъ нимъ. Сами святители, конечно, не могли слѣдить за поведеніемъ всего духовенства, особенно сельскаго; а другихъ властей, которыя могли бы искоренять безпорядки, не было. Только Стоглавый соборъ учредилъ для надзора за духовенствомъ поповскихъ старость и десятскихъ (гл. 6). Были «десетинники и заѣзщики», которые «збирали на святителей дань по книгамъ; и свои пошлыны по грамотамъ и по книгамъ»; но отъ этихъ «десятильниковъ и отъ заѣзщиковъ священникомъ и дьякономъ была нужда и продажа велика», слѣдовательно — худой примѣръ вымогательства, а не добросовѣстное попеченіе о благочиніи духовенства (гл. 68). Были у святителей «боляре и дьяки и тиуни и десятильники и недѣльщики» не для надзора, а для суда надъ ви-

новными изъ духовенства; но и они дѣйствовали такъ, что не могли исправлять духовенство, потому что «судили и управу чинили не прямо, и волочили, и поповъ по селомъ продавали безъ милости, и дѣла составляли съ ябедники; по зговору съ жонками и дѣвками на чернцахъ и на попехъ и на мірянехъ силы искали и соромоты» (гл. 5, вопр. 7). Отъ такихъ злоупотребленій со стороны духовныхъ судей происходило то, что «церкви отъ ихъ великихъ продажъ стояли многие пусты безъ пѣнія и поповъ въ нихъ не было» (тамже и гл. 70); что изгнанные попы «по міру скитались и милостыни просили по торгу и по улицамъ. и по селомъ и по дворомъ съ образы ходили», на удивленіе иноземцамъ и на соблазнъ православнымъ (гл. 5, вопр. 13. гл. 74); вдовы попы, вопреки опредѣленію собора 1503 года, «церковью и приходомъ владѣли» и совершали всѣ требы, кромѣ священнодѣйствія литургіи, а нѣкоторые изъ нихъ жили «во всякомъ безчинии и пьянствѣ всегда и ихъ нестроение миру на соблазнъ» было (гл. 5, вопр. 18); наконецъ, при такихъ только судьяхъ возможны были такіе безпорядки въ самой Москвѣ на глазахъ митрополита, о которыхъ говорится въ Стоглавѣ такъ: «изъ всѣхъ градовъ руския митрополія архимариты и игумены и протопопы и священноиноки и священники и дьяконы приѣдетъ по своей воли своимъ дѣлы. иные же отъ нихъ за поруками приѣдутъ въ духовныхъ дѣлахъ. ови же за при-

ставомъ по кабаламъ и по срочнымъ въ боехъ и въ грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ. да живучи на Москвѣ сходятся на крестецъ въ торгу на ильинской улицѣ. да наймутся у московскихъ священниковъ по многимъ святымъ церквямъ обѣдни служить. да о томъ митрополичю тиуну являются и знамя у него емлютъ овѣи на мѣсяць инѣи же на два друзіи же множае. и пошлину ему отъ того дають на мѣсяць по десяти денегъ овѣи же по два алтына. а которые не доложатъ тиуна начнутъ служить. и онъ на нихъ емлетъ промыты по два рубля. а о томъ не обыскивается есть ли у нихъ ставленые и отпустные грамоты или нѣтъ» (гл. 69). По другимъ городамъ, особенно по селамъ, еще чаще бывало то, что попы переходили съ мѣста на мѣсто, оставляя прежніе приходы, отъ чего церкви стояли безъ пѣнія, или собирали на сооруженіе и строили себѣ новыя церкви безъ благословенія епископовъ, какъ видно это изъ неоднократныхъ предписаній собора поповскимъ старостамъ и десятскимъ—осматривать у поповъ и діаконовъ ставленые, и отпускныя, и переходящія грамоты (гл. 69), изъ прямыхъ замѣчаній его, что церкви, построенныя безъ благословенія епископовъ и не снабженныя всѣмъ нужнымъ, оставались безъ пѣнія пусты (гл. 70 и 84), а при другихъ церквяхъ вмѣсто ушедшихъ поповъ «жили въ попехъ черницы, а въ проскурняхъ черницы, миру на соблазнъ, а душамъ ихъ на погибель» (гл. 5, вопр. 9).

2. Въ связи съ жизнію духовенства, Стоглавый соборъ изображаетъ и жизнь народа, который дѣйствительно очень много зависитъ въ своемъ поведеніи отъ добраго или худаго вліянія на него духовенства. Поэтому, если духовенство мало умѣло грамотъ, не знало силы въ божественномъ Писаніи, не понимало значенія священныхъ обрядовъ; то народъ вовсе не понималъ своего христіанскаго призванія, на христіанскія таинства и благодатныя дѣйствія Церкви смотрѣлъ какъ на дѣла обыденной жизни, которыя нужно выполнять, а почему нужно, какую силу имѣютъ онѣ, этого не объясняло, да и не могло объяснить ему духовенство. Если духовенство нарушало христіанское благочиніе, не соблюдало нравственной чистоты; то народъ, «зря на ихъ безчиніе», еще менѣе заботился о благочиніи, еще болѣе погрязалъ въ нравственной нечистотѣ. Такъ, народъ принималъ отъ священно-служителей таинства, давалъ имъ деньги на молебны, панихиды и проч. (гл. 5, вопр. 15 и 80); но умные люди того времени видѣли, что участіе народа въ церковно-богослужебныхъ дѣйствіяхъ было почти безсознательное, или, что еще хуже, міряне мертвымъ выполненіемъ церковныхъ обрядовъ думали замѣнить добрыя дѣла, — люди «скверные и всякія злобы исполненные, живущіе во грѣсѣхъ не отступно, каноны всякими и молитвами и различными пѣснями чаяли спасеніе получи-

ти»⁽¹⁾. Ходили міряне въ храмы къ богослуженію, нѣкоторые, можетъ быть, часто, но какъ и зачѣмъ? «Безстрашие, говорится въ Стоглавъ, вошло въ люди: въ церквахъ Божиихъ въ соборныхъ и приходныхъ стоятъ безъ страха и въ тафьяхъ и въ шапкахъ и съ посохи якоже на торжищи или на позорищи или на пиру или яко въ корчемницы. и говоръ и ропотъ и всяко прекословіе и бесѣды и смрадныя словеса. пѣнія божественнаго не слышатъ въ глумленіи» (гл. 5, вопр. 21 и 22 и гл. 39). Не получая добраго наученія въ вѣрѣ и благочестіи, котораго требовало врожденное чувство благочестія, народъ обращался къ лживымъ учителямъ суевѣрія и отъ нихъ получалъ наставленія. «По погостомъ и по селомъ и по волостемъ, говоритъ соборъ, ходятъ лживыя пророки мужики и жонки и дѣвки и старыя бабы наги и босы и волосы отравивъ и распустиа трясутся и убиваются. а сказываютъ что имъ являются святая пятница и святая Анастасія и велятъ имъ заповѣдати хрестьяномъ каноны завѣчивати. они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платья не мыти и каменя не разжигати и иныя заповѣдаютъ богомерзкіе дѣла творити» (гл. 41, вопр. 21). Кроме этихъ пустосвятовъ, дѣйствовавшихъ во имя

⁽¹⁾ Слова Максима Грека. См. Сочиненія его. том. 2. стр. 213 и 241. Казань. 1860.

христіанской вѣры, въ народѣ были собственно «волхвы и чародѣйники», которые поддерживали въ немъ языческое суевѣріе и языческіе пороки. Они, по словамъ собора, «отъ бѣсовскихъ наученій пособіе людямъ творили, кудесы били и во аристотелевы врата и въ рафли смотрѣли и по звѣздамъ и по планитамъ глядали и смотрѣли дней и часовъ и тѣми дѣвольскими дѣйствы миръ прельщали и отъ Бога отлучали» (гл. 41, вопр. 17).

Отъ недостатка нравственнаго воспитанія въ духъ св. Вѣры, подъ вліяніемъ волхвовъ и чародѣйниковъ, кромѣ показаннаго неуваженія къ святынямъ, развились въ народѣ крайнее суевѣріе и рѣзкіе пороки, особенно чувственные. Такъ, по сказанію собора, празднованіе христіанскихъ праздниковъ соединялось со многими языческими суевѣріями. «Простая чадъ православныхъ христіанъ, говорится въ Стоглавъ, никимже возбраняемы и обличаемы ни запрещаемы ни отъ священникъ наказуемы ни отъ судей устрашаемы, творять еллинское бесованіе различныя игры и плесканіе противъ праздника рождества великаго Ивана предтечи въ нощи и на самый праздникъ весь день и нощь. мужи и жены и дѣти въ домахъ и по улицамъ обходя и по водамъ глумы творять всякими игры и всякими скомраштвами и пѣснями сатанинскими и пляснями и гуслями и иными многими видами и скаредными образованіи еще же и пьянствомъ» (гл. 92). «Подобна же сему творять во днехъ и въ навечеріи рож-

дства Христова и въ навечеріи Васи́лія великаго и въ навечеріи богоявленія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскіе пѣсни и на плясаніе, и на скаканіе и на богомерзкіе дѣла. и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе. и егда мимо нощъ ходитъ. тогда отходятъ къ рѣцъ съ великимъ кричаніемъ аки бѣсни и умбываются водою. и егда начнутъ заутреню звонити. тогда отходятъ въ дома своя и падаютъ аки мертвыя отъ великаго хлопотанія» (гл. 41, вопр. 24 и гл. 92). Также проводили пасхальную недѣлю, первый понедѣльникъ Петрова поста, «а индѣ инымъ образомъ», не лучше, если не хуже; въ великій четвертокъ рано по утру палили соломѣ и кликали мертвыхъ (гл. 41, вопр. 25—27 и гл. 92). Соборъ описалъ еще замѣчательный обычай поминовенія умершихъ. «Въ троицкую (родительскую) субботу по селомъ и по погостомъ, говорятъ онѣ, сходятся мужи и жены на жалыникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. и егда начнутъ играти скоморохи гудцы и прегудницы. они же отъ плача преставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти на тѣхъ же жалыникахъ обманщики и мошенники» (гл. 41, вопр. 23). Изъ этихъ описаній видно, какъ суевѣріе порождало и уславляло грубые чувственные пороки, которые, по значанію собора, были до того повсемѣстны и совершались такъ гласно, съ такою

безстыдною наглостію, что и въ тогдашнемъ обществѣ производили соблазнъ и служили предметомъ удивленія для иностранцевъ. Чувственные пороки—«любодѣйство, прелюбодѣйство, злой содомскій блудъ», низводившіе, по замѣчанію Стоглава, всякія казни Божіи на преступный народъ (гл. 5, вопр. 29), такъ заглушили въ немъ цѣломудренное чувство стыда, что напр. «во Псковѣ градъ мылись въ баняхъ мужи и жены и черницы и черницы въ одномъ мѣстѣ безъ зазору» (гл. 41, вопр. 18), что и пороки противосестественные не считались особенно тяжкими грѣхами, которые бы следовало скрывать отъ другихъ: «вѣдцы, говоритъ Стоглавъ, забывъ страхъ Божій скверное беззаконіе творять реку же содомскую пагубу многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель. а отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ поношеніе и укоризна нашей православной вѣрѣ хрестіянстѣй» (гл. 33). Видѣвъ съ распространеніемъ чувственныхъ пороковъ Стоглавъ отмѣтилъ отсутствіе въ народѣ хрестіанской любви, жестокосердіе, какое-то нравственное ожесточеніе. Такъ онъ жаловался, что милостыню, и кормъ годовой, и хлѣбъ, и соль, и деньги, и одежду, отпускаемыя по всѣмъ городамъ по богадѣльнымъ избамъ изъ царской казны, скупали у прикащиковъ мужики съ женами, ка нищие и клясые и гнѣдые и престарѣвшіеся въ убожествѣ, продаженныя, по улицамъ въ паробехъ лежащія, и на телешкахъ и на самизахъ

возимые; гладъ и мразъ и зной и наготу и всякую скорбь терпѣли. и не имѣли гдѣ главы поклонити. по миру скитались. вездѣ ихъ гнушались. отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умирали и безъ покаянія и безъ причастія никимъ не брегомъ» (гл. 5, вопр. 12 и глав. 73). Жаловался также соборъ, что когда изъ ордѣ татары привозили, для выкупа, плѣнныхъ бояръ и боярынь и всякихъ людей, или и сами выходили они ограбленные, кругомъ въ долгу, съ одной надеждой на состраданіе соотечественниковъ, то не только не оказывали никакой помощи несчастнымъ, не выкупали тѣхъ полоненниковъ, но съ холоднымъ равнодушіемъ позволяли отвозить ихъ назадъ въ бесершенство, и здѣсь ругались надъ ними всякими сквернами богомерзкими (гл. 5, вопр. 10). Отъ этого жестокосердія, соединеннаго съ праздностію и лѣнностію, постоянно происходили ссоры и драки, доходившія до убійства, тяжбы съ клятвопреступленіями, явные грабежи и разбои съ душегубствомъ. «Крестыяне (христіане), говорится въ Стоглавѣ, кленутся именемъ Божиимъ во лжу всякими клятвами и лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами неподобными скаредными. и богомерзкими рвчми иже не подобаетъ хрестыяномъ. и во иновѣрцехъ такое безчиніе не творится» (гл. 5, вопр. 27 и 28). «Да въ нашемъ же православіи тяжутся. нѣцїи же не прямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ и на поле быются

и кровь проливають; и на чарованія надвѣ-
 ся поклевца и лобедникъ не мирится и крестъ
 цѣлуе и на поле бьются и поклевавъ убиваютъ»
 (гл. 41, вопр. 17). Это убійство въ поединкъ, ко-
 торый совершался съ вѣдома судей и доказывалъ
 будтобы, что убитый виновенъ, а клятвеннопреступ-
 ный убійца правъ⁽¹⁾. Другаго рода убійства со-
 вершались въ глуши, вдали отъ городовъ, людь-
 ми праздными и промотавшимися. «По дальнимъ
 странамъ, говоритъ Стоглавъ, ходятъ скоморохи
 совокупясь ватагами многими до пятидесяти и до
 семидесяти и до ста человекъ и по деревнямъ у
 крестьянъ сильно ядятъ и пикютъ и изъ клѣтей
 животы грабятъ а по дорогамъ разбиваютъ. Да
 дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе браж-
 ники зернью играютъ и пропиваются. ни служ-
 бы служатъ ни промышляютъ. и отъ нихъ вся-
 кое зло чинится. крадутъ и разбиваютъ и души
 губятъ» (гл. 41, вопр. 19 и 20).

Такъ глубоко упала народная нравственность
 въ половинѣ XVI в.! Вся рѣчь грознаго царя,
 сказанная предъ отцами Стоглаваго собора (гл. 3),
 есть не что иное, какъ горькій плачь о тяжкихъ
 грѣхахъ и преступленіяхъ своихъ и своего на-
 рода. «Какіе грѣхи не сбышася въ насъ, гово-
 ритъ онъ въ своихъ вопросахъ, а насъ чѣмъ Го-
 сподь не наказалъ за грѣхи наши. Нынѣ вся злая

⁽¹⁾ См. Москвит. за 1883 г. № 13 и 14; статья г. Бѣлева—
 «Поле».

пострадахомъ отъ врагъ своихъ и отъ великого Божия наказанія» (гл. 5, вопр. 29).

3. Наконецъ, въ обозрѣваемое нами время безпорядки и нравственные недостатки проникли и въ монастыри, которые служили прежде назидательными образцами благоустроенной христіанской жизни. Причинами такихъ недостатковъ и безпорядковъ были: 1) способъ поступленія въ монашество. Въ разсматриваемое нами время многіе поступали въ монастыри не по собственной волѣ, а по принужденію. Таковы были бояре, преслѣдуемые несчастнымъ управленіемъ грознаго царя, также вдовы священники и діаконы, которые, по опредѣленію собора 1503 года, не должны были владѣть своими приходами. Ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, конечно, нельзя было ожидать охотнаго подчиненія монастырскимъ уставамъ. И изъ поступавшихъ въ монастыри по своей волѣ многіе постригались, по словамъ собора, не для того, чтобы вдали отъ мірскихъ суетъ въ уединеніи спасти свою душу, но «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать» (гл. 5, вопр. 8). Всѣ такіе постриженники были самымъ вреднымъ приобритеніемъ для монастырей: привыкши къ праздной жизни въ міру, они и въ монастыряхъ жили на соблазнъ истиннымъ монахамъ. Кроме того, они заграждали путь туда усерднымъ чтителямъ монашескаго сана: своими богатыми вкладами въ монастыри они пріучали настоятелей къ мздоимству, къ продажѣ монаше-

скаго сама, такъ что бѣдные, не смотря на усердіе къ подвижнической жизни, не были принимаемы въ монастыри. Стоглавый соборъ съ горестію видѣлъ распространеніе этого зла и строго предписывалъ настоятелямъ: «примати съ вѣрою и со страхомъ приходящихъ къ нимъ православнымъ христіанъ на покаяніе, и хотящихъ отъ нихъ сподобитися святаго ангельскаго мнишескаго образа, и отъ тѣхъ не истязовати ничтоже, но токмо сами что дадутъ по своей силѣ то отъ нихъ примати по священнымъ правиломъ» (гл. 50).

2) Упадку монастырской жизни содѣйствовалъ недостатокъ надзора за благочиніемъ въ нихъ. Сами святители не могли наблюдать за жизнію въ отдаленныхъ отъ ихъ кафедръ монастыряхъ; кромѣ того, многіе монастыри жалованными несудимыми грамотами освобождались отъ суда епископскаго, который удобнѣе свѣтскихъ судовъ могъ искоренять монастырскіе безпорядки (гл. 5, вопр. 14 и гл. 67). Другихъ лицъ для надзора за монашествующими, кромѣ настоятелей, не было. Но въ настоящее время настоятели сами не всегда могли быть строгими блюстителями монастырскихъ уставовъ. «Архимариты и игумены нѣкоторые» были настоятелями не потому, что отличались строгою жизнію и начальственными способностями, а потому только, что «власти докупились» и заботились о вознагражденіи своихъ издержекъ при покупке ея (гл. 5, вопр. 8. гл. 49); а многіе настоятели вовсе не способны были надзирать за сво-

ими подчиненными, потому что сами предавались «упиванію безмѣрному» и жили «во всякомъ безчистіи» (гл. 5, вопр. 17). Онъ надзора святительскихъ бояръ и дьяковъ, десятильниковъ и заѣзничковъ иноческому чину никакой пользы не было, кромѣ «напрасныхъ продажъ и тяжкихъ налоговъ», кромѣ судебного посрамленія по наговорамъ женокъ и дѣвокъ (гл. 5, вопр. 7). Наконецъ 3) порочъ монастырскихъ нравовъ много содѣйствовало обогащеніе монастырей посредствомъ разныхъ, законныхъ и незаконныхъ, прибытковъ. Умноженіе монастырскихъ имѣній и соединенныхъ съ тѣмъ удобствъ жизни произошло частію отъ того, что «въ монастыри боголюбцы давали душамъ своимъ и родителемъ на поминокъ вотчины и села и прикупи»; частію отъ того, что монастыри сами «прикупали себѣ вотчины и села» или «припрашивали себѣ угоды у царя, и поимали много по всѣмъ монастыремъ», говорилъ самъ царь, или наконецъ «тягались о земляхъ въ городскихъ судахъ и незаконными тяжбами забирали въ монастыри села и имѣнія» (гл. 5, вопр. 15. 19. и гл. 85). Не говоримъ о многихъ другихъ, болѣе или менѣе незаконныхъ, средствахъ, къ которымъ прибѣгали монастыри для увеличенія своего внѣшняго благосостоянія: о продажахъ недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ имъ (гл. 75), объ отдачѣ монастырскихъ денегъ въ росты и хлѣба въ насны (гл. 5, вопр. 16. гл. 76), о безчинномъ скитаніи по міру чернцовъ и чер-

ницъ для сборовъ въ монастыри (гл. 5, вопр. 13 и гл. 74), о тарханнѣхъ, несудимѣхъ, и льготнѣхъ грамотахъ на беспошлинную торговлю (гл. 5, вопр. 15), о мздоимствѣ за постриженіе (гл. 50) и другихъ источникахъ доходовъ.

Отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ произошло множество безпорядковъ и нравственныхъ недостатковъ въ святыхъ обителяхъ. Стоглавъ съ горечью указываетъ на развитіе въ монастыряхъ лѣности и праздности. Вмѣсто того, чтобы, по примѣру древнихъ иноковъ русскихъ и по монастырскому уставу, пребывать въ молитвенныхъ трудахъ, въ разсматриваемое время «архимариты и игумены нѣцыи и священники и дьяконы во своихъ обителяхъ во святыхъ Божіихъ церквахъ божественныя литургии не служили ни за здравія ни за упокой недѣль въ пять и въ шесть а инде и въ полгода» (гл. 41, вопр. 31). Мало того. Когда благочестивые христіане, поручая себя молитвамъ монашествующихъ, дѣлали богатыя приношенія въ монастыри на поминаніе своихъ душъ и своихъ родственниковъ, монашествующіе «по тѣхъ дунахъ и по родителехъ по ихъ приказу и въ памяти ихъ не исправляли» заупокойныхъ литургій и панихидъ (гл. 5, вопр. 15). Соборъ указываетъ и на то, что праздные иноки проводили время «въ безмѣрномъ упиваніи и во всякомъ безчиніи, а еже повелѣваютъ отцы святіи пити по чашѣ или по двѣ или по три: сего они ниже слышати хотѣли ниже вѣдали мѣру

часть онѣхъ. но сицева мѣра ихъ есть егда ни-
 лни будутъ якоже себе не познати ниже помни-
 ти множицею даже и до облеванія. и тогда пре-
 станутъ цѣти» (гл. 52). Отъ пьянства являлись
 въ монастыряхъ другіе пороки, неразлучные спут-
 никомъ его. Стоглавъ справедливо замѣчаетъ, что
 «отъ пьянства въ конечную погибель и въ блуд-
 ный ровъ впадаютъ» (тамъ же) и на дѣль указы-
 вая нарушенія монашествующими обѣтовъ по-
 ломудрія. Бдѣжайшимъ поводомъ къ этому было
 то, что «въ монастырь миряне съ женами и съ
 дѣтьми жили. а въ которомъ монастырь жили
 черницы. ино въ томъ монастырь такоже жили
 миряне и холостые и съ женами. а въ иномъ
 монастырь черницы и черницы жили вмѣстѣ. а
 попы и дьяконы и дьяки и немонари съ же-
 нами тутъ же съ черницами въ монастырь вмѣ-
 стѣ жили»; кромѣ того «по велѣдмъ инде небрежно
 жонки и дѣвны приходили. а робята молодые по
 всѣмъ келіямъ жили невозбранно» (гл. 5, вопр. 8.
 37 и гл. 49). Конечно, при такой жизни способы
 монастырскаго содержанія и хозяйство монастыр-
 ское, какъ бы ни были богаты, должны были
 истощаться, и дѣйствительно истощались; отъ
 этого происходили новые безпорядки. Царь, ука-
 зывая на богатые дрходы, при которыхъ, между
 тѣмъ «братья во всякъ монастырѣхъ по старому
 а инде и старого менѣши. ѣсть и пить старого
 брати оскудѣе. а строения въ монастырѣхъ на
 котораго не прибыло и старое опустѣло», спра-

нивалъ на соборъ: «гдѣ тѣ прибыли и кто тѣмъ корыстуется» (гл. 5, вопр. 15)? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ описанной жизни монашествующихъ. Нѣкоторые настоятели, подобно своимъ подчиненнымъ не расположенные къ исполненію правилъ монастырскихъ уставовъ, были первыми и главными разорителями монастырей. «Они, по словамъ Стоглава, ни службы Божіи, ни трапезы (общей) и братства не знали: покоили себя въ келіи съ гостми, да племянниковъ своихъ вмѣщали въ монастырь и довели всѣмъ монастырскимъ, и монастыри, и села чинили пусты съ своими племянники, весь покой монастырской и богатство и всякое изобиліе во властвѣхъ и съ роды и съ племянники и съ бояры и съ гостми и съ любимыми друзи истощили» (гл. 5, вопр. 8). Отъ такой жизни настоятелей «братія бѣдные бывали алчни и жадни и всячески непокойны всякими нуждами одержимы». Когда монастырскія средства истощались, то настоятели выгоняли своихъ бѣдныхъ подчиненныхъ, даже старыхъ слугъ и вкладчиковъ; отъ того «черницы и черницы по міру волочились и жили въ миру и не знали что слово тѣ монастырь, и тѣмъ нигдѣ покою не было, ни въ которомъ монастырь не принимали» (гл. 5, вопр. 8, 9 и 37). Другіе изгнанники, ища себѣ надежное пристанище, рѣшались устроить новыя обители, но, по привычкѣ къ старой жизни, разоряли ихъ при самомъ устроении: «старецъ, говорится въ Стоглавѣ, на

лѣсу келью поставить или церковь срубить да пойдеть по миру съ иконою просити на сооруженіе. а у меня (царя) земли и руги просить. а что собравъ то пропеть. а въ пустынь не по Божь совершаетъ» (гл. 5, вопр. 19). Наконецъ, нѣкоторые иноки, наскучившіе монастырскою жизнью и несознававшіе святости своихъ обѣтовъ, данныхъ при постриженіи, сами выходили изъ монастырей и предавались бродяжничеству по городамъ и селамъ; отъ-нѣчего дѣлать, принимались за постройку церквей по деревнямъ и пустынь, о которыхъ стужали царю и боголюбцамъ, «многимъ православнымъ въ соблазнъ и въ смущеніе» (гл. 85). Отъ того-то во времена Стоглава по всей русской землѣ много было мелкихъ обителей, въ которыхъ «жилъ игумень да чернца два или три», а порядку не было никакого (гл. 5, вопр. 37).

Такъ изображаетъ Стоглавъ церковно-нравственные недостатки русскаго народа. Что представляетъ это изображеніе? — Крайнюю степень общаго невѣжества, довольство мертвымъ и рѣдкимъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ и нарушение основныхъ законовъ христіанской жизни, стремленіе къ самоуправству и безначалію, нравственное растлѣніе и ожесточеніе, — все характеристическія качества современнаго намъ раскола, весьма способныя поражать тѣ случайные догматы, которыми онъ недугуетъ досель. Но, не говоря уже о томъ, что въ жизни русскаго

народа того времени были свѣтлыя исключенія, которыхъ Стоглавъ не имѣлъ нужды касаться, или, можетъ быть, и показанные недостатки нерѣдко были только исключеніями, самое это изображеніе недостатковъ служить отраднымъ проявленіемъ вѣчно-живаго и животворнаго начала Церкви. Сознаніе своихъ недостатковъ и стремленіе къ искорененію ихъ всегда служатъ предвѣстниками нравственнаго очищенія, хотя въ тоже время являются упорные защитники существующихъ безпорядковъ. Вотъ почему тотчасъ послѣ Стоглаваго собора началась жаркая борьба живаго и животворнаго начала Церкви съ мертвымъ духомъ раскола и продолжалась въ нѣдрахъ Церкви до тѣхъ поръ, пока не разразилась страшнымъ взрывомъ при патріархѣ Никонѣ, когда видимымъ образомъ отдѣлились отъ нея всѣ приверженцы тѣхъ порядковъ и благочестія, которые осуждены на Стоглавомъ соборѣ.

Р Ѣ Ч Ъ

ПРЕДЪ ВЫБОРОМЪ СУДЕЙ.

Сегодня, мужи благородные, просвѣщенные и довѣренныя своего сословія, вы пришли въ церковь сію клятвою засвидѣтельствовать Государю, отечеству и другъ другу, что готовы выбрать нѣкоторыхъ изъ среды своей на службу общественную по совѣсти. Помыслите же, какъ надлежитъ вамъ достойно употребить въ дѣло право выбора, дарованное вамъ властію Самодержца.

Устами своими вы произнесете имя всевидящаго Бога, облобызаете слова Христовы и образъ распятаго Спасителя и Судіи. Этими священными знаменіями вѣры и правды вы удостовѣрите всѣхъ, что будете совершать дѣло своего выбора также вѣрно, какъ вѣрно видить все Богъ, какъ вѣрны слова Христовы, какъ истинно за оправданіе наше умеръ Христосъ, Спаситель нашъ; а между тѣмъ вы вполнѣ убѣждены, что обманывать Бога, не терпящаго говорящихъ ложь и

дѣлающихъ неправду, крайнѣ грѣшно. Потому, когда будете употреблять въ дѣло право выбора, остерегитесь, чтобы не подать избирательнаго голоса въ пользу одного потому, что онъ почему либо особенно близокъ къ вамъ, въ пользу другаго потому, что онъ богаче и славнѣе другихъ, въ пользу третьяго потому, что онъ сильно желаетъ быть выбраннымъ, въ пользу инаго потому, что нужно же кого нибудь выбрать, и так. дал. Все стараніе свое употребите на то, чтобы выбрать вамъ на службу общественную людей достойныхъ.

Благоразсудительности вашей извѣстно, что служить безъ ума рѣшительно невозможно; но и служить, какъ должно, безъ ума здраваго и разсуждающаго вѣрно и основательно, также нельзя: ибо принявшему на себя высокую обязанность такъ или иначе содѣйствовать спокойствію и благоденствію отечества, гдѣ повсюду встрѣчаются страсти, хитрость, лесть, обманъ, коварство и проч., надлежитъ не человѣческой судъ творить, но Господень (2 Парал. 19, 6), не давая притомъ ни очамъ своимъ сна, ни вѣждамъ своимъ дреманія (Псал. 131, 4). Тѣмъ паче нельзя служить, какъ должно, тому, кто ни Бога не боится, ни людей не стыдится, ни своимъ званіемъ не дорожить: ибо только противныхъ качествъ люди ни въ какомъ случаѣ не измѣняютъ закону и не почтутъ блага чернымъ, а чернаго бѣлымъ, не рѣшатся и въ совѣсти своей на противузаконное

дѣйствіе, кто бы и какъ бы ни лѣстилъ и ни упродѣлъ имъ, и скорѣе принесутъ въ жертву за другихъ собственную жизнь, нежели согласятся пролить одну слезу неповинную за несправедливое золото. Итакъ, когда будете употреблять въ дѣло право выбора, позаботьтесь остановить вниманіе свое только на мужахъ способныхъ, на мудрыхъ, умѣтельныхъ, смысленныхъ (Втор. 1, 15), Бога боящихся, праведныхъ и ненавидящихъ корысть (Исход. 18, 21).

Принимайте и то, что съ окончаніемъ выбора способныхъ лицъ на службу обществу ваше дѣло отнюдь не кончится, а только что начнется: ибо выборомъ своимъ вы положите одно начало своему дѣлу — послужить другимъ во благо по совѣсти, а самое продолженіе этого дѣла представите уже выбраннымъ вами. Посему долгъ справедливости требуетъ, чтобы выбираемые вами на службу общественную способные люди были въ тоже время благонадежны. Какъ ни неизбежна и какъ ни необходима служба во всякомъ благоустроенномъ обществѣ: къ сожалѣнію, она не всегда бываетъ у насъ служеніемъ другимъ, но нередко превращается въ должность, изъ должности — въ наемничество, изъ наемничества — въ тунеядство. Да не попуститъ вамъ Господь выбрать на какую нибудь службу общественную человека, склоннаго къ сему! Вамъ самимъ угодно, чтобы выбранные вами не о томъ только заботились, чтобы какъ можно поскорѣе выплатить

долгъ свой службѣ. Отечество надѣется, что они готовы будутъ даже душу свою положить за вѣренное каждому изъ нихъ дѣло, а не бѣгать отъ него при всякомъ удобномъ случаѣ. Благочестивѣйшій Государь уповаетъ, что они дѣйствительно будутъ служить другимъ, а не жить только на счетъ своей службы. Посему, когда будете употреблять въ дѣло право выбора, постарайтесь сосредоточить его на тѣхъ только лицахъ, которыя способны свидѣтельствовать о службѣ своей не спискомъ дѣлъ и перепечатъ ихъ, но дѣланіемъ истиннаго добра всемъ и всякому, кому только будутъ они служить, съ усердіемъ, съ участіемъ, съ любовью, всегда неотступно, вездѣ предупредительно, на все рывшаяся, всюду проникая, все обозрѣвая, всячески стараясь выискать случаи и способъ сдѣлать добро: дать, пособить, вразумить, предостеречь, приласкать, наградить, по любви къ человечеству, но безъ потворства злу.

Кратко сказать: кого бы и на какую бы службу общественную ни выбрали вы по совѣсти, всѣ выбранные вами должны быть таковы, чтобы о каждомъ изъ нихъ говорили впоследствии: это человекъ умный, борьбознѣвый, справедливый, честный и добрый.

Господь да поможетъ вамъ успѣть въ этомъ дѣлѣ къ чести вашей, ко благу этого края и къ утѣшенію Монарха нашего!

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ

НА СВ. ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѢЕЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стихи 1 — 17.

Первая глава (¹) евангелія отъ Матѣея содержитъ въ себѣ а) родословіе Иисуса Христа и б)

(¹) Нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ изслѣдователей канона свящ. книгъ подвергаютъ сомнѣнію подлинность первой и второй главы евангелія отъ Матѣея (англич. William въ прошедшемъ столѣтіи и нынѣшняя тюбингенская школа въ Германіи) главнымъ образомъ на томъ основаніи, что ихъ не было въ такъ называемомъ «евангеліи отъ евреевъ», бывшемъ въ употребленіи у евіонеевъ и назореевъ, которое нужно было бы почитать подлинникомъ евангелія отъ Матѣея, написаннаго первоначально на сврейскомъ языкѣ, или, какъ предполагаютъ тюбингенцы, первоевангеліемъ, древнѣйшимъ всѣхъ каноническихъ евангелій, которое одно и было въ употребленіи въ древнѣйшей Церкви и къ которому сдѣлалъ свои прибавленія самъ евангелистъ Матѣей. Но—а) преп. Іеронимъ, видѣвшій евангеліе, употреблявшееся у назореевъ, свидѣтельствуетъ, что въ немъ не доставало только родословія, находящагося въ каноническомъ евангеліи отъ Матѣея, а—б) уже въ древней Церкви признавали евангеліе назореевъ и евіонеевъ искаженнымъ евангеліемъ отъ Матѣея, первоначально дѣйствительно написаннымъ

повѣствованіе о рожденіи Его отъ Дѣвы, предвозвѣщенномъ отъ ангела.

Стих. 1. *Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля.* Книга родства (*βίβλος γενεῶς*), т. е. «сказаніе», «запись о происхожденіи» (по плоти) Иисуса Христа или «родословіе Иисуса Христа», — подобно тому, какъ и въ 4 ст. 2 гл. книги Бытія: *сія книга бытія небесе и земли*, т. е. описаніе происхожденія неба и земли ⁽¹⁾.

на еврейскомъ языкѣ (*Ориген. Comment. in Matthaecum. 19, 19. ad Joh. t. II. Св. Епифан. adv. haeres. 30, 13.* прямо называетъ его искаженнымъ и обфеченнымъ). Совершенно понятны и причины такого искаженія. Обѣ секты—назореевъ и евіонеевъ имѣли ложное понятіе о лицѣ Иисуса Христа съ тѣмъ различіемъ, что первые признавали Его сверхъестественное рожденіе, а послѣдніе отвергали, принося въ свое ученіе иныя, гностическія воззрѣнія. Изъ этого же ясно и то, почему въ рукахъ евіонеевъ евангеліе отъ Матѳея оказалось болѣе обфеченнымъ, нежели у назореевъ, опустившихъ почему-то одно родословіе Иисуса Христа. Такимъ образомъ «евангеліе отъ евреевъ», бывшее въ употребленіи у назореевъ и евіонеевъ, можетъ быть признано евангеліемъ отъ Матѳея, первоначально написаннымъ на еврейскомъ языкѣ, но евангеліемъ искаженнымъ, а не подлиннымъ, и не есть первоевангеліе, которымъ пользовался будто бы св. Матѳей. Обстоятельное изслѣдованіе вопроса объ отношеніи евангелія отъ Матѳея къ «евангелію отъ евреевъ» смотр. въ статьѣ «о евангеліи отъ евреевъ», помѣщенной въ сборникъ, изданномъ М. Д. А. по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія (стр. 1—30. М. 1864 г.).

⁽¹⁾ Таково преимущественное употребленіе подобныхъ выраженій въ свящ. Писаніи. Въ 1 ст. 5 гл. книги Бытія, предъ исчисленіемъ родовъ отъ Адама, говорится: *сія книга бытія челоуѣка* (*βίβλος γενεῶς ἀνθρώπων*, поеврейски *sepher toledot*). *Βίβλος* въ значеніи счисленія или записи употреблено также у св. ап. Павла (Фил. 4, 3), а *γενεῶς* въ значеніи рода или происхожденія—въ книгахъ Исхода (6, 24) и Числъ (1, 18). Такое употребленіе этихъ выраженій и непосредственная связь ихъ съ дальнѣйшими исчисленіями родовъ доказываютъ неосновательность мнѣнія, что выраженіе св. Матѳея «книга родства Иисуса Христа» есть какбы общее заглавіе цѣлаго евангелія или надписаніе ко всему евангелію и означаетъ: «сказаніе о жизни Иисуса Христа». Они составляютъ только вступленіе къ самому родословію Иисуса Христа.

Сообразно съ общюю цѣлю евангелія отъ Матѳея ⁽¹⁾ доказать, что Иисусъ Христосъ есть обѣтованный іудеямъ Мессія, евангелистъ Матѳеѣй начинаетъ его родословіемъ Иисуса Христа, показывая, что самое происхожденіе Спасителя по плоти вполне согласно съ понятіемъ о Немъ, какъ Мессіи. Мессіи, сообразно съ пророчествами о Немъ, надлежало явиться изъ среды избраннаго Богомъ народа, быть потомкомъ Авраама, родоначальника народа еврейскаго, которому и преданы были обѣтованія о происхожденіи отъ него Искупителя (Быт. 12, 1 и слѣд.). Частнѣе, — Ему надлежало быть отраслю отъ корня Іессеева, наследовать престолъ Давида и его царство (Псал. 131, 11. Иса. 11, 1 и др.). Исполненіе этого на лицѣ Спасителя и показываетъ евангелистъ Матѳеѣй въ представленномъ имъ родословіи, почему и называетъ Иисуса Христа, въ самомъ началѣ, сыномъ Давида, сыномъ Авраама, употребляя слово «сынъ» (*υιος*) въ общемъ значеніи потомка ⁽²⁾, и затѣмъ излагаетъ самое родословіе Его, начиная оное отъ Авраама и проводя его чрезъ царственную Давидову линію ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Она узнается изъ разсмотрѣнія всего евангелія, изъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ, къ кому оно писано, и т. п. Рѣшеніе этого вопроса, также какъ и другія предварительныя свѣдѣнія о евангеліи отъ Матѳея, мы предполагаемъ извѣстными.

⁽²⁾ И еврейское *бен*—сынъ часто употребляется въ значеніи «потомка».

⁽³⁾ Спрашиваютъ обыкновенно, откуда св. Матѳеѣй почерпалъ свѣдѣнія о родословной Спасителя и могъ ли имѣть для того историческія данныя? Отвѣтъ на это прежде всего тотъ, что самый вопросъ этотъ не умѣстенъ при мысли о богодухновенности еванге-

Ст. 2 — 16. Авраамъ роди Исаака, Исаакъ же ради Иакова и т. д.

Въ исчисленіи предковъ Спасителя евангелистъ Матѣей, повидимому, не вездѣ согласенъ 1) съ

листа. Но и безъ отношенія къ мысли о богодухновенности отвѣчать на него не трудно. Кто знакомъ съ исторіею іудейскаго народа, тотъ знаетъ, что евреи издревле придавали особенную важность своему происхожденію и своимъ родословнымъ записямъ, что послѣднія стояли у нихъ въ тѣсной связи съ внутреннимъ образомъ ихъ жизни, не только гражданской, но и церковной. Мысль о происхожденіи Мессіи отъ избраннаго Богомъ народа и отъ извѣстнаго племени его всего болѣе объясняетъ, почему іудеи придавали особеную важность своимъ родословнымъ. Вредъ отъ утраты родословныхъ записей и то, съ какою заботливостію іудеи старались исправить ихъ послѣ плѣна, ясно открывается изъ Езд. 2, 62. Неем. 7, 64. 65. Что же послѣ этого даетъ право думать, что фамилія, отъ которой произошелъ Мессія, не имѣла родословныхъ записей или не заботилась о нихъ? Не нужно ли признать, напротивъ, что знаменитый іудейскій родъ царскій,—родъ Давидовъ, отъ котораго надлежало, по обѣтованіямъ и пророчествамъ, произойти Мессіи, съ особенною заботливостію хранилъ свои родословныя записи? Противники этого основываютъ свое мнѣніе на сказаніи Юлія африканскаго—лѣтописца III вѣка (у Евс. Ц. ист. кн. 1. гл. 7), что Иродъ, будучи самъ незначнаго рода, велѣлъ истребить всѣ хранившіяся въ архивахъ родословныя записи іудеевъ. Но самъ же Юлій африканскій непосредственно послѣ этого извѣстія о распоряженіи Ирода замѣчаетъ, что не смотря на такое повелѣніе со стороны Ирода, нѣкоторые роды и въ томъ числѣ сродники Спасителя по плоти, «деспосины», какъ ихъ тогда называли, сохранили свои родословныя записи (также). Съ другой стороны, Іосифъ Флавій, писатель очень близкій ко времени, о которомъ говоритъ Юлій африканскій, и болѣе знакомый съ бытомъ іудейскаго народа, не только не упоминаетъ объ истребленіи родословныхъ, но и прямо свидѣтельствуетъ о существованіи ихъ въ его время. Правда, что во времена Юлія африканскаго были многія іудейскія фамиліи безъ полныхъ родословныхъ записей; но это уже было слѣдствіемъ разрушенія іудейскаго царства и разстѣнія іудеевъ, а не слѣдствіемъ истребленія записей при Иродѣ. Извѣстно, что іудеи позднѣйшаго времени имѣли обыкновеніе во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ обвинять Ирода. Извѣстно также, что іудейскіе раввины въ первые вѣка старались заподозрить достовѣрность евангельскихъ сказаній и для того придумывали небывалыя факты, указывали между прочимъ на родословія у евангелистовъ и говорили, что онѣ не

свидѣтельствами ветхозавѣтныхъ писателей и 2) съ евангелистомъ Лукою, который также представляетъ родословіе Спасителя (1).

I. Отъ Авраама до Давида родословіе Іисуса Христа у ев. Матѳея совершенно согласно съ ветхозавѣтною исторіею и вообще съ свидѣтельствами ветхаго завѣта о родѣ Авраама чрезъ Исаака, Іакова и Іуду. Въ раскрытіи царской Давидовой линіи до времени плѣна вавилонскаго евангелистъ этотъ также вполне вѣренъ ветхозавѣтнымъ свидѣтельствамъ (кромѣ самыхъ незначительныхъ исключеній). Но, начиная съ Салаѳіила и Зоровавеля, повидимому, онъ начинаетъ отступать отъ свидѣтельствъ ветхозавѣтныхъ и вступаетъ въ разногласіе съ писателемъ первой книги Паралипоменонъ, который

могли быть составлены согласно съ историческими показаніями, потому что записи родословныя истреблены Иродомъ. Юлій африканскій или по ошибкѣ раздѣляетъ убѣжденіе современныхъ ему іудеевъ касательно истребленія родословныхъ записей, или передаетъ только ихъ мнѣніе. Такимъ образомъ, евангелистъ Матѳей, если бы даже и нуждался во внѣшнихъ пособіяхъ для составленія родословной, могъ всегда имѣть ихъ или въ частныхъ фамильныхъ, или въ общественныхъ родословныхъ записяхъ, какъ и принимается это большею частію ученыхъ и толкователей св. Писанія.

(1) Вопросъ объ этихъ кажущихся несогласіяхъ въ родословіи евангелистовъ тѣмъ болѣе важенъ, что въ послѣднее время рационалистическая критика на нихъ, между прочимъ, начала основывать свои мнѣнія о недостоверности евангелій. Особенно нужно сказать это о школѣ такъ называемыхъ «мнѣнистовъ» (*Имтраусс Leben Jesu. Erst. Band. zweit. cap. Jesu Davidische Abkunft.* Тоже у *Ренана* въ его «*vie de Jesus*»). Впрочемъ, и въ древности противники христіанства также находили здѣсь предлогъ къ нареканію на евангельскія сказанія. Это извѣстно о Юліанѣ богоотступникѣ и о неоплатоническомъ философѣ Порфиріѣ. *Hieronym. Comment. in Matthæum.*

также описываетъ, въ нисходящей линіи, царскій родъ Давидовъ. Какъ же объяснить такое несогласіе евангелиста Матѳея съ показаніями ветхозавѣтныхъ писателей?

Прежде всего критики обращаютъ вниманіе на пропускъ трехъ царей во второмъ отдѣлѣ родословія (т. е. отъ Давида до плѣна, ст. 8). По свидѣтельству 4 книги Царствъ (8, 24, 26) и первой книги Паралипоменонъ (3, 11 и дал.), Іораму наследовалъ сынъ его Охозія, а Охозія — сынъ его Іоасъ и затѣмъ внукъ Амасія. Въ объясненіе этого издавна извѣстно мнѣніе, что евангелистъ Матѳеѣй не упоминаетъ о названныхъ лицахъ, какъ недостойныхъ упоминанія въ родословіи Мессіи, какъ о царяхъ, извѣстныхъ своимъ нечестіемъ. Охозія — по матери — былъ отраслю Ахаава и Іезавели, пившихъ кровь пророковъ и за то еще Іліею осужденныхъ на истребленіе со всѣмъ ихъ потомствомъ (3 Цар. 21, 25). Іоасъ умертвилъ обличавшаго его за нечестіе Захарію. Амасія, поклонившійся идумейскимъ идоламъ, на обличеніе пророка, отвѣчалъ пророко-убійственными прецедентами. Объясненіе это можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что ниже (ст. 17) самъ евангелистъ Матѳеѣй даетъ понять, что, при исчисленіи родовъ, онъ имѣлъ въ виду численную соразмѣрность (симметрію) и что, слѣдовательно, могъ намѣренно опустить изъ родословной Спасителя нѣкоторыя лица. Что же болѣе могло служить ему основаніемъ къ такому умолчанію о

нѣкоторыхъ лицахъ, какъ не ихъ нравственный характеръ и извѣстное отношеніе къ обѣтованіямъ о Мессіи (¹)?

Далѣе, въ томъ же отдѣлѣ родословія, между Іосіею и Іехоніею (ст. 11) опущенъ Іоакимъ (снес. 4 Цар. 23, 24. 1 Пар. 3, 15. 16). Его нѣтъ, по крайней мѣрѣ, во многихъ кодексахъ, если не въ большей части ихъ (²). На это издавна съ основательностію замѣчаютъ, что опущеніе имени Іоакима во многихъ кодексахъ произошло, по всей вѣроятности, уже отъ переписчика, обманутаго сходствомъ именъ Іоакима и Іехоніи, и подлиннымъ текстомъ евангелиста Матѳея почитаютъ слѣдующее чтеніе, дѣйствительно находимое въ нѣкоторыхъ древнихъ кодексахъ: *Ἰωβίας δὲ ἐγέννηθε τὸν Ἰωακείμ, Ἰωακείμ δὲ ἐγέννηθε τὸν Ἰεχὼνιαν* (Іосіа же роди Іоакима, Іоакимъ же роди Іехонію и т. д.). Въ нашей, славянской, библіи такое примѣчаніе и сдѣлано самими переводчиками съ присовокупленіемъ, что такъ читается это мѣсто въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ евангелія отъ Матѳея (³). Впрочемъ, и дѣйствительное опущеніе име-

(¹) Есть, впрочемъ, еще мнѣніе, что евангелистъ Матѳей слѣдовалъ въ этомъ случаѣ древней родословной книгѣ, бывшей въ употребленіи и уваженіи іудеевъ, и пользовался ею для ихъ увѣренія. Смол. Начертаніе цер. библ. исторіи стр. 475. 1840 г.

(²) *Griesbach. Nov. Testam. graece.* Нѣтъ его и во вновь открытомъ Тишендорфовъ кодексѣ. (Cod. Sinaiticus Petropolitanus. vol. IV. p. 1).

(³) Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что вставка имени Іоакима даетъ возможность считать 14 родовъ въ послѣднемъ отдѣлѣ родословія, что вытекаетъ въ виду евангелиста Матѳея. Смол. ниже.

ни Іоакима самимъ евангелистомъ Матеемъ объяснить не трудно тѣмъ же самымъ, чѣмъ объясняется и опущеніе Охозіи, Іоаса и Амасіи. Правда, Іоакимъ не стоялъ въ близкомъ отношеніи къ дому Ахаава, но и не отличался благочестіемъ. Онъ упорно гналъ Іеремію и сожигалъ пророческіе свитки, а книга Царствъ говоритъ о его царствованіи только то, что онъ *сотвори лукавое предъ очима Господними, по всѣмъ, елика сотвориша отцы его* (4 Цар. 23, 37) ⁽¹⁾.

Болѣе важнымъ и труднымъ, повидимому, представляется кажущееся разногласіе св. евангелиста Матѳея съ писателемъ 1 книги Паралипоменонъ касательно 1) Салаѳіиля и Зоровавеля и—2) потомковъ послѣдняго.

1) У св. Матѳея Зоровавель представляется сыномъ Салаѳіиля (ст. 12); между тѣмъ въ книгѣ Паралипоменонъ (1 Пар. 3, 18. 19) онъ признается сыномъ Фадаи, брата Салаѳіилева, и слѣд. племянникомъ послѣдняго. Такъ читается это мѣсто въ еврейской и греческой бібліи ⁽²⁾: «сыны Фа-

⁽¹⁾ Нужно замѣтить, что подобныя опущенія въ родословной Спасителя, если бы даже мы не могли указать для нихъ никакого побужденія, не могутъ заподозрить исторической достовѣрности родословія вообще. Линія предковъ Спасителя, повидимому, прерванная пропусками, снова восстанавливается безъ всякаго вреда для исторической достовѣрности, такъ какъ каждый іудей могъ знать, что Озіа, напр. хотя не сынъ Іорама, но происходитъ отъ него по прямой линіи и необходимо заставляетъ предполагать собою и отца, и дѣда, и прадѣда, т. е. Амасію, Іоаса, Охозію.

⁽²⁾ Въ нашей, славянской, бібліи это мѣсто читается, согласно съ евангелиемъ отъ Матѳея, такъ: *сынове Салаѳіиљеви: Зоровавель*

данн: Зоровавель и Семей» (*Ποι Φαδίας Ζοροβαβέλ καὶ Σεμεί*).

Отвѣтъ на это не труденъ. Зоровавель называется сыномъ Салаѳіиля не у ев. Матѳея только, но и во многихъ мѣстахъ ветхаго завѣта (напр. 1 Езд. 5, 2. 5, 2. Пеем. 12, 2. 2 Езд. 5, 5. Агг. 1, 1. 2, 3). Этого мало. Въ указаніяхъ другихъ ветхозавѣтныхъ писателей о Зоровавелѣ можно находить слѣды какого-то особеннаго отношенія Салаѳіиля къ Зоровавелю. Въ однихъ изъ нихъ Зоровавель называется сыномъ Салаѳіиля, а въ другихъ съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ въ выраженіи его отношеній къ Салаѳіилю: *Заровавель Салаѳіилевъ* (Агг. 1, 1. 2, 3). Такія указанія могутъ служить вѣрнымъ основаніемъ для предположеній, что Зоровавель былъ сыномъ Салаѳіиля или по закону ужичества или по усыновленію, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ по закону одно и тоже лице могло получить двойное происхождение (Второз. 25, 5. 6. Числ. 36, 8. 9. 32, 41). Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о представляющемся несогласіи евангелиста Матѳея съ писателемъ книги Паралипоменонъ весьма важно то, что во всѣхъ мѣстахъ ветхаго завѣта, исключая 1 кн. Парал., гдѣ только говорится о Зоровавелѣ, онъ является принадлежащимъ Салаѳіилю, а не Фадаи. Св. Матѳей могъ по праву сказать: *Са-*

и Семей (1 Пар. 3, 19); но какъ составилось такое чтеніе, неизвѣстно.

лаѣиль же роди Зоровавеля, когда тоже происхожденіе приписывается ему во многихъ другихъ мѣстахъ ветхаго Заѣта (').

2) Изъ сыновъ Зоровавеля, упоминаемыхъ у писателя 1 кн. Парал., евангелистъ Матѣей не говоритъ ни объ одномъ, а называетъ Авіуда (ст. 13), котораго, повидимому, не знаютъ ветхозавѣтные писатели, и вообще въ дальнѣйшемъ исчисленіи потомства Зоровавелева, повидимому, совершенно расходится съ свидѣтельствомъ писателя первой кн. Паралипоменонъ.

Свидѣтельства другихъ св. писателей ветхаго заѣта и въ этомъ случаѣ указываютъ путь къ соглашенію евангелиста Матѣея съ св. историкомъ ветхаго заѣта. Изъ нихъ ясно, что, или писатель 1 кн. Парал. назвалъ не всѣхъ сыновъ Зоровавеля, или, — что нѣкоторые изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ, носили различныя имена (по обычаю іудеевъ). Ясно это изъ того, что писатель 2 книги Ездры (5, 5), кромѣ названныхъ въ 1 кн. Парал. сыновъ Зоровавеля, говоритъ еще объ Іоакимѣ, котораго называетъ сыномъ Зоровавеля, сына Салаѣилева. Нельзя не предположить, что Іоакимъ этотъ, кромѣ

(¹) Нѣкоторые, напр. *Allioli* (см. его *Heil. Schrift. Band. I. Abtheil. 2 p. 290*), хотятъ согласить писателя первой кн. Парал. съ евангелиемъ отъ Матѣея замѣчаніемъ, что указанныхъ въ 18 ст. 3 гл. кн. Парал. Мелхирама, Фадаіо и проч. нужно почитать сынами, а не братьями Салаѣила. По такому объясненію, Зоровавель былъ внукомъ Салаѣила, а у ев. Матѣея названъ сыномъ въ смыслѣ потомка. Но прямой грамматическій смыслъ 17 и 18 ст. 3 гл. 1 Парал. не позволяетъ принять такого объясненія, по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его шаткимъ и спорнымъ.

этого имени, имѣлъ еще другое, и притомъ одно изъ названныхъ въ 3 гл. 1 кн. Пар., потому что писатель 1 кн. Пар., повидимому, хочетъ перечислить всѣхъ сыновъ Зоровавеля, когда по перечисленіи замѣчаетъ, что ихъ было пять (ст. 20), а между тѣмъ не упоминаетъ объ Іоакимѣ, который признается сыномъ Зоровавеля въ 5 гл. 2 кн. Ездры. Такимъ образомъ, вопросъ рѣшается легко на основаніи этихъ предположеній. Если одинъ изъ названныхъ у пис. 1 кн. Парал. сыновъ Зоровавеля носилъ еще имя Іоакима (2 Ездр. 5, 5); то другой изъ сыновъ его могъ, кромѣ названія, даннаго ему пис. 1 кн. Пар., имѣть еще имя Авіуда, о которомъ говоритъ евангелистъ Матѳей. Такъ, дѣйствительно, нѣкоторые и предполагаютъ, почитая Ананію сына Зоровавеля, упомянутаго въ кн. Пар. за одно лице съ Авіудомъ, упоминаемымъ у евангелиста Матѳея ⁽¹⁾.

Впрочемъ, предположеніе, что Ананія и Авіудъ — одно и то же лице, встрѣчается съ новыми трудностями и требуетъ новыхъ объясненій касательно потомства Зоровавелева по книгѣ Парал. Сына Авіудова евангелистъ Матѳей называетъ Еліакимомъ, между тѣмъ изъ сыновъ Ананіи ни одинъ не называется такъ у писателя 1 кн. Паралипоменонъ. Посему, для полнаго и обстоятельнаго рѣшенія вопроса о представляющемся несогласіи евангелиста Матѳея съ писателемъ 1 книги Парал.

⁽¹⁾ Hug. Einl. 2. p. 271. Pol. Synops. criticor.

липоменовъ касательно потомства Зоровавелева нужны новыя объясненія. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Предполагаютъ, что евангелистъ Матѳей и въ послѣднемъ отдѣлѣ родословія опускаетъ нѣкоторые лица, останавливаясь лишь на болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ ⁽¹⁾, слѣдовательно онѣ могъ не упомянуть ни объ одномъ изъ непосредственныхъ сыновъ Зоровавеля. По такому объясненію, Авіудъ, упоминаемый у ев. Матѳея, могъ быть внукомъ и даже болѣе отдаленнымъ потомкомъ Зоровавеля.

2) Можно предположить, съ другой стороны, что писатель первой книги Парал., при исчисленіи потомства Зоровавелева, имѣетъ въ виду потомство только одного изъ сыновей его, именно Ананіи, не говоря о дѣтяхъ и внукахъ другихъ сыновъ Зоровавеля, а евангелистъ Матѳей, наоборотъ, исчисляетъ потомковъ Зоровавеля не отъ Ананіи, а отъ котораго нибудь изъ другихъ сыновей его.

3) Думаютъ, наконецъ, что евангелистъ Матѳей ведетъ родословную послѣ плѣна не чрезъ потомство сыновей Зоровавеля, а чрезъ дочь его Салимию, или чрезъ мужа этой дочери. Основаніе для этого находятъ въ томъ обстоятельствѣ,

⁽¹⁾ Предположить это необходимо и по соображенію числа родовъ съ числомъ лѣтъ, соответствующихъ родамъ. Родовъ евангелистъ и здѣсь, какъ и въ первыхъ двухъ отдѣлахъ родословія, считаетъ 14; а между тѣмъ отъ плѣна до рождества Христова прошло около 600 лѣтъ, слѣдовательно гораздо болѣе, чѣмъ отъ Давида до плѣна.

что Салимъ есть единственная изъ женщинъ, которая писателемъ 1 кн. Паралипомевонъ вводится въ родословіе царской Давидовой линии, и притомъ сама по себѣ, независимо и наряду съ мужескимъ потомствомъ. *Сынове же Зоровавелевы: Мосолламъ, и Ананія, и Салимъ сестра ихъ* (1 Паралипом. 3, 19). Изъ этого заключаютъ, что дочь Зоровавелева имѣла особенное значеніе въ родословной, что она внесена въ родословіе потому, что отъ нея произошло замѣчательное потомство, имѣла особенное отношеніе къ происхожденію Мессіи. Замѣчательно, съ другой стороны, что евангелистъ Маттеей вводитъ въ свое родословіе и лица женскаго пола, если онѣ имѣли отношеніе къ роду, изъ котораго произошелъ Мессія. Такъ у него упоминаются Тамара (ст. 3), Рахавъ, Руфъ (ст. 5. 6), Уриина (тамъ же). Не извѣстно, что за лице Рахавъ, — та ли эта Раавъ, о которой упоминается въ кн. Исуса Навина (2, 1) при разсказѣ о взятіи Іерихона, или нѣтъ⁽¹⁾; но что касается Уриины (Вирсави) и Руфи, то первая изъ нихъ была незаконною женою, вторая — не іудейскаго происхожденія (моавитянка) и случайно сдѣлалась женою Вооза по закону ужищества. Не смотря на то евангелистъ

(¹) Большая часть толковниковъ признаютъ ее за одно и тоже лице съ Раавъ, іерихонскою блудницею, о которой говорится въ книгѣ Исуса Навина, но едвали справедливо. Помимо другихъ причинъ, одні хронологическія соображенія не позволяютъ принять такого мнѣнія. *Rosenmill. Schol. in N. T. Welf. Curae ad. h. l.*

Матѳеѣй упоминаетъ о нихъ въ родословіи, потому что онъ были родоначальниками племени, отъ котораго произошелъ Мессія. Все это дѣлаетъ законнымъ предположеніе, что ев. Матѳеѣй могъ вести родословную и не чрезъ сыновей Зоровавеля, а чрезъ дочь его. Три послѣднія предположенія совершенно примиряютъ евангелиста Матѳея съ писателемъ 1 кн. Паралипоменонъ.

II. Но вопросъ о родословіи, находящемся у евангелиста Матѳея, здѣсь не кончается, потому что оно представляется несогласнымъ съ родословіемъ, находящимся у евангелиста Луки.

Евангелистъ Матѳеѣй ведетъ родословіе по нисходящей линіи отъ Авраама чрезъ Давида до Иосифа, удостоившагося быть мнимымъ отцемъ Иисуса Христа. Евангелистъ Лука, напротивъ, ведетъ оное обратнымъ путемъ въ восходящей линіи отъ Иисуса до Адама и Бога. Здѣсь нѣтъ ничего несогласнаго въ сказаніяхъ евангелистовъ, а только различныя приемы въ представленіи одного и того же. Ев. Матѳеѣй въ описаніи родовъ по нисходящей линіи представляетъ какбы постепенное приближеніе временъ Мессіи и приготовленіе къ нему народа іудейскаго и всего человѣчества; евангелистъ Лука — въ восходящей линіи родовъ «изображаетъ какбы лѣствицу соединенія человѣчества съ божествомъ» чрезъ Мессію (*). Послѣ Давида

(*) Начерт. церковно-библ. истор. стр. 475. Понятно, что вслѣдствіе этого уже родовъ у евангелиста Луки должно было быть больше, чѣмъ у ев. Матѳея, неговоря уже о томъ, что ев. Матѳеѣй опу-

ев. Матѣей ведетъ родословіе чрезъ Соломона, а ев. Лука — чрезъ другаго сына его Наѳана. И это обстоятельство само по себѣ не дѣлаетъ никакой разности между евангеліями, напротивъ могло бы служить къ уясненію другихъ кажущихся разностей.

Собственно видимое несогласіе между евангелистами Матѣемъ и Лукою оказывается тамъ, гдѣ они, исчисляя роды по двумъ различнымъ отраслямъ Соломона и Наѳана, сводятъ ихъ въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, приписывая этимъ лицамъ неодинаковое, повидимому, происхожденіе. Такъ, Салаѳиль у евангелиста Матѣя (1, 12) представляется сыномъ Іехоніи, а у евангелиста Луки (3, 28) — сыномъ Нирія ⁽¹⁾. Матѣанъ или Матѣатъ у ев. Матѣя (1, 15) является сыномъ Елеазара, у ев. Луки (3, 29) — сыномъ Левія ⁽²⁾. Наконецъ, что всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе, ближайшій предокъ Іосифа у одного изъ евангелистовъ называетъ

скаетъ нѣкоторые лица, имѣя въ виду извѣстную численную соразмѣрность родовъ. Онъ начинаетъ свое родословіе прямо съ Авраама, родоначальника народа еврейскаго, потому что пишетъ къ христіанамъ изъ евреевъ и потому, что хочетъ главнымъ образомъ доказать, что Іисусъ Христосъ — Мессія, сообразно съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по пророчествамъ *въ отношеніи къ евреямъ*. Ев. Лука — наоборотъ — въ родословіи имѣетъ въ виду отношеніе Его къ *целому человечеству*.

⁽¹⁾ Салаѳиль у ев. Матѣя и у ев. Луки есть, по всей вѣроятности, одно и тоже лицо (хотя нѣкоторые толковники и предполагаютъ, что это — два различныя лица); потому что происходящій отъ него Зоровавель есть, несомнѣнно, одно и тоже лицо.

⁽²⁾ Матѣанъ и Матѣатъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, также одно и тоже лицо, только измѣненное по различію произношенія.

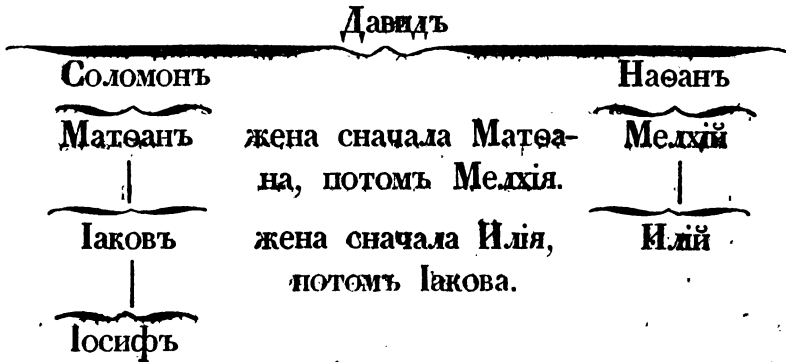
ся Іаковомъ (Матѣ. 1, 16), а у другаго — Иліемъ (Лук. 3, 23).

Объясненія этого кажущагося несогласія очень разнообразны, но всѣ онѣ сводятся главнымъ образомъ къ тремъ слѣдующимъ предположеніямъ.

1. Первое и древнѣйшее основывается на законѣ ужичества (которымъ отчасти объясняли мы и разногласіе у ев. Матѣя съ ветхозавѣтными писателями). Этотъ способъ примиренія разностей между евангелистами принадлежитъ Юлію африканскому. Вотъ, какъ объясняетъ онъ ихъ изъ закона ужичества въ письмѣ къ Аристиду, приводимомъ Евсевіемъ: «имена родовъ у Израиля исчислялись или по природѣ, или по закону, когда во имя брата, умершаго бездѣтнымъ, другой братъ раждалъ отъ жены его дѣтей. Поелику же изъ лицъ, вошедшихъ въ родословіе Іисуса Христа, нѣкоторые подлинно преемствовали отцамъ, какъ сыновья, а другія, родившіеся отъ однихъ отцовъ, прозвались по инымъ: то въ евангеліяхъ и упоминается о тѣхъ и другихъ, — и о родившихся отъ своего отца и какъ будто родившихся (отъ своего отца). Роды, произшедшіе отъ Соломона и Наѳана, *такъ переплелись между собою чрезъ стараніе обезсмертить бездѣтныхъ, чрезъ вторичные браки и чрезъ восстановление сѣмени*, что одни и тѣже лица справедливо могли считаться дѣтьми разныхъ отцевъ, то мнимыхъ, то подлинныхъ» (¹). . . Такъ, по сло-

(¹) Евсев. Ист. церк. кн. 1. гл. 7. стр. 30 — 31.

вамъ Юлія, явились предки различныхъ именъ у Іосифа. «Матѣанъ, говоритъ онъ, происходившій отъ рода Соломонова родилъ Іакова, а по смерти Матѣана Мелхій, принадлежавшій къ роду Наѣана, родилъ отъ тойже жены Ілія. Такимъ образомъ Іаковъ и Ілій были единоматерними братьями. Когда же Ілій умеръ бездѣтнымъ, то Іаковъ возставилъ ему сѣмя, родивъ Іосифа, который, значить, по природѣ принадлежалъ Іакову, а по закону — Ілію. Вотъ отъ чего Іосифъ является сыномъ того и другаго» (*). Итакъ, по Юлію африканскому, происхождение родовъ, которые сводятся ев. Матѣемъ и Лукою — въ лицѣ Іосифа, можно представить въ слѣдующей таблицѣ:



Очевидно, что Юлій африканскій опускаетъ Матѣата и Левія, которые у евангелиста Луки (3, 23) помѣщаются между Іліемъ и Мелхіемъ. Думаютъ, въ объясненіе этого, что ему измѣнила въ этомъ случаѣ память и онъ поставилъ одно имя вмѣсто другаго, или, что въ экземплярѣ евангелія, который

(*) *Евсес.* Истор. церк. кн. I, гл. 7, стр. 32.

читалъ онъ, имена Матѳеата и Левія были пропущены. Какъ бы то ни было, впрочемъ, — перемѣна имени, какъ справедливо замѣчаютъ ⁽¹⁾, не измѣняетъ сущности свидѣтельства Юлія африканскаго. На этомъ основаніи въ таблицѣ родовъ, представленной Юліемъ африканскимъ, вмѣсто имени Мелхія, ставятъ обыкновенно имя Матѳеата ⁽²⁾. Въ этомъ послѣднемъ видѣ и извѣстенъ издавна этотъ способъ соглашенія разностей въ родословіяхъ евангелистовъ. Нужно замѣтить, что Юлій африканскій выдаетъ эту мысль не за свою догадку или чье либо предположеніе, но за свидѣтельство самихъ сродниковъ Спасителя по плоти, а Калметъ въ своемъ разсужденіи о родословіяхъ (*dissertatio de genealogia*) замѣчаетъ, и совершенно справедливо, что всѣ почти древніе толковники говорили о разностяхъ въ родословіи совершенно согласно съ Юліемъ африканскимъ, и что свидѣтельство послѣдняго подтверждается свидѣтельствомъ почти всѣхъ св. отцевъ Церкви ⁽³⁾.

Принявъ такое объясненіе касательно ближайшихъ предковъ Іосифа, можемъ расширить его и приложить, какъ и дѣлаютъ это, и къ разностямъ въ указаніи предковъ Салаѳіиля (если онъ одно и тоже лице). Іехонія, говорятъ, оставилъ

⁽¹⁾ *Ольстауз.* Biblisch. Comment. üb. Schrift. d. N. T. B. 1.

⁽²⁾ Почитая его лицомъ отдѣльнымъ отъ Матѳеана, какъ и признаетъ это большая часть толковниковъ.

⁽³⁾ Изъ греческихъ св. отцевъ этого мнѣнія держатся св. Григорій богословъ (Свгг. περί τῆς τοῦ Χριστοῦ γενεολογίας), Θεοφιλάктъ, Дамаскинъ (Излож. вѣры гл. 14. о родословіи Господа).

бездѣтную вдову, которая сдѣлалась женою потомка Давидова отъ Наѳана, именно Нирія. Поэтому рожденный отъ нихъ сынъ — Салаѳилъ — былъ по природѣ сыномъ Нирія, а по закону — сыномъ Іехоніи ⁽¹⁾. Такимъ образомъ изъ ужичества легко объясняются всѣ кажущіяся разности въ родословіи ев. Матѳея и Луки ⁽²⁾.

2. Извѣстенъ и другой способъ примиренія кажущихся разностей въ родословіи ев. Матѳея и Луки, основанный на другомъ законѣ о наслѣдствѣ, который, подобно закону ужичества, могъ давать двойное происхожденіе одному и тому же лицу (Числ. 32, 41. Неем. 7, 62). По этому закону мужъ имѣлъ право и долженъ былъ вписываться въ потомство своей жены, если она получала наслѣдство. Какъ и законъ объ ужиществѣ, законъ о наслѣдствѣ прилагается обыкновенно ко всѣмъ разностямъ въ родословіяхъ евангелистовъ, начиная съ разности въ указаніи предка Салаѳилева и кончая предкомъ Іосифа. Такъ, говорятъ,

(1) Подобнымъ же образомъ объясняютъ и разность въ происхожденіи Матѳана или Матѳеата отъ Елеазара (по ев. Матѳею) и Левія (по ев. Лукѣ) тѣ, которые почитаютъ эти имена за обозначеніе одного и того же лица. См. С. Compl. XXI. p. 381.

(2) Остается при этомъ не объясненною только разность, состоящая въ томъ, что евангелистъ Лука — вмѣсто Авіуда, названнаго у ев. Матѳея, указываетъ между сынами Зоровавеля — Рисая, который также не поименованъ въ книгѣ Паралипоменонъ, какъ и Авіудъ. Но послѣ того, что сказано уже въ объясненіе кажущагося несогласія ев. Матѳея съ писателемъ книги Паралипоменонъ о различныхъ именахъ сыновъ Зоровавеля, о томъ, что пис. 1 кн. Пар. указываетъ не всѣхъ сыновъ Зоровавеля, какъ это открывается изъ свидѣтельства другихъ ветхозавѣтныхъ писателей и т. д., разность эта не можетъ возбуждать вопросовъ.

что послѣ Іехонія осталась дочь, вступившая въ замужство за сына Нирія, Салаеиля, который по-этому долженъ былъ числиться и въ потомствѣ Іехонія. Такъ объясняютъ двоякое происхождение Матѳана или Матѳата отъ Елеазара и Левія. Такъ, наконецъ, объясняютъ и различіе въ именахъ предковъ Іосифа, предполагая, что онъ, будучи сыномъ Іакова, вошелъ въ родовую линію Іилія, чрезъ обрученіе съ Дѣвою Маріею, дочерію Іилія, иначе называвшагося Іоакимомъ. Но, не говоря уже о томъ, что основанное на такомъ законѣ родство еще болѣе не прямое, чѣмъ родство по закону ужичества, — мнѣніе это, очевидно, въ послѣдней части своей (т. е. въ объясненіи касательно предковъ Іосифа) необходимо предполагаетъ, что евангелисты ведутъ родословную не чрезъ Іосифа только, а и чрезъ предковъ Дѣвы Маріи, и потому не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія. Его обыкновенно связываютъ съ этимъ послѣднимъ третьимъ предположеніемъ о томъ, что евангелисты исчисляють предковъ не Іосифа только, но и дѣвы Маріи (*).

3. Это послѣднее предположеніе, новое по времени явленія, въ послѣднее время стало очень употребительнымъ и признается самымъ удобнымъ къ объясненію разностей въ родословіяхъ евангелистовъ Матѳея и Луки. Правда, противъ него можно возразить, какъ и возражаютъ, что 1) у іудеевъ не

(*) Ольстаут. Biblisch. Comment. В. 4.

было въ обычаѣ вести родословныя по женскому колену ⁽¹⁾; 2) по такому способу примиренія не объяснимо то, какимъ образомъ въ обоихъ родословіяхъ, веденныхъ чрезъ двѣ различныя родовыя линіи, могутъ встрѣчаться одинаковыя имена, напр. Салаѳилія и Зоровавеля, которыя, очевидно, принадлежатъ однимъ и тѣмъ же лицамъ, и — 3) не понятно, почему не встрѣчается въ евангеліяхъ имя отца Богоматери Іоакима, имя, которое всегда давало ему преданіе Церкви, если дѣйствительно исчисляется и ея родъ, а не одна только родовая линія Іосифа. Но отвѣты на это очень не трудны. — 1) У іудеевъ, дѣйствительно, не были въ употребленіи родословія по женской линіи; но, описывая безсѣмное, сверхъестественное рожденіе Спасителя отъ Дѣвы, евангелисты могли стать выше такого обычая и не соблести его. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что евангелистъ Матѳей, какъ мы уже видѣли, вводитъ въ свое родословіе и лица женскаго пола въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ имѣли особенное отношеніе къ происхожденію отъ нихъ Мессіи. 2) Нисколько не удивительно и совпаденіе родовъ Іосифа и Дѣвы Маріи въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Оба они происходили отъ одного и того же корня — Давида. Таково постоянное преданіе Церкви касательно происхожденія Богоматери ⁽²⁾. Къ тому же, по обычаямъ іудей-

⁽¹⁾ Златоуст. Бесѣд. на еванг. отъ Матѳея 2. стр. 32. М. 1846.

⁽²⁾ То обстоятельство, что св. Дѣва Марія была родственницею Елисаветы, жены Захаріи, происходившихъ отъ колѣна Леві-

скимъ, св. Дѣва и не могла бы быть обручена Іосифу, если бы не происходила изъ одного и того же съ нимъ рода и племени. Ясно, слѣдовательно, что двѣ отрасли одного и того же рода могли сходиться въ извѣстныхъ лицахъ или могли быть сведены евангелистами въ лицѣ извѣстныхъ, замѣчательныхъ, общихъ имъ родоначальниковъ. 3) То правда, что въ преданіи Церкви богоотецъ постоянно извѣстенъ съ именемъ Іоакима; но съ другой стороны и несомнѣнно, что въ іудейскомъ преданіи отецъ Богоматери извѣстенъ подъ именемъ Ілія (*). Какимъ образомъ могла произойти такая разность въ его наименованіи у христіанъ и іудеевъ, это объясняется изъ того, что имена Ілій, Эіакимъ, Іоакимъ у іудеевъ были однозначущими (**). Такимъ образомъ предположеніе, что евангелисты въ родословіяхъ Спасителя исчисляютъ предковъ и Іосифа и Дѣвы Маріи, не заключаетъ въ себѣ никакихъ несообразностей, а можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что весьма легко и удобно объясняетъ представляющіяся разности въ родо-

ина, а не Іудина, не можетъ служить опроверженіемъ мысли о происхожденіи ея отъ Давида. Вѣроятно, кто нибудь изъ предковъ Маріи отъ колѣна Іудина вступилъ въ родство съ семействомъ изъ племени Левіина (сл. *August. in lib. jud. quaest. 47*). Точно также не можетъ имѣть значенія при единогласномъ свидѣтельствѣ преданія и то, что въ такъ называемомъ «завѣтѣ 12-ти патріарховъ» (см. *Fabric. Cod. Pseudepigraph. V. T.*) говорится, что Мессія долженъ произойти отъ колѣна Іудина и Левіина вмѣстѣ; на основаніи чего нѣкоторые и приписываютъ Іосифу происхожденіе отъ Іуды, а Дѣвѣ Маріи — отъ колѣна Левіина.

(*) *Owber. Lightfoot. См. Rosenmill. Scholia.*

(**) *Calmet. Dissert. de genealogia.*

словіяхъ и всего ближе отвѣчаетъ цѣли евангелистовъ при изложеніи родословія Спасителя, — доказать Его царственное происхожденіе по плоти отъ рода Давидова. При такомъ предположеніи евангельскія родословія будутъ указывать Его происхожденіе отъ Давида и по (мнимому) отцу и по матери.

Кто же изъ евангелистовъ исчисляетъ предковъ Іосифа и кто — Дѣвы Маріи?

Въ то время, какъ явилось предположеніе, что въ родословіяхъ евангелистовъ исчисляются предки и Іосифа и Дѣвы Маріи, предположеніе это связано было съ мнѣніемъ, что ев. Матѳей излагаетъ родословную Іосифа, а ев. Лука — Дѣвы Маріи. Въ такомъ видѣ и оставалось оно, по преимуществу, до самаго послѣдняго времени. Вообще, это мнѣніе общепринятое и самое распространенное. Вотъ доказательства, которыя могутъ подтвердить его: 1) евангелистъ Матѳей писалъ свое евангеліе преимущественно для христіанъ изъ іудеевъ и имѣлъ въ виду вообще іудейское невѣріе въ Іисуса Христа, какъ Мессію. Поэтому онъ имѣлъ менѣе побужденій и возможности отступить отъ обычая іудеевъ, считать роды только по мужеской линіи, чѣмъ ев. Лука. 2) Но главное — въ томъ, что имя Ілія, отца Богоматери, тождественное, по такому предположенію, съ именемъ Іоакима, встрѣчается въ родословіи ев. Луки, а не Матѳея (*).

(*) *Rosenmil. Schol. in N. T. Calmet. Dissert. de genealogia.*

Принимая такое мнѣніе, обыкновенно соединяютъ его отчасти съ мнѣніемъ, основаннымъ на законѣ о наследствѣ и усыновленіи, и въ текстѣ евангелія отъ Луки предъ словомъ «Иліевъ» вставляютъ слово «зятя», предполагая, что надобно понимать его такъ: «мнимый сынъ Іосифа, зятя Ілія, который былъ отцемъ Дѣвы Маріи».

Въ послѣднее время, впрочемъ, встрѣчается мнѣніе и совершенно противоположное, въ пользу того предположенія, что ев. Матѳей исчисляетъ предковъ Дѣвы Маріи, а ев. Лука — предковъ Іосифа ⁽¹⁾. Его основываютъ 1) на томъ, что тожество именъ Ілія и Іоакима не можетъ быть доказано со всею несомнѣнностію, а 2) на томъ, что ев. Матѳей намѣревался изложить родословіе Спасителя въ смыслъ рожденія естественнаго, потому что началъ исчисленіемъ родовъ естественныхъ отъ Авраама до Давида, а между тѣмъ самъ, въ тойже первой главѣ (ст. 18—20), говоритъ, что Іосифъ не былъ отцемъ Іисуса Христа по природѣ, слѣдовательно онъ не могъ излагать родословія Іосифа, которому только обручена была Дѣва Марія. На неизбѣжный при этомъ вопросъ: какимъ же образомъ явилось имя «Іосифа мужа Маріина» въ родословіи евангелиста Матѳея, отвѣчаютъ замѣчаніемъ, что чтеніе такое неправильно и произошло отъ переписчика, который вмѣсто

(1) Annal. de Philosophie Chretienne 1863. Aout. sur la genealogie de notre Seigneur J. Chr. Христ. чтен. 1864. ноябрь: «Родословія І. Христа».

Ἰωακὴμ прочиталъ Ἰωβήρ, а потомъ, зная, что св. Иосифъ былъ не отцемъ, а нареченнымъ мужемъ св. Дѣвы Маріи, замѣнилъ слово «отецъ» словомъ «мужъ» (и эти слова на греческомъ языкѣ очень сходны по буквамъ: πατήρ — ἀνὴρ). Правильное чтеніе текста 16 ст. 1 гл. ев. отъ Матѳея, по мнѣнію такихъ толковниковъ, должно быть слѣдующее: «Іаковъ же роди Іоакима, отца Маріина». Догадку свою о неправильности въ чтеніи этого стиха, въ нынѣшнемъ переводѣ ев. отъ Матѳея, они подтверждаютъ тѣмъ извѣстнымъ историческимъ обстоятельствомъ, что евангеліе отъ Матѳея сначала было написано на еврейскомъ языкѣ и сохранилось только въ греческомъ переводѣ, въ которомъ могли быть и дѣйствительно замѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибки или писца или переводчика (имя Іереміи вм. Захаріи: гл. 27 ст. 9). Мнѣніе это болѣе остроумно, чѣмъ основательно, и въ степени вѣроятности должно уступить первому, болѣе извѣстному и общепринятому—о томъ, что евангелистъ Матѳей исчисляетъ предковъ Іосифа, а евангелистъ Лука — Дѣвы Маріи. Основанія, приводимыя въ подтвержденіе его, довольно шатки, а требованіе измѣненія въ чтеніи текста произвольно и не имѣетъ за себя ни одного свидѣтельства отъ времени болѣе или менѣе древняго. Все достоинство этого предположенія въ томъ, что чтеніе «Іоакима отца Маріи» вводитъ въ послѣдній отдѣлъ родословія еще новаго члена—Дѣву Марію—и тѣмъ даетъ, между прочимъ, возможность

разрѣшить недоумѣніе касательно видимаго недочета родовъ въ этомъ отдѣлѣ родословія (*).

Такимъ образомъ, кажущееся несогласіе между евангелистами Матѳеемъ и Лукою въ родословіи Иисуса Христа легко уничтожается двумя предположеніями, — или тѣмъ, что одинъ изъ евангелистовъ изображаетъ происхожденіе его естественное, а другой — по закону ужичества, или тѣмъ, что одинъ исчисляетъ предковъ Іосифа, а другой предковъ Дѣвы Маріи. Первое предположеніе имѣетъ за себя свидѣтельство древности; второе, не заключая въ себѣ никакой несообразности, особенно легко и просто объясняетъ всѣ кажущіяся несогласія въ родословіяхъ. Которое бы изъ этихъ предположеній мы ни приняли, историческая достоверность евангельскихъ родословій останется одинаково неприкосновенною и одинаково доказано будетъ дѣйствительное происхожденіе Спасителя по плоти отъ царскаго Давидова рода, потому что и самый законъ ужичества имѣлъ значеніе только для лицъ одного рода.

Ст. 17. *Всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида родове четырнадцать: и отъ Давида до преселенія вавилонскаго родове четырнадцать: и отъ преселенія вавилонскаго до Христа родове четырнадцать.*

Въ заключеніе родословія евангелистъ Матѳей говоритъ о раздѣленіи его на три четырнадцат-

(*) См. гр. ниже.

численные отдѣла. Первое, что здѣсь обращаетъ на себя вниманіе, — это недочетъ родовъ въ последнемъ отдѣлѣ родословія. Въ первомъ отдѣлѣ, отъ Авраама до Давида, 14 родовъ; во второмъ, отъ Давида до плѣна, также 14; а въ третьемъ, отъ плѣна до Христа включительно, только 13 родовъ.

Въ объясненіи этого толковники раздѣляются на два разряда: одни не находятъ, а другіе находятъ нужнымъ и сообразнымъ съ цѣлю родословія включать въ него самого Спасителя ⁽¹⁾.

Изъ первыхъ, — одни, для полного счета родовъ, дважды считаютъ Давида и дважды Іосію. Первый отдѣлъ родословія, по ихъ мнѣнію, кончается *Давидомъ*. *Имъ же* начинается и второй, заключающійся *Іосіею*. Третій, по ихъ счисленію, начинается тѣмъ же *Іосіею* и кончается *Іосифомъ*. — Счисленіе, не имѣющее для себя почти никакихъ основаній и произвольное! Другіе, признавая несомнѣннымъ, что во второмъ отдѣлѣ родословія между Іосіею и Іехоніею нужно помѣстить Іоакима, случайно опущеннаго въ нѣкоторыхъ кодексахъ, вносятъ его въ родословіе и считаютъ *дважды*, кончая имъ второй отдѣлъ, и имъ же начиная третій. Основаніемъ для этого признаютъ

(1) Нѣкоторые, какъ напр. Ольсгаузенъ, не почитаютъ умѣстнымъ включать въ родословіе самого Іисуса Христа на томъ основаніи, что на Него нужно смотрѣть, какъ «на цвѣтъ всего родословія». Но такое основаніе удобно можетъ быть обращено и въ пользу противоположнаго мнѣнія. Если Онъ есть исполненіе и «цвѣтъ» всѣхъ родовъ, до Него бывшихъ; то, очевидно, можетъ быть признанъ заключительнымъ членомъ всего родословія. *Olshaus. Bibl. Comment.*

то, что Іоакимъ, строго говоря, жилъ *ни до, ни послѣ* переселенія вавилонскаго, а во время самаго переселенія, и потому могъ быть для евангелиста заключительнымъ членомъ второй части родословія и начальнымъ третьей ⁽¹⁾.

Но большая часть толковниковъ и между ними нѣкоторые отцы Церкви, какъ напр. бл. Теофилактъ болгарскій, не находятъ никакой несообразности въ предположеніи, что ев. Матѳей самого Спасителя почиталъ заключительнымъ членомъ родословія. Принимая это, чтобы дополнить видимый недостатокъ одного члена въ родословной, обыкновенно или вносятъ имя Іоакима въ концѣ втораго отдѣла родословія (не считая его дважды), или считаютъ дважды Іехонію, руководясь словами евангелиста: *Іосія же роди Іехонію и братію его въ преселеніе вавилонское. По преселеніи же вавилонстѣмъ Іехонія роди Салавіилъ* (ст. 11 и 12). На основаніи этого заключаютъ, что ев. считалъ Іехонію дважды, — заключительнымъ членомъ второй части родословія, и начальнымъ — третьей, начинающейся временами послѣ плѣна. Іехонія — въ преселеніе вавилонское или во времена плѣна (*ἐπὶ τῆς μετοικεσίας*), по такому мнѣнію, — послѣдній членъ втораго отдѣла; и Іехонія же — по преселеніи вавилонстѣмъ (*μετὰ τῆς μετοικεσίας*) — начальнѣй — третьяго ⁽²⁾. Наконецъ, новѣйшее мнѣніе, предлагающее чтеніе:

⁽¹⁾ *Calmet. Comment. in 1 cap. ev. Matthaei.*

⁽²⁾ *Mayer's Comment. tib. d. Ev. Matth.*

«Іоакима, отца Маріи» вмѣсто «Іосифа, мужа Маріина» (ст. 16), для пополненія кажущагося недочета родовъ въ послѣднемъ отдѣлѣ родословія, вмѣсто одного члена рода — Іосифа, вводитъ двухъ: Іоакима и Дѣву Марію.

Самыми естественными и основательными изъ всѣхъ этихъ объясненій нужно признать тѣ два, которыя вводятъ въ родословіе Іоакима, или считаютъ дважды Іехонію, признавая заключительнымъ членомъ всего родословія самого Іисуса Христа.

Но для чего такое раздѣленіе родовъ? Какую цѣль имѣлъ св. евангелистъ при такомъ раздѣленіи родословной Спасителя?

Одни полагаютъ, что такое раздѣленіе родословія сдѣлано и въ заключеніе его «высказывается или повторяется евангелистомъ для облегченія памяти читателя, для удобства въ запоминаніи родословной таблицы»⁽¹⁾. Но это — цѣль чисто внѣшняя, основанная не на существѣ дѣла, и ея одной недостаточно. Другіе говорятъ, что евангелистъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ обычаю іудеевъ и особенно іудейскихъ раввиновъ, любившихъ остроумныя сближенія вообще и въ частности въ цифрахъ⁽²⁾. Но такая цѣль, если она одна имѣлась въ виду, недостойна евангелиста. Пожертвовать въ нѣкоторой мѣрѣ историческою точностію для одной внѣшней формы въ изложеніи и при-

⁽¹⁾ *Pol. Sinops. critic.*

⁽²⁾ *Rosenmill. Schol.* и др.

томъ для того, чтобы понравиться грубому вкусу іудейскихъ раввиновъ, которые, дѣйствительно, жертвовали внутреннимъ для внѣшняго, евангелистъ, безъ сомнѣнія, не могъ. Нужно принять, что раздѣленіе родословія у ев. Матѳея не есть дѣленіе только внѣшнее, что вмѣстѣ съ нимъ соединяется особенный глубокий смыслъ.

Общее раздѣленіе родословія на три отдѣла въ основаніи своемъ имѣетъ три весьма значительные періода въ жизни еврейскаго народа, начинающіеся весьма важными эпохами. Періодъ отъ Авраама до Давида обнимаетъ начало образованія еврейскаго народа и времена еоократіи до учрежденія царской власти и явленія царя, родоначальника Мессіи. Другой періодъ—времена царей до потери народной самостоятельности чрезъ плѣнъ въ Вавилонъ. Наконецъ, третій—времена возстановленія самостоятельности народа до явленія самого Мессіи. Такое основаніе для общаго раздѣленія свидѣтельствуетъ о знаменательности и частнаго раздѣленія родословія на 14 родовъ въ каждомъ отдѣлѣ⁽¹⁾. Такимъ образомъ раздѣленіе родословія на три части, а родовъ на 14 въ каждой изъ нихъ знаменательно и заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, тотъ глубокий смыслъ, что судьбы предковъ Богочеловѣка также дивны, какъ полна чудесъ вся вообще исторія народа еврейскаго, также знамена-

(¹) Тѣмъ болѣе, что самое число послѣдняго дѣленія, какъ происходящее отъ 7, умноженнаго на 2, есть число священное и знаменательное.

тельны, какъ знаменательны и главнѣйшія происшествія въ жизни народа Божія, что судьбы предковъ Богочеловѣка совершались и устроились подъ непосредственнымъ и особеннымъ дѣйствіемъ Божественнаго провидѣнія, какъ и все вообще въ жизни избраннаго Богомъ племени, что имѣло болѣе или менѣе близкое отношеніе къ явленію Мессіи. При такомъ и только при такомъ объясненіи возможны и получаютъ свое значеніе и другія вышеуказанныя объясненія, которыми предполагается, что ев. Матѣей избралъ такое дѣленіе и счисленіе родовъ или по обычаю іудейскихъ раввиновъ, или для облегченія памяти читателя. Особенность во внѣшнемъ выраженіи, которая была обычною и оказалась удобною, евангелистъ избралъ для выраженія особенной знаменательной мысли по отношенію къ родословію Спасителя.

Х.....

(продолженіе будетъ)

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНІЯ СЯТИ- ТЕЛЯ ГУРІЯ, ПЕРВАГО АРХІЕПІ- СКОПА ВАЗАНСКАГО.

*Богъ ильсть Богъ мертвыхъ,
но живыхъ, вси бо тому
живи (Лук. 20, 38).*

Послѣ этого должно быть понятно для насъ, братія, почему Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ утѣшалъ апостоловъ своихъ, предъ разлукою съ ними, тѣмъ, что въ домъ Отца Его много обителей и что Онъ своею крестною смертію приготовитъ имъ мѣста въ этихъ обителяхъ (Іоан. 14, 2), а св. ап. Павелъ свое разлученіе отъ узъ сего тѣла смерти предпочиталъ жизни на землѣ такъ, что свою смерть почиталъ пріобрѣтеніемъ для себя (Фил. 1, 22. 27), принявшимъ же отъ него благовѣствованіе спасенія вѣнчалъ, чтобы

не печалились о умершихъ, какъ прочіе, не имѣющіе надежды (1 Сол. 4, 13). Ибо что страшнаго и прискорбнаго можетъ быть въ смерти нашей, когда Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, когда Ему всѣ живы? Если мы приняли обиліе благодати и даръ праведности; то будемъ царствовать въ жизни посредствомъ Іисуса Христа (Рим. 5, 17), потому что Онъ пришелъ для того, чтобы мы имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ (Іоан. 10, 10).

Итакъ, если у Бога, источника жизни, нѣтъ мертвыхъ, но всѣ живы; то первое, что должно въ смерти нашей озабочивать насъ, есть то, чтобы намъ научиться не бояться суда смерти (Сир. 41, 5). Ибо, что такое теперь смерть для насъ, искупленныхъ крестною смертію Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа? Черезъ нее тѣло наше избавляется отъ смерти вѣчной, потому что оно, умирая, свергаетъ съ себя то, что сообщилъ ему грѣхъ, и принимаетъ то, что даровала ему божественная благодать, потому что послѣ того, какъ духъ нашъ, по разлученіи съ тѣломъ своимъ, возвращается къ Богу, даровавшему его намъ, наше тѣло, чрезъ тлѣніе въ землѣ, начинаетъ готовиться къ вѣтлвнн и безсмертію, въ которыхъ, въ день всеобщаго воскресенія, изыдутъ всѣ, находящіеся во гробахъ. Почему желать, чтобы не было для насъ смерти, значитъ желать прекращенія милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ; значитъ отказываться отъ истиннаго

нашего блага, потому что рабамъ Господнимъ, исходящимъ отъ тѣла и приходящимъ къ Богу, смерть не есть смерть, но преставленіе отъ печальнѣйшихъ на полезнѣйшая и сладостнѣйшая, и на упокоеніе и радость.

То справедливо, что къ смерти не были равнодушны и великіе подвижники вѣры и благочестія, потому что и они не хотѣли совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью (2 Кор. 5, 4); но они, желая этого, желали уничтоженія не смерти для себя, но послѣдствій, какія произвелъ грѣхъ въ нашемъ тѣлѣ, потому что живо чувствовали, что, водворяясь въ этомъ тѣлѣ смерти, устранены отъ Господа (2 Кор. 5, 6).

Другое, что мы должны постараться приготовить себѣ ко дню смерти нашей, есть то, чтобы намъ умереть въ надеждѣ воскресенія въ жизнь вѣчную, т. е. умереть въ увѣренности въ томъ, что когда явится Христосъ, жизнь наша, тогда и мы явимся съ Нимъ во славу (Кол. 3, 4), и такимъ образомъ всегда будемъ съ Господомъ (1 Сол. 4, 17). Пока въ насъ не будетъ этой увѣренности, дотолѣ безъ ужаса мы не будемъ помышлять о неизбѣжномъ нашемъ долгѣ умереть, и встрѣчать смерть безтрепетно, потому что смерть не стяжавшихъ надежды живота вѣчнаго есть ужаснѣйшее бѣдствіе. Ибо смерть такого рода людей есть начало смерти ихъ вѣчной, начало отторженія ихъ отъ лона Авраамова на всю без-

конечную вѣчность (Лук. 16, 22), потому что для нихъ, съ окончаніемъ земной жизни, навсегда за-творятся двери царствія небеснаго, и они будутъ брошены безвозвратно въ огонь неугасимый, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ (Матѣ. 22, 17), и гдѣ червь не умираетъ и огонь не угасаетъ (Марк. 9, 44).

Но чѣмъ мы можемъ приготовить себя къ тому, чтобы намъ, немощнымъ, не бояться суда смерти? — Яснымъ познаніемъ, по желанію св. апостола, въ чѣмъ состоитъ надежда нашего призванія Богомъ, и какое богатство славнаго на-слѣдія Его для святыхъ (Ефес. 1, 18). Ибо отъ чего умершіе уже во Іисусѣ, всѣ святые, кото-рыхъ св. Церковь представляетъ намъ какъ об-разцы для подражанія, не только не чуждались смерти, но, напротивъ, воздыхали, желая облечь-ся въ небесное свое жилище? Отъ того, что знали, что когда земный нашъ домъ, сія хижина разрушится, мы имѣемъ отъ Бога на небесахъ домъ нерукотворенный, вѣчный (2 Кор. 5, 1. 2). Безъ сомнѣнія, и мы приобрятемъ подобныя чув-ства къ смерти своей, если будемъ пристально смотреть не на видимое, но на невидимое (2 Кор. 4, 18), если будемъ твердо помнить о почести вышняго званія нашего во Христѣ Іисусѣ (Фил. 3, 14). Ибо прекращенія настоящей земной жиз-ни, и преселенія въ иную, вѣчную, обыкно-венно не желаютъ только не имѣющіе понятій о блаженномъ упованіи и явленіи славы великаго

Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 13), потому что ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамъ; они мыслятъ о земномъ (Фил. 3, 19).

Что касается того, чтобы намъ, въ упованіи живота вѣчнаго, вступить въ путь всея земли, когда Господу угодно будетъ воззвать насъ въ вѣчный нашъ домъ; то упованіе это мы можемъ приобрести только идя путемъ, ведущимъ въ животъ (Мат. 7, 14), т. е. путемъ совершенной покорности слову Божию и безпрекословной вѣры въ то, чему учитъ оно, — путемъ искренняго и глубокаго сознанія о томъ, что мы — грѣшники, подлежащіе гнѣву Божию (Рим. 3, 9—25), — путемъ непрестанной молитвы (1 Сол. 5, 18), — путемъ непрерывной и неустанной борьбы со врагами своего спасенія (Ефес. 6, 11), — путемъ самоотверженія (Матѳ. 8, 38) и распятія своей плоти съ ея страстями и похотями (Гал. 6, 4). Ибо, когда св. апостолъ Павелъ выразилъ овою увѣренность въ томъ, что ему готовится вѣнецъ правды, который Господь воздастъ ему и всѣмъ волюбившимъ явленіе Его? — Послѣ того, какъ самъ подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ (2 Тим. 4, 7. 8).

Итакъ, ублажалъ преставленіе св. первосвященителя нашего Гурія изъ временной жизни въ вѣчную, будемъ, братія, держаться, по ученію и примѣру его, вѣчной жизни, къ которой и мы призваны (1 Тим. 6, 12). Покорившись его руководству на пути къ ней, мы, безъ сомнѣнія, приведемъ

себя въ такое состояніе, что возможенъ, вступа-
 я въ врата вѣчности, сказать, по примѣру псал-
 мопѣвца: *еще и пойду посреда стѣны смерт-*
ныхъ, не убоюсь зла, яко ты, Господи, со мною
еси (Псал. 22, 4), потому что всеблагій Господь
 Богъ нашъ хотѣніемъ не хочетъ смерти грѣш-
 ника, но чтобы онъ обратился и былъ живъ.
 Аминь.

РѢЧЬ

ПО ВЫБОРѢ СУДЕЙ (*).

Теперь къ вамъ, мужи почтенные, съ согласія сословія своего выбранные быть судіями земли, къ вамъ обращаемъ слово свое. *Возлюбите правду: мудрствуйте о Господѣ въ благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите Его* (Прем 1, 1).

Правда, какъ основа всѣхъ дѣлъ Божіихъ (Псал. 110, 7. Рим. 3, 21. 22), должна быть вождѣнна для всякаго, созданнаго по Богу въ правдѣ (Ефес. 4, 24). Тѣмъ вождѣннѣе должна быть она для васъ, выбранныхъ судить землю среди облеченныхъ въ правду (Ефес. 4, 24) и готовыхъ клятвою засвидѣтельствовать, что будете творить дѣло свое по правдѣ. Правда судьи есть правда правдъ, праведнѣйшая правда, единственная прав-

(*) Произнесена была въ 1860 г. вслѣдъ за помѣщенною выше (стр. 157 — 160).

да (Втор. 16, 20). Она утверждаетъ престолы (Притч. 16, 12), обходя и исправляя ихъ (Притч. 20, 28. 25, 5), возвышаетъ народы (Притч. 14, 34), произращая имъ миръ и благоденствіе (Псал. 71, 33. 15), и возвеличиваетъ творящихъ ее (1 Царств. 2, 10. Притч. 29, 4), содѣлывая ихъ истинными гражданами (Иезек. 18, 5—18) и умножая сѣмя ихъ на землѣ съ низведеніемъ благословенія на родъ ихъ, славы и богатства въ дома ихъ (Псал. 111, 2, 3). Потому-то она, какъ и человѣкъ, безсмертна (Прем. 1, 15). *Возлюбите же правду*, выбранные судить землю! Всѣмъ и каждому старайтесь воздать все, что только должно, и никому не бывайте должными ничѣмъ, кромѣ любви (Рим. 13, 7. 8).

Всѣ судьи земные—боги и сынове Вышняго (Псал. 81, 6), а Вышній, Богъ, есть разумовъ Господь (1 Цар. 2, 3), праведный во всѣхъ путяхъ своихъ (Псал. 144, 17), Богъ на небеси горъ и на земли долу (Второз. 4, 39). Посему, воспріявъ на себя высокое дѣло—управлять людьми въ правдѣ (Прем. 9, 3), не человѣческій судъ творя, но Господень (2 Парал. 19, 6), не будьте умаленными въ разумъ суда и законовъ (Прем. 9, 5), не думайте скрыть неправды свои или тмою окрестъ себя, или стѣнами домовъ и судилищъ своихъ (Сир. 23, 25), но судите судъ въ правотѣ души (Прем. 9, 3), не позволяя себѣ ни въ какомъ случаѣ дѣлать тму свѣтомъ и свѣтъ тмою (Иса. 5, 20). Есть Богъ, дѣлющій премудрость,

познаніе и разумъ (Притч. 2, 6), назирающій пути и теченія человѣческія въ тайныхъ мѣстахъ (Притч. 5, 21. Сир. 23, 27. 28), судія праведный, всякій день готовый ко гнѣву на судящихъ неправду (Псал. 7, 12. 81, 1. 2). Отъ того-то и горе не тѣмъ только, которые пишутъ лукавство (Иса. 10, 1), познаютъ лица въ судѣ (Второз. 1, 17) и оправдываютъ нечестиваго даровъ ради (Иса. 5, 23), но и тѣмъ, которые только глаголютъ лукавое доброе и доброе лукавое (Иса. 5, 20), стыдятся лица человѣча (Второз. 1, 17), уклоняютъ судъ прищельцу и сиротѣ и вдовѣ (Второз. 27, 19). По тому же самому, творя судъ праведно, *мудрствуйте о Господѣ въ благостыни.*

И въ простотѣ сердца взвѣстите Его. Человѣкъ, у котораго сердце двоятся, какъ нетвердый во всѣхъ путяхъ своихъ (Іак. 1, 8), не можетъ право ходить по стезѣ правды, идущей отъ Бога и приводящей къ Богу, и *Духъ Святый отбѣжитъ наказанія лѣстива и не обезвѣститъ хульника отъ устенъ его*, — не проститъ двоедушнаго, но накажетъ его со всею строгостію (Прем. 1, 5. 6), свойственною открывающему глубокая и сокровенная и свѣдущему во тѣмъ (Дан. 2, 22). На то и избраны вы всѣмъ сословіемъ своимъ; чтобы судить праведно, сохранять законъ, ходить согласно съ волею Божіею (Прем. 6, 4), не кривя порученными вамъ дѣлами ни предъ кѣмъ, ни для кого и ни за что. И не на небѣ быть судьями избраны вы, но на землѣ, даро-

ванной нѣкогда въ обладаніе чловѣку (Быт. 1, 28), а впослѣдствіи подпавшему подъ владычество страстей. Здѣсь-то, между людьми, и взыщите Господа въ простотѣ праведнаго сердца вашего. Всевышній Владыка правды, какъ нелицепріятный, не усрамится вельможи, яко мала и велика (Прем. 6, 7), но правдою своею истязетъ всѣ дѣла его, и помышленія его испытаетъ, и судъ жесточайшій надъ нимъ сотворитъ (Прем. 6, 3. 5), а какъ любвеобильный, всякое добро, праведно сдѣланное вами другимъ, приметъ такъ, какбы сдѣлаво было ово Ему самому (Матѣ. 25, 34—40).

Примите наказаніе по словесемъ моимъ, и полезно будетъ вамъ (Прем. 6, 27).

О ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ НАСТОЯТЕЛЕЙ КАЗАНСКАГО СПАСОПРЕОБРАЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИИ.

Казанскій Спасопреображенскій, второкласный, монастырь находится внутри городского кремля, строеніемъ теперь весь каменный, а вначалѣ былъ деревянный. Онъ основанъ, по повелѣнію и казеннымъ иждивеніемъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича и по благословенію преосвященнѣйшаго митрополита московскаго Макарія, въ четвертый годъ по взятіи Казани, св. Варсофіемъ, прибывшимъ въ Казань вмѣстѣ съ первымъ архіепископомъ казанскимъ св. Гуріемъ. Въ то же время, по указу Іоанна Васильевича и по благословенію митропо-

лита Макарія, учреждено было въ немъ и настоятельство архимандричье: въ каковъ санъ произведенъ былъ тѣмъ же митрополитомъ и въ 1555 году присланъ въ Казань упомянутый св. чудотворецъ казанскій Варсонофій, впоследствии бывшій епископомъ тверскимъ. Слѣдовавшіе за нимъ настоятели—архимандриты отправляли священнослуженіе по обыкновенному чиноположенію до 1668 года, а въ этомъ году, по благословенію антиохійскаго патріарха Макарія и по грамотѣ московскаго патріарха Іоасафа, вѣльно всѣмъ архимандритамъ того монастыря навсегда отправлять священнослуженіе на коврѣ съ рипидами и освящальными свѣщами. Впоследствии, неизвѣстно по какой причинѣ и съ какого именно времени, такое священнослуженіе прекратилось безъ всякаго письменнаго запрещенія. Вѣдствие сего въ 1742 году, съ приложеніемъ копій съ упомянутой патріаршей грамоты, послано было изъ монастыря въ святѣйшій синодъ представленіе о возобновленіи означеннаго священнослуженія: на каковое представленіе въ томъ же 1742 году и послѣдовала резолюція святѣйшаго синода, а въ силу ея получено было въ 1755 году казанскимъ преосвященнымъ частное письмо отъ синодальнаго оберъ-прокурора. Предлагаемъ здѣсь документы эти⁽¹⁾.

(1) Заимствуемъ ихъ изъ рукописнаго сборника, составленнаго настоятелемъ (1772 г.—1788 г.) казанскаго Спасо-Преображенскаго

КОПИЯ СЪ ПАТРИАРШЕЙ ГРАМАТЫ.

«Благословеніе великаго господина Іоасафа, патриарха московскаго и всея Россіи, о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія Лаврентію, митрополиту казанскому и свѣяжскому.

Писалъ ты къ намъ, святѣйшему патриарху, а въ отпискѣ твоей написано: Въ прошломъ во рѣхъ году (¹) билъ челомъ въ Казань великому господину святѣйшему Макарію, патриарху Божія града великія Антіохіи и всего востока, казанскаго преображенскаго монастыря архимандритъ Мисаилъ съ братією, а въ челобитнѣ ихъ написано: монастырь ихъ преображенской демятаа степень, а въ божественной службѣ ему, архимандриту, не дано ковра, и рипидъ, и свѣщъ осыняльныхъ, а которые де монастыри въ степеняхъ подѣ ихъ преображенскимъ монастыремъ написаны, нижегородской, печерской, спасской, ярославской, и иныя многіе, и тѣхъ де монастырей архимандритамъ даны въ божественной службѣ ковра, и рипиды, и свѣщъ осыняльные, и дѣйствуютъ съ полною службою божественною люторгію, и по ихъ челобитію, святѣйшій Мака-

монастыря архимандритомъ Платономъ Любарскимъ, свидѣнія о житіи и сочиненіяхъ котораго смотр. въ Чтен. въ импер. обществ. истор. и древн. россійск. год. III. № 7. отд. IV. стр. III—VIII. Москва. 1848 г.

(¹) Т. е. 7176 отъ сотворенія міра, или 1666 отъ рождества Христова.

рій, патріархъ Божіа града великіа Антіохіи и всего востока, пожаловаль ево, архимандрита Мисаила, благословиль, для почести тоя святыа обители и своего ради приходу въ домъ Спасовъ и чудотворцовъ, велѣль ему, архимандриту, и впредь кто по немъ въ тотъ монастырь инные архимандриты будутъ божественную літургію служить съ коврами, и съ рипидами, и свѣщами освѣняльными, и о томъ бы тебѣ сыну нашему указъ учинить. И мы, святѣйшій патріархъ, слушавъ той твоей отписки, пожаловали того преображенскаго монастыря архимандрита, указали ему служить, по благословенію святѣйшаго Макарія, патріарха антїохійскаго. И какъ къ тебѣ сіа наша грамота придетъ, и ты бѣ, сыну святѣйшаго Макарія, патріарха антїохійскаго, и по нашему благословенію казанскаго преображенскаго монастыря архимандриту Мисаилу, и впредь кто по немъ въ томъ монастырь инные архимандриты будутъ, велѣль божественную лтургію служить съ коврами, и съ рипидами, и свѣщами освѣняльными. А милость Божіа, и великихъ святителей Петра, Алексіа, и Іоны, и Филиппа, московскихъ и всея росіи чудотворцовъ молитвами и нашего смиренія благословеніе съ твоимъ святительствомъ есть и будетъ нынѣ и во вѣки» (¹).

(¹) «У подлинной пишеть тако: Діакъ Іванъ Калитинъ».

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЫНУДУ
ДОНОШЕНІЕ.

«Въ прошломъ рѣзъ году, по благословенію святѣйшаго Макарія патріарха антиохійскаго, а потомъ и по данной святѣйшаго Іоасафа, патріарха московскаго, преосвященному Лаврентію, митрополиту казанскому, грамотъ, позволено было казанскаго преображенскаго монастыря архимандриту Мисаилу служить съ ковромъ, съ рипидами, и свѣщами освященными, по силъ которой грамоты нѣсколько лѣтъ то священнослуженіе съ освященными свѣщами того монастыря архимандриты и отправлялося, а потомъ нѣсколько уже лѣтъ, незнаемо чесо ради, упущено; и въ священнослуженіи со освященными свѣщами церемоніи не бываетъ. А надъ силу той грамоты ни отъ кого никакого запрещенія не бывало, а сколько тому лѣтъ запущено, того, за многопрошедшими лѣтами, не извѣстно, и нынѣ то священнослуженіе отправляется токмо съ ковромъ и рипидами, а со освященными свѣщами отправлять безъ благословенія вашего святѣйшества я не дерзаю. А преосвященный Лука, епископъ казанскій, по прозбѣ моей приказалъ мнѣ о томъ дозволенія, не имѣя никакихъ препятствій, просить отъ вашего святѣйшества. Того ради вашего святѣйшества всепокорно прошу, по силъ вышеозначенной святѣйшаго Іоасафа, патріарха москов-

скаго, грамотъ, означенное во ономъ нашемъ спасопреображенскомъ монастырѣ со освященными свѣщами священнослуженіе, какъ мнѣ, такъ и будущимъ по мнѣ архимандритомъ отправлять позволить, и о томъ Лукъ, епископу казанскому, опредѣлить Ея Императорскаго Величества отъ вашего святѣйшества указомъ, а съ вышеозначенной святѣйшаго Іоасафа патріарха жалованной грамоты сообщая при семъ для благоразсмотрѣнія вашему святѣйшеству копію. О семъ покорно просить вашего святѣйшества нижайшій рабъ спасаказанскаго преображенскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ. Сентября ѿ, 1742 года» (1).

ВЪ ПРОТОКОЛѢ Святѣйшаго Правительствующаго
Синода Октября 11 дня 1742 года написано:

«По указу Ея Императорскаго Величества святѣйшій правительствующій синодъ, по доношенію казанской епархіи спасопреображенскаго монастыря архимандрита Іоасафа, о позволеніи въ томъ спасопреображенскомъ монастырѣ священнослуженія со освященными свѣщами, по силъ данной святѣйшаго Іоасафа патріарха пре-

(1) «На томъ доношеніи ~~нумѣра~~ № 1754. Подано 1742 года сентября 12 дня. Записавъ въ книгу, написать въ рескриптъ въ докладу. Слушано октября 4 дня 1742 года».

освященному Лаврентію, митрополиту казанскому, грамоты, съ которой при томъ доношеніи приобщена копія, приказали: о позволеніи онаго въ томъ преображенскомъ монастырѣ со освященными свѣщами священнослуженію ему, архимандриту, просить епархіальнаго архіерея Луки, епископа казанскаго, а его преосвященство по усмотрѣнію своему имѣть о томъ со изъясненіемъ надлежащихъ обстоятельствъ писать святѣйшему правительствующему синоду, и для того съ его протокола ему, архимандриту, дать копію» (1).

ПАРТИКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО СИНОДАЛЬНАГО ОБЕРЬ-ПРОКУРОРА, КЪ ВЫШЕПИСАННОМУ ДѢЛУ НАДЛЕЖАЩЕЕ.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Милостивый государь мой!

«Я, почитаю вашего преосвященства ко мнѣ милость, всегда стараніе имѣю, въ чемъ бы вашему преосвященству показать мою услугу, и для того въ разсмотрѣніе вашему преосвященству представляю нижеслѣдующее: со вступленія моего въ святѣйшій синодъ усмотрѣлъ по дѣламъ, что многихъ епархей въ монастыряхъ архимандриты по грамотамъ патріаршимъ священнослуженіе ис-

(1) «Со онаго святѣйшаго правительствующаго синода приказаніа означенному архимандриту Іоасафу копія дана за скрѣпами оберъ-секретаря господина Леванидова, секретаря Никифора Слюцова, за скрѣпою канцеляриста Михайлы Остолопова».

правляютъ съ рипиды и со остоятельными свѣща-
ми на ковръ; съ каковою церемонією и епархіи
вашего преосвященства въ одномъ только въ
свяжскомъ богородицкомъ монастырѣ исправля-
емо бываетъ, а по грамотѣ святѣйшаго Іоасафа,
патріарха московскаго, вѣлно, епархіи жъ ва-
шего преосвященства, и въ спасоказанскомъ
монастырѣ съ таковою жъ церемонією священ-
нослуженіе исправлять. Почему прежніе въ томъ
монастырѣ бывшія архимандриты исправляли, а
въ 1716 году архимандритъ Іоасафъ святѣйшему
снуду доношеніемъ объявляя, что онъ безъ поз-
воленія съ таковою церемонією священнослужи-
енія исправлять не дерзаетъ, просилъ о томъ
позволенія, и по снудальному опредѣленію ве-
лно тому архимандриту объ ономъ позволенія
просить у епархіальнаго архіереа, о чемъ обсто-
ятельнѣ можете ваше преосвященство усмотрѣть
изъ приложеннаго при семъ экстракта; не соиз-
волите ль ваше преосвященство, въ прославленіе
имени Божія, и въ славу святѣй Церкви, также
и въ честь вашему преосвященству, приказать
въ вышеписанномъ спосоказанскомъ монастырѣ
нынѣ находящемуся архимандриту священнослу-
женіе исправлять съ вышеобъявленною церемоні-
єю; ежели жъ, за каковымъ сумнительствомъ, то-
го позволенія дать не изволите: то о томъ, съ
требованіемъ резолюціи, изволите представить
святѣйшему правительствующему снуду. Почему

я для вашего преосвященства мое стараніе употребить одолжаюсь. Въ протчемъ же есмь и всегда съ моимъ почтеніемъ пребуду» (1).

(1) «У подлиннаго письма приписано тако:

Вашего преосвященства!

Милостиваго государя моего

покорнѣйшій слуга

Аввакумъ Львовъ»

31 марта

1776 года.

С. п. б.

О БОРЬБѢ ХРИСТИАНСТВА СЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ ВЪ РОССІИ.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская Вѣра. Оно застигнуто было послѣднею на переходной степени отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ къ служенію имъ общественному съ храмами, опредѣленною обрядностію и сословіемъ жрецовъ.

Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для низшихъ боговъ, олицетворявшихъ русскую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, водяныхъ, русалокъ и лѣшихъ, также для домашнихъ, божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко обрисованными личностями, съ вполне развитою лич-

ною жизнью. Имена высшихъ божествъ—Сварога, Перуна, Дажбога—не возбуждаютъ въ умъ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробность, съ какими въ народѣ хранится память о низшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованія, даютъ право заключать о древности и большемъ развитіи этого вѣрованія въ язычествѣ; то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была сравнительно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Такъ по наружному виду дерева можно догадываться о глубинѣ и крѣпости его корней. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа.

За областью поэтическихъ сказаній о льшихъ, водяныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. «Можно положительно сказать, говорить г. Шеппингъ въ своихъ очеркахъ славяно-русской мифологіи, что имена и личности божествъ играютъ самую второстепенную роль въ нашей русской мифологіи. Обогащеніе же природы и жизни во всѣхъ ихъ многообразныхъ проявленіяхъ,—вотъ главнѣйшая основа всѣхъ вѣрованій нашего язычества. Пѣсни, загадки, пословицы и изреченія вся-

каго рода, обычныя сравненія и качественные эпитеты носятъ еще доселѣ въ языкѣ нашемъ глубокіе слѣды этого наблюдательнаго благоговѣнія чловѣка предъ вѣчными законами природы и жизни».

Въ сохранившихся доселѣ остаткахъ языческаго богослуженія непосредственное поклоненіе природѣ видимо преобладаетъ надъ олицетвореніями этихъ предметовъ, надъ аллегорическою обрядностью, изъ которой въ развитыхъ вѣрахъ древняго міра выродились, такъ называемыя, языческія мистеріи. Жертвы и молитвы относились непосредственно къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, дереву и т. д. Олицетворенія носятъ еще первичный, наивный характеръ; вотъ народъ нарядилъ въ сарафанъ или зипунъ первый снопъ и представилъ его ликующимъ именинникомъ; вотъ топчутъ соломенную чучелу зимы, составляется хороводъ около троицкой березки-Лады, является на улицѣ комическій старикъ-представитель Ярилы или съ гамомъ ѣдетъ на дровняхъ пьяная масляница съ полштофомъ въ рукахъ. Съ другой стороны, всѣ подобныя обряды измѣняются по мѣсту, времени, по расположенію духа толпы, зависятъ отъ произвола; они еще не успѣли окamenѣть, сдѣлаться условными, постоянными и необходимыми, чѣмъ отличаются обряды вполнѣ опредѣлившейся вѣры. Въ одномъ наприм. мѣстѣ весенній хороводъ кружится около березки, въ другомъ около разряженной чучелы, въ третьемъ

около дѣвушки. Одинъ и тотъ же предметъ празднованія выражается въ различныхъ образахъ въ началѣ, срединѣ и концѣ праздника. Все это показываетъ, что богослуженіе только лишь стало освобождаться отъ своего первичнаго, непосредственнаго характера, допускало произволь, зависело отъ временнаго, случайнаго удобства и вдохновенія.

Очень естественно, что у нашихъ предковъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; это, кажется, нужно почитать въполнѣ доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи. Храмы и жрецы являются съ развитіемъ общественнаго богослуженія. Но у насъ самая жизнь въ языческое время не развилась до общности. Когда каждый жилъ замкнуто съ родомъ своимъ, на своемъ мѣстѣ, то необходимо преобладало домашнее богослуженіе. Каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ большакъ семейства; изба была самымъ обычнымъ храмомъ. Вотъ почему въ нашей мифологіи болѣе всего развитъ мифъ о домовомъ; вотъ почему также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтнаго полугодія; зима проводится въ избѣ, среди семьи; лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отличительную черту русскаго язычества.

Общественное богослуженіе было еще въ зародкѣ. Нѣсколько семействъ, даже деревень собирались на игрище «межи селы» и совершали

здѣсь свои обрядовыя игры и пиры. Эти сборища стали приурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и пр.; и наложили на послѣднія печать особенной святости. Явились боголѣсы, священныя дубровы, камни, криницы, ручьи и озера, которыя доселѣ пользуются суетвѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественнаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческіе храмы. Наиболѣе замѣчательными начатками опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, начатками храмовъ, служатъ городища.

Кто же совершалъ богослуженіе, когда семьи собирались вмѣстѣ, когда въ обществѣ собраній ихъ терялось значеніе частныхъ большаковъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ русскій хороводъ, обрядовыя игры и русская братчина; въ богослуженіи общественномъ участвовали всѣ одинаково. Только въ немногихъ случаяхъ нуженъ былъ представитель общины: когда наприм. нужно было завести пѣсню, руководить хороводомъ или игрою, распорядиться общественными приношеніями или пиромъ. Тогда выступало выборное начало. Выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку или на старца-патріарха селенія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже, если можно такъ выразиться, въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы и прегудницы,

гусляры, плясцы и т. п. люди, которые во времена христіанскія извѣстны подѣ именемъ ско-
мороховъ ⁽¹⁾.

Болѣе всѣхъ этихъ представителей общины жреческій характеръ выразился въ классѣ волх-
вовъ, вѣдуновъ и вѣдьмъ, которые служили пе-
реходною ступенью къ образованію настоящаго
жреческаго класса ⁽²⁾. Каждая вѣра, какъ бы она
ни была въ началѣ жизненна и свободна въ сво-
ихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе односторонне-благо-
говѣйнаго отношенія къ ней людей закаменѣваетъ
въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность
все болѣе и болѣе по мѣрѣ продолжительности
своего существованія. Священное дѣйствіе, въ на-
чалѣ свободное, основанное на движеніи благоче-
стиваго чувства одного лица, обращается въ обя-
зательный обрядъ. Благочестивая пѣснь, излившая-
ся изъ сердца одного вѣрующаго, естественное
обращеніе его къ божеству съ словами молитвы
превращаются наконецъ въ такую молитву, изъ
которой слова не выкинешь, въ заговоръ и за-
клятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или
другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы,
преклоняющая боговъ къ милости и исполненію
желанія. Чѣмъ дальше идетъ развитіе обществен-
наго богослуженія, тѣмъ болѣе развивается эта

⁽¹⁾ См. во Временникѣ кн. XX ст. «о скomorохахъ».

⁽²⁾ См. стат. г. *Аванасьева* о вѣдунѣ и вѣдьмѣ въ Альманахѣ
«Комета».

обрядность его. Не всякій, даже старецъ, можетъ уже прочитать молитву, употребить именно тѣ слова, какія нужно, и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ опредѣлено; не всякій способенъ выполнить и всѣ подробности обрядоваго дѣйствія. Все это можетъ сдѣлать только челоувѣкъ, исключительно посвятившій себя свящ. вѣдѣнію, — вѣдунъ, волхвъ. Ему извѣстны всѣ тайны вѣры и его призываютъ на помощь во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ недостаточно кажется обыкновенная молитва. Но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Съ такимъ запасомъ вѣрованій и съ такимъ богослуженіемъ имѣли войти славяне въ семью христіанскихъ народовъ. Нельзя не видѣть, какъ бѣденъ былъ этотъ запасъ, какъ скудна была его обстановка и какъ слабы были силы этого дѣтскаго міросозерцанія въ сравненіи съ силами и средствами новой Вѣры. О внѣшней борьбѣ между старою и новою Вѣрою не можетъ быть и рѣчи. Христіанскіе пастыри не встрѣтили себѣ противниковъ, равныхъ по силамъ и внѣшнему положенію въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное, отрицательное противодѣйствіе новой Вѣрѣ во имя народной старины, противодѣйствіе подземное, не обнаруживавшееся въ

видъ внѣшней борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ; не нужно было разчищать для нихъ мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ вполне развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благолѣпіемъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища «межи селы» съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились предъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всеми средствами византійскаго образованія Православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопредѣленнымъ языческимъ міросозерцаніемъ.

Не пускаясь еще въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, можемъ напередъ сказать, что всѣ Свароги, Перуны, Дажбоги будутъ забыты при новыхъ вѣрованіяхъ, но что напротивъ низшіе собирательные духи, домовые, водяные, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр., — останутся цѣликомъ въ народныхъ повѣрьяхъ, что новая Вѣра скоро не подавитъ это благоговѣнное служеніе природѣ. Можемъ напередъ также сказать, что языческая вѣра скоро уступитъ Христіанству и своихъ кумировъ, и свои богослужебныя собранія, всю свою общественную сторону, но не уступитъ ему другой стороны—внутренней, привычныхъ взглядовъ на вещи, всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были внѣ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, оно крѣпко засядетъ въ избѣ и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры

духовной и свѣтской власти, кромѣ просвѣщенія. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы, съ поля, изъ священнаго боголѣсія, но оно особенно и не нуждалось въ этихъ свящ. мѣстахъ. Почитаемъ нелишнимъ привести здѣсь взглядъ на этотъ предметъ нашего почтеннаго историка г. Соловьева. «Еслибы у насъ, говоритъ онъ, язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и приобрести всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ Христіанствомъ, но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ; если бы Христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то, изложивъ ихъ, оно бы покончило борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслибы онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ русскій... безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями Божества, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами улодца, въ роцѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ» (').

(') Въ статьѣ о Славянахъ въ Арх. Калачова т. 1.

Не видя внѣшней борьбы Христіанства съ язычествомъ, наши церковные историки утверждали, что Христіанство было принято нашими предками вдругъ и единодушно. Отсюда естественно возникъ вопросъ о причинахъ этого чуда, о причинахъ мирнаго и скорого распространенія Христіанства въ Россіи, и на рѣшеніе его было положено не мало труда и изученія. Ясно, что этотъ вопросъ возникъ вслѣдствіе внѣшняго взгляда на исторію и при настоящемъ положеніи исторической науки оказывается несостоятельнымъ. Мы знаемъ, какой борьбы нужно было ожидать отъ язычества и гдѣ она должна была проявиться. Очень важный вопросъ о распространеніи Христіанства въ Россіи можно рѣшить на народной почвѣ, слѣдя за внутреннею борьбою, старой и новой Вѣры, борьбою, которая выразилась въ причудливой смѣси двоевѣрія, а затѣмъ въ отличительныхъ чертахъ христіанскихъ вѣрованій народа, въ ихъ народныхъ отбѣнкахъ. Здѣсь важно не столько мѣсто распространенія Христіанства и число вѣрующихъ, сколько степень усвоенія послѣдними православнаго ученія.

Въ 988 году въ Кіевѣ на Почайнѣ былъ собранъ весь кіевскій народъ отъ мала до велика и произошло общее крещеніе. Съ этого времени христіанская Вѣра объявлена у насъ господствующею. Но это слово нужно понимать въ самомъ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ. Она существовала преимущественно среди князей, бо-

лрѣ и духовенства, — господствующей части народонаселенія. Восходящее солнце освѣтило только верхи горъ; низменность ровной Руси лежала еще въ первобытномъ мракѣ. Всего успѣшнѣе распространялось Православіе по великому водному пути изъ варягъ въ греки, который имѣлъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, по которому развивалась княжеская власть и который сталъ основною нитью государства и Церкви. Вправо и влѣво отъ него тянулись необозримыя степи и болота или непроглядные лѣса, куда долго не западалъ ни одинъ свѣтлый лучъ. Въ самомъ Кіевѣ крещеніе совершилось по приказу князя, и новая Вѣра принята была наружнымъ образомъ. Отталкивая отъ берега плившаго по Днѣпру Перуна, крещеный язычникъ слезно вопилъ ему въ слѣдъ: «выдыбай, боже!» Могло ли быть много такихъ людей, которые уплывающему богу говорили въ слѣдъ, какъ новгородскій Пидблянинъ: «ты, Перунице, досыта уже повѣлъ и попилъ; пора тебѣ плыть прочь»?

Въ первоначальной исторіи Христіанства на Руси очень выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; гдѣ она была слаба, тамъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ—мучениковъ, а съ другой—толпы волхвовъ. Очень естественно, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей Церкви. При этомъ не

надобно упускать изъ виду того, что іерархія, явившись на Руси, какъ священноначаліе Церкви Христовой, приняла государство подъ свое руководство; она воспитывала верховную власть въ благочестивыхъ началахъ, внушала князю, что онъ «поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе»⁽¹⁾, т. е. распространяла его власть, кромѣ юридической области, еще на нравственную жизнь. Мысль эту опредѣленно развиваютъ поученія къ князьямъ и властелямъ. Вотъ наприм. отрывокъ изъ одного поученія, замѣчательнаго своими указаніями на остатки язычества. «Человѣцы... немоуць волшбою лечать. и наузы чарами. бѣсомъ, требища приносятъ. и бѣса глаголемаго трясцею творять. отгоняюще и еллинская пишутъ на яблоцѣ слово. и кладуть и на престолъ въ годъ сляжбы. се проклято есть... Господь не рече цѣлѣти чарами. ни наузы. ни вѣстрѣчу. ни въ полазѣ. ни въ чехъ вѣровати. то поганьско есть дѣло. аще ли отъ крестіянъ сотворить кто тако. горше погань осудѣтся. аще о томъ покаянїя не прїимуть... аще ли кѣмъ дѣють злая и духовнаго не слушаютъ ученїа. и не каются. тѣмъ подимуть по дѣломъ законное мученїе. и велимъ градекимъ властелемъ не щадити зло творящихъ предъ Богомъ. но казнити я лестьца. хулики. рогатники. мужоломники. убийца. тати. чародѣа. двамъ на-

(1) Полн. Собр. лѣтопис. т. 1, стр. 54.

слушующая. блудяще съ мужатицами, такія велимъ въ конечныя влагати моуки. градскимъ карнити закономъ. а не щадити злыхъ. да ся накажутъ. и остануть дѣяти злая... властели бо отъ Бога устроени. человекъ ради не творящихъ закона божіа. да страхъ видѣвши казни. и Бога убоятся. властели да не щадятъ зло творящихъ... да не сами предъ Богомъ съ ними осудятся въ моуку. глаголетъ же въ четвертемъ царствіи Ахавъ царь щадилъ Адора асирійска царя зло сѣтворша. и рече ему Богъ пророкомъ. мужа губителя отпустилъ еси. твоя душа зань погубнеть. и люди твоя за его люди. и Саулъ царь Агага пощадѣвъ. и спаде царства. и инии мнози злыхъ пощадѣвши погубиша сами. того ради не щадите властели зло творящихъ. но казните я. а не по мзѣ отпускайте. да не и вы содѣтели беззаконія отъ Бога судъ золь примете» (!). Подобныхъ наставленій въ древней письменности находимъ очень много.

Дѣйствуя совокупными силами, князья и пастыри Церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься; воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священнослужителей изъ Византіи и Болгаріи, переводили священныя книги, заставляли новообращенныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы, даже греческое «кирие лейсонъ». Но чуждѣ

(!) Рукоп. академич. библи. Императорск. № 270.

быстрѣе шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, смѣшеніе Христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, переработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи Христіанства; съ него начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа.

Къ величайшему сожалѣнію, полной картины этого постепеннаго перевоспитанія народа не возможно представить, за недостаткомъ ясныхъ и полныхъ извѣстій. Въ памятникахъ господствуетъ безпорядочное смѣшеніе разныхъ эпохъ и степеней христіанскаго развитія, и нѣтъ никакой возможности уловить въ этомъ хаосѣ историческую нить. Нашимъ наивнымъ и добродушнымъ лѣтописцамъ и пастырямъ Церкви не приходило на мысль слѣдить за историческими отбѣнками духовной жизни народа. Не надобно упускать изъ виду и того весьма важнаго обстоятельства, что исторія Христіанства развертывается у насъ на громадномъ пространствѣ, заселенномъ разными племенами, подъ разными условіями жизни и разнообразными внѣшними вліяніями соединенныхъ наро-

довъ. Въ одномъ мѣстѣ новыя понятія усвоились скорѣе и полнѣе, въ другомъ—медленнѣе и въ болѣе искаженномъ видѣ. Не имѣя возможности подробно прослѣдить, какъ язычество шагъ за шагомъ уступало Христіанству, мы можемъ наметить только главныя точки историческаго хода ихъ борьбы и указать приблизительный средній рубежъ между грубымъ языческимъ складомъ сознанія народнаго и началомъ усвоенія христіанскаго міросозерцанія—XIII и XIV вѣка. Поученія пастырей Церкви до этого времени прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его, существованіе его на ряду съ Христіанствомъ. Новая Вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединялись между собою чисто механически, а неорганически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ еще въ животрепещущихъ образахъ. Послѣ XIV вѣка язычество видимо стушеввалось; его догматика забывается; въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не мифа, а языческой обрядности, которая пережила мифъ, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество поглощалось Христіанствомъ и примѣшивалось къ нему своеобразный народный отбѣнокъ.

Есть одно сказаніе, которое хорошо обрисовываетъ первичное грубое двоевѣріе,—это сказаніе о построеніи христіанскаго храма въ одномъ углу финскаго сѣвера. «На Бѣльозерь жили люди невѣрные, да какъ учили креститься и вѣру христіанскую познавать, и они поставили церковь, а не вѣдаютъ, котораго святаго нареци; а на утро собрались и пошли церковь свящати, и какъ пришли къ церкви, аже въ рвчкѣ подъ церковію стоитъ челнокъ, а въ челноку стулецъ, а на стулецѣ икона Василей великій; и они икону взяли, и нарекли церковь во имя Василія великаго.. И они церковь святили, да учили обѣдню пѣти, да какъ начали Евангеліе чести, и грянуло не по обычаю, кабы страшный великій громъ грянуло и вси люди уполошились, ино въ прежнее лѣто тутъ было оолбище идольское за олтареи, береза да камень, и ту березу вырвало и камень взяло изъ земли, да снесло въ Шексну и пошло»⁽¹⁾. Язычникъ рядомъ съ церковію хотѣлъ оставить свой камень и березу. Церковь, разумеется, противилась этому служенію двоимъ господамъ, требовала всецѣлаго служенія единому Богу,—и вотъ явилось чудо, которое божественнымъ свидѣтельствомъ подаривало требованіе Церкви. Совершенно тѣмъ же смысломъ имѣетъ лѣтописный рассказъ о плачѣ народа, когда почтенный Перунъ плылъ по Днѣпру въ Черное мо-

(1) Собр. акад. библ. рукоп. № 925 л. 117 и 118.

ре, свергнутый съ своего сытнаго мѣста. Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморощенныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было можно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу, къ старому дуплистому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы бѣсамъ—Перуну, Хорсу, Мокошу, Велесу, Дажбогу и др.; пѣлъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солище красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе; да онъ и церковь звалъ «божницею»,—христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинныя богослужебныя обряды, ставились законныя обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для котейной трапезы и тризны по умершемъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища между селы, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчестія и разгулъ. Но общественное богослуженіе

строго преслѣдовалось, и язычество поневолю должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царила чистѣйшая старина. Долго Церковь не могла завязать самага основнаго узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародь было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна (XII вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣстъ, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около свящ. озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вокругъ ракитова куста. Тоже правило XII вѣка свидѣтельствуемъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣчу съ духовнымъ лицомъ почиталъ дурною для себя. Въ то же время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники — эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами

отъ порчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьей нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже. Произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностію и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтопись показываетъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеславъ полоцкій, герой былины, оборотень «слова о полку игоревъ», былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія.

Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣляютъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укорененія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника; онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ Христіанства. Торжество того или другаго было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ

главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ Христіанствомъ; они ходили всюду съ своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ Христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, въ голодъ, въ засухи, въ годы разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболѣе выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности Христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородъ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вече, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторонѣ волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ; то что сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсыпку по разнымъ заколустьямъ русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?... На такую грубую почву пало сѣмя Христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздвѣываемаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ратаи—пра-

вительство и духовенство. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала пріятія новой Вѣры идетъ непрерывное противодѣйствіе ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдованныхъ отъ отцевъ и дѣдовъ.

Чтобы прослѣдить по возможности внутреннюю сторону этой борьбы, какъ одни вѣрованія мало по малу вытѣсняли другія, прежде всего нужно обратиться къ церковнымъ поученіямъ, направленнымъ противъ язычества; это почти единственный источникъ, изъ котораго можно почерпнуть кое какія свѣдѣнія изъ исторіи психологической борьбы двухъ вѣръ. Для насъ важно здѣсь не краснорѣчіе писателей, не нравственная сторона увѣщаній, болѣе или менѣе однообразныхъ, а тѣ мимоходныя замѣтки, которыя очерчиваютъ предъ нами остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ на Руси. Намъ нужно опредѣлить, насколько свѣжо помнилось еще язычество и что затемнилось въ немъ отъ вліянія новой Вѣры.

Наша церковная исторія обращала преимущественное вниманіе на такія поученія, гдѣ въ чувствѣ торжественной радости проповѣдники описывали благотворные плоды Христіанства на Руси, и чрезвычайно мало останавливалась на мрачномъ описаніи языческихъ суевѣрій, какъ будто Христіанство успѣло уже охватить всю жизнь и

язычество проявлялось только въ видѣ печальнаго исключенія изъ общаго правила. Тѣже поученія обнаруживаютъ предъ нами совершенно другое; обнаруживаютъ господство не Христіанства, а язычества, полную свѣжесть послѣдняго и ясную память даже о подробностяхъ старой міеологіи.

«Уже не идолослужителями зовемся, говоримъ м. Иларіонъ, но христіанами. Уже не капища сограждаемъ, но христовы церкви созидаемъ. Уже не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ закалаемъ за насъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу Отцу... Всѣ страны благой и милостивый Богъ помиловалъ, не презрѣлъ и насъ; захотѣлъ и спасъ, и въ разумъ истины привелъ» ⁽¹⁾ Это мѣсто находится въ похвальномъ словѣ св. Владиміру, и тонъ его совершенно понятенъ. Въ такомъ же тонѣ говоритъ Кириллъ туровскій: «обновися тварь, уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни дрѣвеса; отсель бо не приѣмлетъ требы адъ закалаемыхъ отци младенецъ, ни смерть почести, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таинствомъ, и не токмо спасеся челоувѣчь родъ, но и освятися христовою вѣрою... Нынѣ зима грѣховная престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо языческаго кумиротворенія апостольскимъ ученіемъ и христовою вѣрою престала есть... Днѣсь весна красуеть-

⁽¹⁾ Въ прибавл. къ изд. твор. св. Отцев. въ русск. перев. за 1844 г.

ся, оживляючи земное естество; бурніи вѣтри, тихо повѣвающа, плоды гобзують и земля съмена питающе зеленую траву ражають» (¹).

Но вотъ какъ описывается обратная сторона дѣла. «Мы только словомъ нарицаемся христіане, говоритъ въ своемъ поученіи о казняхъ Божіихъ св. Феодосій печерскій, а погански живемъ. Не погански ли это: если кто чернеца или черницу встрѣтитъ, или свинью, или коня лысаго, то назадъ возвращается: развѣ это не поязычески? Другіе вѣрятъ въ чиханье, будто бы оно бываетъ на здоровье головъ; но этимъ и другими обычаями прельщаетъ насъ дьяволъ, и всякою лестію отклоняетъ насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣянніемъ, блудомъ, пьянствомъ,... скоморошествомъ, гусельничествомъ, сопѣлями и всякими играми и непотребными дѣлами... Видимъ множество народа на игрищахъ, такъ что давятъ другъ друга, желая видѣть дѣло, вымышленное діаволомъ, и церкви стоятъ пусты; и когда бываетъ время молитвы, не многіе бываютъ въ церкви. Поэтому Богъ посылаетъ на насъ всякія казни и нашествие невѣрныхъ, наказуя за грѣхи наши» (²). Ясно, что это обличеніе относилось не къ язычникамъ, а къ христіанамъ. Веселое, хороводное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удоволь-

(¹) Памятн. р. слов. XII в. стр. 19. 21.

(²) Учен. Зап. И. А. Наукъ г. 1846 кн. II, вып. 2, стр. 195. Въ лѣтоп. Нестора. Слич. Опис. Рум. Муз. стр. 686.

ствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодности къ богослуженію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія духа, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ.

Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для Христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ. Въ словѣ христіанскаго совершенія на одну доску поставляются: плясаніе, гудба, нѣсни бѣсовскія и жертва идольская ⁽¹⁾. «Горе будетъ, говорится въ одномъ древнемъ поученіи, любодѣмъ, прелюбодѣмъ, волхвомъ и чародѣмъ; горе будетъ не послушающимъ ученія книжнаго, ни отцовъ своихъ духовныхъ; горе будетъ піющимъ вино съ гуслими и съ плесаніемъ: гусли бо суть мужемъ тма, а женамъ нагуба; горе будетъ сопельникомъ: сопѣли бо суть діаволу величіе, а крестьяномъ погыбель» ⁽²⁾. «Мнози невѣгласи на игры паче текутъ, неже къ церкви, говорится въ другомъ поученіи, и кощуны и блядословія любятъ болѣ книгъ; да по истинѣ таковымъ недостойно христіаны именоватися. Отнуду горе имъ будетъ: съ невѣрными осудятся немилостивно» ⁽³⁾. Все,

⁽¹⁾ Лѣтоп. р. Лит. Тихонравова кн. IV. «Слова, направленные противъ язычества». 1.

⁽²⁾ Рукоп. сборн. акад. библ. № 803.

⁽³⁾ Рук. Измарагдъ. № 270.

что напоминало темную старину, всякій досугъ простонародья, когда фантазія и чувство просили себя выраженія въ пѣснѣ и пляскѣ, всякое веселье казалось лучшимъ людямъ древности дьявольскимъ наводженіемъ... «Мнози бо суть козни лукаваго діавола, ими же уловляются челоѣвики. Ово гнѣвомъ надымаетъ, а иного завистію устремляетъ, а иного на татьбу и обидѣти учить, а иныхъ на позоры и на игры, иного на плясаніе потычутъ, а иного на пьянство и на блудъ ласкаютъ... а иного на кощунъ и на плесканіе и на пѣсни и на гусли поучаютъ, а иныхъ лѣвостію окрадаютъ, да къ церкви быша не приходили» и проч.

«Смотря на прошедшее безпристрастно, скажемъ словами г. Буслаева, нельзя не отдать нѣкоторой справедливости обличителямъ; потому что своего веселья, своего поэтическаго досуга, какъ свидѣтельствуютъ наши древніе писатели, народъ не умѣлъ въ ихъ глазахъ облагородить идеями новой религіи, не могъ искупить своихъ языческихъ забавъ ревностію къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось избранными умами той эпохи». ⁽¹⁾ Въ томъ же поученіи, изъ котораго мы сейчасъ привели извлеченіе, описывается, какъ народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ.

(1) Очерки т. II, стр. 69.

«Почто въ пустошь время свое пожисте, гонятъ обличитель отъ лица Божія, почто не часто ходите къ учителемъ, не твористе глаголемыхъ ими? Не сеи ли въ васъ есть, аще учения слово предложимъ, то и вси лѣнятся, и яко не у нѣкоего зла, съ нужею стоятъ. А будетъ на улицы и на игрищи или на бесѣдѣ, то бо пребудетъ по 30 днѣй и болѣ; или пити будетъ, то нощи не спятъ, на пагубу сдѣвающе душамъ. Како крестіани есте, аще се дѣете? Се горше поганыхъ, сатанинско замышленіе... Аще наречется сборъ каковъ, мнози ся свергнутъ», продолжаетъ обличеніе, намѣкая на старинную братчину. «Егда постъ заповѣсть, ли бдѣніе на очищеніе грѣхъ, то вси уныютъ и скорбнутъ о томъ. Аще ли нарекутся пирове, ли вечера, сопѣли и гусли и прочія игры, то вси будутъ готовы и потекутъ, яко крилати, и убудютъ другъ друга зовый, и стекутся на злый путь и на погыбель душамъ своимъ, его же бо не подобаетъ крестіаномъ творити. И многажды бо чрезъ всю ночь не упочіютъ трудящися и плящуще и играюще и ина творяще злая на пакость душамъ; и тако творяща и осудятся съ невѣрными. И нѣсть бо се крестіанско твореніе; се бо все поганіи творять». Въ Паисіевскомъ сборникѣ (XIV в.) помѣщено «слово истолковано мудростию отъ св. Апостолъ», въ которомъ эта языческая холодность къ церкви изображается въ яркихъ чертахъ (*).

(*) Очерки Буслаева т. II. стр. 69.

божественныхъ словесъ; но если плясцы или гудцы или какой иной игрецъ позоветъ на игрища или на какое сборище идольское, то всѣ туда идутъ съ радостію,—а во вѣки мучимы будутъ,—и весь тотъ день проводятъ на позорищахъ. «А какъ идти въ церковь, то, продолжаетъ ораторъ, «и чешемся, протягаемся, дремлемъ и говоримъ: то дождь, то студено, то иное что; и все то намъ кажется препятствіемъ. А на позорищахъ нѣтъ ни покрова, ни затишья, и вѣтеръ шумитъ и въялица; но все сносимъ радуясь, и позоры дѣлаемъ на пагубу душамъ. А въ церкви и покровъ и завѣтріе дивное, но не хотятъ идти на поученіе, лѣнятся». Къ этому же разряду относится одно изъ лучшихъ поученій Кирилла туровскаго, въ которомъ онъ съ горечью и пропіею жалуется на лѣность своей паствы. Не приводимъ его, какъ болѣе извѣстное.

Составилось особое сказаніе «о русальяхъ» подъ именемъ св. Нифонта, гдѣ говорится, что «сопѣли, гусли, пѣсни непріязнены, плясанія, плесканья собираютъ около себе студныя бѣсы, держай же сопельника, въ сласть любяй гусли и пѣнья, плесканія и плясанья чтить темнаго бѣса». Блаж. Нифонтъ видѣлъ видѣніе: когда онъ шелъ въ церковь, на пути попался ему князь бѣсовскій уныль и дряхль, а съ нимъ 12 бѣсовъ. Слыша пѣснь церковную, они вели такой разговоръ. «Видиши ли, говорилъ одинъ изъ бѣсовъ князю, како ти славится Іисусъ въ церкви отъ

рабъ своихъ? Се убо поюще пѣснь Іосуса Назорянина, вся ны помучили и устрашили суть и уже побѣждени есмь».—О семъ ли есте скорбни?.. отвѣчалъ князь. Мало ны о семъ печали, яко во время едино о семъ оскорбляютъ ны, а многажды мірскими пѣснями славятъ ны. Аще ли вы есть се неизвѣстно, то пождите, да вы покажу, еже начнутъ насъ славить.—И вотъ на встрѣчу имъ чловѣкъ скачетъ съ сопѣльми, за нимъ цѣлая толпа, тоже поютъ и пляшутъ, и всѣхъ одинъ муринъ тянетъ веревкой вслѣдъ за сопѣльникомъ. Бѣсы поспѣшили поощрить народное веселье. Кто то подаль сопѣльнику сребреникъ. Бѣсы взяли монету и понесли показать отцу своему—сатанѣ. «Всегда я беру жертву отъ кумирь, сказалъ сатана; но нѣтъ для меня пріятнѣе жертвы, какъ отъ христіанъ». Восплакалъ блаж. Нифонтъ отъ этого видѣнія и сталъ поучать: «отстати всѣмъ игръ бѣсовскихъ и отъ лъсти діаволя, наипаче же своя имѣнья дають бѣсу лукавому, иже суть русалья, и ини же скоморохомъ; да аще сихъ не отстануть, съ кумиротроудителѣ имутъ быти и въ скрежетъ зубнемъ... За кую вину даеши сребро твое діаволу въ жертву, велику пагубу души овоей творя, а діаволу же радость? Велика бо радость свершается дѣволу плясанья и плесканья съ свирѣльми» (¹).

Изъ приведенныхъ нами поученій еще нельзя

(¹) Памяти. стар. р. литературы вып. 1, стр. 207.

дѣлать широкихъ выводовъ о разобщеніи между обществомъ и Церковію. Но эти поученія выступаютъ въ надлежащемъ свѣтѣ, если мы припомнимъ, что онѣ находятся въ связи съ обличеніями предковъ нашихъ въ язычествѣ, если возьмемъ въ расчетъ то, какъ тогда омотрѣли на игрища, что значили тогда для народа поэзія, пѣсня, музыка, пляска.

Народныя игрища были совершенно языческаго духа. Всѣ эти купальскія, семицкія, радонецкія и т. п. торжества съ бубнами, сопѣлями, пѣснями и плясаніемъ были вовсе не то, что нынѣ; они имѣли еще смыслъ, теперь уже забытый. Златая Цепь XIV вѣка, изъ которой г. Буслаевъ приводитъ выписки⁽¹⁾, и слово о ностѣ, изданное въ Православномъ Собесѣдникѣ (1 кн. 1858 года), прямо сближаютъ народныя праздники съ язычествомъ; здѣсь ставится на ряду: «ноузъ ношеніе, кощуны, идолослуженіе, моленія кладезная и рѣчная, пѣсни бѣсовскія, плясаніе, бубны и сопѣли, козѣнцы (качицы-троицкія качели), игранія бѣсовская». И проводились эти празднества язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ пьяный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ цѣликомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сцены разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе—закономаго брака, а теперь сталъ

(1) Очерки т. 41, стр. 125.

совершенно въ разрывъ съ заботливостію Церкви объ устроеніи домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Расказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ менѣе открытыхъ и многолюдныхъ собраніяхъ около свящ. деревъ, камней, водъ. Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесено: «кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у водъ». Тоже повторяютъ уставъ Всеволода и церковное правило м. Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшала язычнику строгій церковный надзоръ. Русскій переводчикъ твореній св. Григорія богослова вставилъ отъ себя въ текстъ слова его на богоявленіе Господне слѣдующее замѣчаніе, которое обнаруживаетъ въ людяхъ его времени еще самую живую вѣру въ олицетворенія силъ и явленій природы: «овъ требу створи на студеньци дѣждя иски отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дѣждъ дастъ. Овъ не сущимъ богомъ жретъ и Бога сотворшаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаетъ и звѣрь живущъ въ ней, яко бога нарицаа требу творить» (1). Подобныя

(1) Библиограф. листы Кеппена. Спб. 1825, № 7, стр. 88.

свидѣтельства ясно обнаруживаютъ предъ нами ту почву, на которой стоялъ народъ въ первые вѣка Христіанства. Другія поученія еще болѣе разъясняютъ дѣло, представляя въ своихъ олицеженіяхъ живую олицетворенность силъ и явленій природы въ знакомыхъ образахъ прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и пр., свѣжую память о старинныхъ мифахъ.

Образцовымъ поученіемъ въ этомъ родѣ почитается «слово нѣкоего христілюбца, ревнителя по правой вѣрѣ», открытое Шевыревымъ въ Паисіевскомъ сборникѣ библіотеки Кирилло—Бѣлозерскаго монастыря (нынѣ петербургской Академіи) и изданное уже въ Лѣтописяхъ русской литературы⁽¹⁾. Приводимъ выписки изъ него въ переводѣ на русскій языкъ. Какъ Ілія ѳесвитянинъ, заклавшій изъ ревности по Богъ 300 жрецовъ Ваала, христілюбецъ не можетъ терпѣть «христіанъ двоевѣрно живущихъ, которые будучи христіанами, вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Регла и въ Вилы, которыхъ невѣгласы насчитываютъ тридевятъ сестеръ; всѣхъ сихъ называютъ богами и богинями, кладутъ имъ требы, короваи молятъ (приносятъ въ жертву) и куръ имъ рѣжутъ. Молятся и огню, называя его Сварожищемъ. И совершаютъ обряды чеснока богамъ⁽²⁾; когда бываетъ у кого пиръ, тогда кла-

⁽¹⁾ Кн. IV: слова противъ язычества.

⁽²⁾ «И чесновитокъ богомъ творятъ». Объ остаткахъ этихъ обрядовъ можно видѣть у Терещенко въ описаніи праздника Коляды.

дутъ чеснокъ въ ведра и въ чаши и такъ пьютъ, гадая о своихъ доляхъ (счастьи)». Здѣсь важное прибавленіе въ одной рукописи Софійской библіотеки, указанное въ Лѣтописяхъ литературы: «когда будетъ у кого изъ нихъ бракъ, совершаютъ съ бубнами, сопѣлями, съ многими чудесами бѣсовскими. Иное же и хуже этаго: сдѣлавши мужскую срамоту, вкладываютъ въ ведра и въ чаши и пьютъ, и вынувъ облизываютъ и цѣлуютъ». Это, кажется, уже заимствовано изъ сказаній о таинствахъ грековосточнаго богослуженія. Впрочемъ и у насъ, кажется, довольно развито было поклоненіе фаллосу; такъ можно заключать изъ обрядовъ Ярильскаго торжества ⁽¹⁾; о свадебныхъ обрядахъ въ этомъ родѣ мы не знаемъ. «Не хуже ли тѣ люди жидовъ и еретиковъ? продолжаютъ христіанство. Будучи въ вѣрѣ и крещены, такъ поступаютъ. Да не только такъ дѣлаютъ одни невѣжды, но и вѣжды, священники и люди грамотные. Если не совершаютъ того священники и книжники, то другимъ дозволяютъ и сами ѣдятъ моленое (жертвенное) то брачно; если не пьютъ и не ѣдятъ сами, то видятъ злыхъ дѣда невѣждъ; если же не видятъ, то слышатъ, а все таки не хотятъ поучить такихъ людей». Далѣе слѣдуетъ обличеніе пастырей въ томъ, что они плохо и лѣниво учатъ народъ; сочинитель грозитъ имъ негасимымъ огнемъ и смолою кипящею, при чемъ помѣщаетъ лѣнивыхъ пастырей

(¹) Терещенко въ опис. Ярилы.

ниже всѣхъ, подѣ ихъ пасомыми. «Не слѣдуетъ христіанамъ, продолжаетъ обличеніе, играть бѣсовскихъ игръ, которыя суть: плясба, гудьба, мірскія (варіантъ—бѣсовскія) пѣсни и идольскія жертвы, что молятся огню подѣ овиномъ, и Виламъ, и Мокоши, и Симу и Реглу, и Перуну, и Роду и Рожаницамъ и всѣмъ имъ подобнымъ.... Бѣгайте жертвы идольской и требокладенія и всей службы идольской, да не во лжу будетъ то, что мы сказали при крещеніи: отрицаемся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего стыда его, и такъ обѣщались Христу. Если же мы обѣщались Христу служить, то почему же не служимъ ему, а бѣсамъ служимъ, и все угодіе имъ творимъ на пагубу души своей? И не просто зло творимъ, но и мѣшаемъ чистыя молитвы съ проклятымъ молениемъ идольскимъ, ставимъ потейныя трапезы и совершаемъ законныя обѣды, обыкновенно поставляемые Роду и Рожаницамъ, въ прогнѣваніе Богу... Павелъ сказалъ ⁽¹⁾: видѣлъ я облакъ кровавъ, распростертъ надъ всѣмъ міромъ, и спросилъ, говоря: Господи, что это? И сказалъ мнѣ: это молитва человѣческая, смѣшенная съ беззаконіемъ. Поэтому и Господь сказалъ: не можетъ рабъ работать двоимъ господамъ. Такъ и мы, братія, возненавидимъ діавола, а Христа возлюбимъ».

⁽¹⁾ Это мѣсто заимствовано изъ апокрифа «Хожденіе ап. Павла по мукамъ». См. Памѣтники отреч. русск. литературы, т. II, стр. 43.

Въ томъ же Паисіевскомъ сборникъ помѣщено замѣчательное «слово св. Григорья, изобрѣтено въ толцѣхъ о томъ, како первое погани суще языцы, кланялися идоломъ и требы имъ клали; то и нынѣ творять» ⁽¹⁾. Оно занимается изложеніемъ происхожденія языческихъ вѣрованій разныхъ народовъ. Славянскій переводъ заключаетъ въ себѣ много занимательныхъ прибавленій къ греческому подлиннику ⁽²⁾ изъ области славянской миеологіи. По догадкѣ г. Тихонравова, это слово сначала переведено въ Болгаріи и уже съ болгарскаго перевода перешло въ русскіе сборники. Сдѣлаемъ изъ него извлеченія, относящіяся къ славянамъ и обнаруживающія въ переводчикѣ замѣчательно ясную память объ язычествѣ и даже его исторіи. Прежде всего перечисляются славянскія божества: «тѣмъ же богомъ требу кладуть и творять и словенскій языкъ: Виламъ, и Мокоши, дивѣ, Перуну, Хърсу, Роду и Рожаници, Упиремъ и Берегынямъ и Переплуту, и вертячеся пьютъ ему въ розвѣхъ; и огневи Сварожицю молятся, и навѣмъ мовѣ творять (окликають мертвыхъ), и въ тѣствъ мосты дѣлають и колодязѣ, и иная многая же у тѣхъ; ѳаликады и въ образъ створены (подлинн: *φαλλοὶ τινες καὶ ἰδυσφαλλοι*), и кланяются имъ и требы

(1) Лѣтоп. р. литер. т. IV: слова противъ язычества. Это слово есть и въ академ. библи. въ сборн. подъ № 803.

(2) Помѣщенъ въ лѣтоп. р. литературы, IV, слово V. Особенно замѣчательны прибавленія въ спискѣ новгор. Соф. библиотеки, по которому мы дѣлаемъ извлеченія.

имъ кладуть; словене же на свадьбахъ вклады-
 ваюче срамоту и чесновитокъ въ ведра пьютъ;
 отъ оюфильскихъ же и отъ аравитскихъ писа-
 ній научышеса Болгаре, отъ срамныхъ удъ исте-
 кающую скверну вкушаютъ». Историческое раз-
 витіе славянскихъ вѣрованій представляется пе-
 реводчикомъ въ такомъ видѣ: «начаша Еллини
 ставити трапезу Роду и Рожаницамъ (такъ пе-
 реведено: Артемиду и Артемидѣ), таже Елоптыте,
 таже Римляне, даже и до словенъ доиде. Се же
 словене начали трапезу ставити Роду и Рожа-
 ницамъ прежде Перуна бога ихъ, а прежде того
 клали требы Упиремъ и Берегинямъ (Русалкамъ).
 По святѣмъ крещеніи Перуна отринуша, а по
 Христа Бога яшася; но и нынѣ по украинамъ
 ихъ молятся проклятому богу ихъ Перуну, Хор-
 су и Мокоши, и Виламъ, но то творять аки
 отай. Сего же не могутъ лишити, наченше въ
 поганствѣ, даже и досель, проклятаго того ста-
 вленія вторыя трапезы Роду и Рожаницамъ... По
 св. крещеніи череву работниі попове уставиша
 трепарь прикладати Рождества Богородици къ
 рожаничнѣмъ трапезѣ, отклады двюче». «Си же
 повѣсть велика есть, заключаетъ переводчикъ,
 вставившій столько любопытныхъ подробностей
 для славянской міѳологіи; но мы лѣности ради
 отъ многа мало избрахомъ».

Какъ памятникъ древней письменности, бо-
 лѣ другихъ обильный указаніями на языческую
 старину, приведемъ въ извлеченіи, тоже издан-

ное въ «Лѣтописяхъ Литературы», «Слово св. Отца нашего Іоанна Златоустаго о томъ, како первое поганіи вѣровали въ идолы и требы имъ клали и имена имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творять и въ крестыянствѣ суще, а не вѣдають, что есть крестыянство» (*). Послѣ длиннаго обличенія пастырей за то, что они потворствуютъ двоевѣрію, поученіе обращается къ своему главному предмету—изображенію языческихъ суевѣрій. «Человѣцы, забывше страха Божія, небреженіемъ, и крещенія отвергошася, и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молнии и грому и солнцю и лунѣ, а друзи Перену, Хорсу, Виламъ и Мокоши, Упиремъ и Берегинямъ, ихже нарицають тридевятъ сестрениць, а иніи въ Сварожитца вѣрують и въ Артемиду, имже невѣгласи челоуѣци молятся и куры имъ рѣжутъ... и то блутивше сами ядятъ, и инѣми въ водахъ потопляеми суть; а друзи огневи и каменю и рѣкамъ и источникамъ и Берегинямъ и въ дрова, не токмо же преже въ поганствѣ, но мнози и нынѣ то творять, а крестыяны ся нарицающе: мосты, и просвѣты, и бдѣльники, и чересь огонь скачуть,—мнящеся крестыяне, а поганьская дѣла творять,—навѣмъ мовѣ творять, и попелъ посредѣ сыплють, и проповѣдающе мясо и молоко и масло и яица и вся потребная бѣсомъ, и на печь и льюще въ бани мытися имъ

(*) Лѣтоп. Лит. IV. слово VII.

велятъ,—чехоль и убрусь въшающе въ молвици. Бѣ-
си же, злоумію ихъ смѣющеся, поропрщутся въ по-
пелу томъ, и слѣдъ свой показываютъ на прельщеніе имъ.
Они же, видѣвше все то, отходятъ, повѣдающе другъ
другу; и то все проповѣданье сами ядятъ и піють,
ихже недостойтъ ни псомъ ясти... А друзіи въ-
рують въ Стрибога, Дажбога и Переплута, иже
вертячеся ему піють въ розвѣхъ, забывше Бога
сотворшаго небо и землю, моря и рѣкы и ис-
точники, и тако веселящеся о идолѣхъ своихъ...
Токмо именемъ наричаются крестіани, то льстятъ-
ся нагымъ нарокомъ; словомъ бо и слытьемъ
мнози суть крестьяни, а образомъ мало ихъ...
Каци бо суть крестіани, а послушающе кощюнь
еллинскихъ и басній жидовскихъ, и рожство, и
почитаній звѣздныхъ, и птица гласа, и чарове,
и волхвованія, и заскопія дній и лѣтъ, и сновъ,
и надъ источники свѣща вжигающа, и кумирь-
скую жертву ядятъ, и кровь и удавленину и звѣ-
ремъ уядено и птицами угнетомо? Многа ина
подобная симъ. Како крестіани нарещися мо-
гутъ, а сицѣ творяще?... Каци убо крестьяни, а
поганныхъ образъ носяще и прокужающе лице,
или поглашенія, или плясанія, или плесканія ру-
ку сотонину, или утварь женскую на мужехъ си
творяще? И нѣсть имъ никоеяже пользы нари-
чатися крестьяномъ».

Всѣ приведенныя нами поученія очень древ-
ни; они найдены въ сборникахъ XIV вѣка, слѣ-
довательно первоначальное происхожденіе ихъ во-

сходится къ неопредѣленному времени раньше этого вѣка. Поэтому они представляютъ собою памятники состоянія Христіанства въ первые вѣка нашей церковной исторіи, вѣка грубаго двоевѣрія. Обличители ясно помнятъ не только обряды, но и миѳы старой вѣры. Очень замѣчательно то, что они главнымъ образомъ перечисляютъ преимущественно имена главныхъ божествъ язычества, служеніе которымъ имѣло общественный характеръ. Очень естественно, что Церковь прежде всего обратила вниманіе на общественное богослуженіе, потому что оно болѣе всего бросалось въ глаза и было доступно для внѣшнихъ запретительныхъ мѣръ. Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такіе обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, наприм. въ праздникъ Коляды—собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживаніе, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная Церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ божествѣ дома—домовомъ⁽¹⁾. Церковь могла слѣдить только за

(¹) Встрѣчается голословное упоминаніе «бѣса хороможителя» въ Златой Чепи XIV в. (очерки Бусл. II, 125) и указаніе на обрядъ въ честь домовѣго при новосельи: «въ новоселіи идетъ съ кошкою черною и съ курою чернымъ» въ одномъ сборникѣ Рум. муз. (См. Опис. Востокова стр. 552).

взаимными отношеніями членовъ семьи и устроить ихъ по началамъ христіанскаго брака.

Изъ всѣхъ отраслей семейнаго богослуженія Церковь болѣе всего знала о служеніи Роду и Рожаницамъ, и то также преимущественно съ его внѣшней стороны, насколько это служеніе выступало изъ недоступныхъ предѣловъ семьи. Въ-рожденіе въ Родъ и Рожаницъ получило особенно широкое развитіе у славянскихъ племенъ и долго крѣпилось противъ Христіанства. Наши обличенія особенно много и долго останавливаются на немъ. Мы видѣли, что христолюбецъ, перечисливъ въ своемъ словѣ имена главныхъ божествъ, подробно занимается обличеніемъ въ-рожденій въ Родъ и Рожаницъ. Слово св. Григорія старается объяснить самое происхожденіе мѣа, сопоставляя Родъ и Рожаницу съ Артемидомъ и Артемидою, съ Озирисомъ плододавцемъ, указывая на поклоненіе фаллосу и т. д. Все это боги плододавцы, покровители рожденія, и сопоставленіе съ ними нашего мѣа, хотя до крайности наивное, обличаетъ въ сочинитель довольно ясное пониманіе этого мѣа.

Между памятниками, гдѣ упоминаются Рожаницы, замѣчательны по древности Паремейники, гдѣ о Рожаницахъ говорится въ чтеніи изъ пр. Исаи въ Четвергъ цвѣтной недѣли. Въ Паремейникъ 1271 г. (Публ. библ.) 11—12 ст. LXV Исаи читаются такъ: «Вы же оставышей Мя и забывшей гору святую Мою и готовящей Ро-

жаницамъ трапезу и исполняюще демонови чърпаніе, Азъ предамъ вы во оружіе». Въ сборникахъ подъ именемъ Златоустовъ это мѣсто читается съ толкованіемъ: «Вы же оставльше Мя и забывающе гору святую Мою и готовяюще трапезу Роду и Рожаницамъ, наполняюще бѣсомъ чръпанія; Азъ предамъ вы на оружіе и вси заколеніемъ падете... Сего ради тако глаголетъ Господь: се работающіи Ми ясти начнутъ, вы же взалчете, но тою сыти есте трапезою, яже готовасте Рожаницамъ. Се работающіи Ми пити начнутъ, вы же вжадаете, но то пійте, иже то исполнивасте чръпанія бѣсомъ», и пр. ⁽¹⁾. Выписки изъ этаго поученія встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ; вездѣ говорится о почитаніи Рода и Рожаницъ, о поставленіи имъ трапезы, о пѣсняхъ бѣсовскихъ въ честь ихъ. Отрывочныхъ мѣстъ объ этомъ почитаніи довольно много. Въ вопрошаніи Кирика говорится еще, что «Роду и Рожаницъ крають хлѣбы и сыры и медъ піютъ». Въ одномъ цвѣтникѣ Румянцевскаго Музеума ⁽²⁾ въ числѣ разныхъ суевѣрій упоминается: «съ робятъ первые волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе Рожаницамъ». Стараясь истребить въ народѣ языческія повѣрья, древніе обличители сопоставляютъ ихъ съ ученіемъ христіанскимъ. Такъ, въ одномъ сборникѣ духовно-нравственныхъ ста-

⁽¹⁾ Арх. Ист.—юрид. свѣд. кн. II, полов. 1-я статья Срезневскаго о Рожаницахъ.

⁽²⁾ Описан. Востокова ст. 551.

тей, изъ котораго выписки приводятся въ Архивъ г. Калачова, находится такое очень замѣчательное объясненіе Рода: «Вседержитель, иже единъ безсмертенъ и непогибающихъ Творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу: то ти не Родъ сѣдя на въздухъ мечеть на землю груды, и въ томъ заражаются дѣти, и паки ангелъ ли вдыхаетъ душу или паки иному отъ человѣкъ или отъ ангелъ судъ Богъ предасть, сице бо нѣцыи еретицы глаголють отъ книгъ срачинскихъ и отъ проклятыхъ болгаръ... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ» (*). Здѣсь Родъ прямо представляется въ значеніи оплодотворяющей силы неба, сѣдящимъ на воздухъ и бросающимъ на землю зародыши людей. Г. Тихонравовъ приводитъ слѣдующія замѣтки о Рожаницахъ изъ одной рукописи XIV вѣка: «Что есть требокладенъе идольское, еже рече св. Василій: не принимай приношенъя отъ требокладенъя идольскаго?—Не поганымъ глаголетъ, къ крестіаномъ. Мнози бо отъ хрестіанъ трапезы ставятъ идоломъ и наполняютъ черпала бѣсомъ. Кто суть идоли? Се первый идолъ Рожаницъ... А се второе Виламъ и Мокошь; и да ище ся не на явѣ молятъ, да отаи призывающе идоломольцъ бабы. Тоже творять не токмо худіи людіе, нѣ и богатыхъ мужій жены. Се же есть вельми злѣе, иже есть прикладати тропарь свя-

(*) Арх. Калачова кн. II. предислов. стр. 21.

тыя Богородиця къ идольствѣй трапезѣ» (¹). Последнія слова указываютъ уже на вліяніе Христіанства, которое, по мѣрѣ усвоенія его народомъ, производило затемнѣніе въ старинномъ миѣѣ.

Законная трапеза въ честь Рожаницъ въ христіанское время, какъ видится, теряла свое чисто-языческое значеніе; какъ при христіанскихъ праздничныхъ трапезахъ, при ней стали пѣть тропарь Богородицъ. Это обстоятельство, съ одной стороны, производило искаженіе миѣа, а съ другой—бросало тѣнь на почитаніе Матери Божіей. Честь, воздаваемая Рожаницамъ, переносилась на лице послѣдней. Отсюда явилось напр. такое толкованіе рожаничной трапезы, находящееся въ сборникѣ новгородской Софійской бібліотеки XV вѣка (²): «се буди вѣдомо всѣмъ, яко Несторій еретикъ научи трапезу класти рожаницкую, мня Богородицу чловѣкородицу. Святїи же отцы Лаодикійскаго собора, слышавше отъ ангела, зане Богу нелюботворимое то и святѣй Богородицѣ, писаніемъ повелѣша не творити того, да кто послушаетъ заповѣди св. отецъ спасенъ будетъ, аще ли кто не послушаетъ, отлученъ да будетъ». Правило это въ рукописи читается такъ: «глаголаше ангелъ: горе, горе чловѣкомъ тако творящимъ, иже есть ненависть Богу и на гнѣвъ Богородицѣ, иже отъ неразумья дѣюще неподобное и непотребное, мнящеся честь творящи

(¹) Лѣтоп. литерат. IV. Предисл. къ словамъ прот. язычества.

(²) Тамже.

Госпожи Богородици, ставяще трапезу крупичными глѣбы и сыры и черпала наполняюще вина добровоннаго, и творяще трепарь Рожьству, и подавающе другъ другу ядятъ и пѣють; и мнятся добро творяще и хвалу тѣмъ воздающе Владычици чистѣи, Ей же есть безчестіе и хула, виною рекше Рожьства. Нѣсть се честь двѣици Госпожи Богородици», и проч.

Всѣ эти обличенія почти буквально переписывались изъ древнѣйшихъ сборниковъ въ болѣе позднѣе, такъ что о Рожаницахъ встрѣчаемъ извѣстія въ XVII, даже въ XVIII вѣкѣ. Но отсюда нельзя заключать, что такъ долго хранился самый миѣ. Теперь отъ него не осталось никакой памяти въ народѣ. Это служитъ достаточнымъ ручательствомъ того, что онъ сталъ пропадать очень рано. Дѣйствительно старинные Азбуковники,—эти энциклопедическіе словари древней Руси,—въ объясненіи слова—Рожаницы, уже не совсѣмъ ясно понимаютъ его старинный смыслъ. Въ одномъ Рожденицы—«кумири елленстѣи, ихже погани волшебніемъ рожденія нарицаху быти»; въ другомъ предъ этимъ словомъ стоитъ такое объясненіе: «свято дня рожденія младенца, въ койже день кто родится, той нравъ и осудъ пріемлетъ»⁽¹⁾. Такимъ образомъ страшныя Судицы, дѣвы судьбы, славянскія Парки, были уже забыты. Рожаница, рожденіе—получили значеніе просто ро-

(¹) Арх. Калачова кн. II, полов. 1. О Рожаницахъ.

да въ смыслъ опредѣленія судьбы (на роду написано). Явилась и книга отреченная Рожденикъ—гороскопъ старины. Уже въ XVI вѣкѣ въра въ Рожаницъ слилась съ астрологическими суевѣріями, съ гаданіями по звѣздамъ. Домострой говоритъ, что въ его время върили «въ родословіе, рекше въ рожаницы и въ обояніе по звѣздословію». Азбуковникъ, помѣщенный въ «Сказаніяхъ р. народа» Сахарова, представляетъ такое объясненіе: «Рожаницы, тако Еллинстинъ звѣздословцы наричуть семь звѣздъ, глаголемыхъ планеты. И кто въ кую планиту родится, той по той планитѣ любопрется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коимъ естествомъ уклонителенъ будетъ». По изслѣдованіямъ гг. Срезневскаго и Афанасьева, мнѣ о Рожаницахъ дѣйствительно имѣлъ связь съ върованіемъ во вліяніе звѣздъ на участь человека: звѣзда, подъ которою раждался человекъ, была обиталищемъ дѣвы Судицы. Въ XVI и XVII вѣкахъ мнѣ получилъ исключительно астрологическое значеніе. Эта связь мнѣ о Рожаницахъ съ астрологическими върованіями была, можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ того, что астрологія нашла у насъ хорошій пріемъ и долго пользовалась почетнымъ мѣстомъ въ исторіи суевѣрій.

Сравнительное обиліе въ памятникахъ извѣстій о Родѣ и Рожаницахъ даетъ намъ возможность, хотя въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ, прослѣдить судьбу этого мнѣа подѣ влія-

ніемъ Христіанства. Относительно другихъ міеовъ нельзя сдѣлать и этихъ замѣтокъ. Обличенія въ служеніи Перуну, Хорсу, Дажбогу и пр., также долго переписываются въ нашихъ сборникахъ, но на самомъ дѣлѣ вѣрованіе уже потерялось. Съ XIV вѣка приблизительно обличенія пишутся по старой памяти, съ старыхъ образцовъ; мы не находимъ въ нихъ признаковъ отношенія къ дѣйствительности, — этихъ животрепещущихъ чертъ, которыми отличаются памятники древнѣйшаго времени. Въ народѣ пропала память объ именахъ древнихъ боговъ. Но когда и какъ это случилось, опредѣлить нельзя. Это зависитъ даже не столько отъ недостатка извѣстій, сколько отъ того, что дѣло христіанскаго образованія шло съ незамѣтною постепенностію, при томъ же на громадномъ пространствѣ русской земли, въ одномъ мѣстѣ скорѣе, въ другихъ медленнѣе, какъ мы это уже замѣтили выше.

На югѣ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, гдѣ дѣло новаго образованія шло успѣшнѣе, языческіе боги были забыты еще въ XII и XIII вѣкахъ. Не то было въ отдаленныхъ углахъ и захолустяхъ Руси. Въ концѣ извѣстнаго намъ слова св. Григорія мы уже видѣли ясное указаніе на это неравномѣрное распространеніе христіанскихъ понятій по разнымъ мѣстамъ. На окраинахъ, по свидѣтельству этого слова, еще продолжали тайкомъ молиться и Перуну, и Хорсу, и Мокошу, и Виламъ, продолжали ставить и незаконную тра-

пезу Роду и Рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіанамъ. Свѣжая память старой мифологіи по украинамъ поддерживала знаніе этой мифологіи и въ другихъ мѣстахъ; но потомъ эта память начала темнѣть и тамъ. Обличенія начинаютъ толковать просто объ идолослуженіи вообще и о разныхъ языческихъ обрядахъ безъ яснаго пониманія ихъ первоначальнаго смысла. Мы еще встрѣчаемъ имена боговъ, но онѣ уже смѣшиваются съ именами греческой мифологіи и одно замѣняетъ другое, кромѣ того искажаются такъ, что ихъ и узнать нельзя; напр. имя Хорса превращается въ Нахора. Въ одномъ «поученіи духовнымъ дѣтямъ»⁽¹⁾ встрѣчаемъ такого рода увѣщаніе: «уклоняйся предъ Богомъ невидимыхъ: молящихся челоуѣкъ Роду и Рожаницамъ, Перуну (Перуну) и Аполовину (Аполлону) и Мокоши и Перегини и всякимъ богомъ, и мерзкимъ требамъ не приближайся».

Само собою разумѣется, древній мифъ не могъ безслѣдно погибнуть въ сознаніи народа. Дѣло было не въ имени Перуна или Хорса, а въ самомъ воззрѣніи на ту силу или явленіе природы, которыя олицетворялись въ имени. Христіанство не могло скоро истребить этого воззрѣнія; этого можно было достигнуть только долгимъ путемъ перевоспитанія народа по христіанскимъ началамъ. Въ исторіи сліянія обихъ вѣръ первою степенью было замѣненіе вѣншей стороны мифа христіан-

(1) Арх. Калачова. кн. II, полов. 1. стр. 104.

скими формами, въ которыя такимъ образомъ облеклось содержаніе древнихъ вѣрованій. Предметы древняго поклоненія, не теряя своего прежняго значенія, получили христіанскія названія. Слѣдовъ такого сліянія христіанскихъ и языческихъ вѣрованій въ нашихъ памятникахъ и даже въ современныхъ повѣрьяхъ довольно много. Языческіе боги должны были сразу поблѣднѣть предъ единымъ верховнымъ Богомъ; они обратились во второстепенныя миѳическія существа, подчиненныя единому Богу. На этой степени язычество встрѣтилось съ христіанскимъ ученіемъ объ ангелахъ и святыхъ съ одной стороны и о демонахъ съ другой. Къ тѣмъ и другимъ какъ нельзя удобнѣе могли быть примѣшаны древнія понятія о бѣлбогахъ и чернобогахъ, тѣмъ болѣе что сознаніе новыхъ христіанъ, настроенное еще на политеистическій ладъ, не могло усвоить себѣ какъ должно высокой мысли о единомъ Богѣ, и по привычкѣ дробило эту мысль на частные образы, раздѣляло существо единого бога на множество личныхъ существъ, выражавшихъ отдѣльныя свойства Божества или Его управленіе отдѣльными частями природы.

Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого важнаго и обширнаго предмета, укажемъ только примѣры единственно для уясненія нашей общей мысли. Какъ на западѣ въ средніе вѣка пророкъ Ілія, св. Георгій и др. получили значеніе языческихъ героевъ, полубоговъ, побѣдителей Дракона, другіе святыя замѣнили боговъ и богинь,

наприм. св. Люція—Герту, норвежскій св. Олавъ—Тора, славянскій св. Витъ—Святовида, такъ и въ нашихъ простонародныхъ повѣрьяхъ и народной поэзи съ полуязыческими чертами являются пророки Илія, Георгій храбрый, св. Власій, Іоаннъ Предтеча и др. Въ знаменитой бесѣдѣ трехъ святителей читаемъ: «еста два ангела громная—еленскій старецъ Перунъ, Нахоръ (вариантъ—Хорсъ) есть жидовинъ; а два еста ангела молниина». Вотъ чѣмъ стали Перунъ и Хорсъ въ христіанское время,—второстепенными существами, ангелами. Нужно замѣтить, что у насъ въ большомъ ходу были гностико-богомильскія представленія объ ангелахъ, какъ міродержителяхъ и міроправителяхъ. Завесенныя изъ Болгаріи, эти представленія какъ разъ подошли подъ привычныя върованія въ стихійныхъ боговъ; это обстоятельство служило сильною поддержкою для языческаго склада мыслей народа. Въ большомъ ходу была и другая гностическая мысль на Руси,—мысль о самостоятельномъ представителѣ злаго царства—Сатанайлѣ. Восточный дуализмъ нашелъ себѣ хорошую почву въ старинныхъ представленіяхъ о языческихъ чернобогахъ и въ свою очередь поддержалъ эти представленія, передѣливая ихъ на христіанскій ладъ. Извѣстно сказаніе о томъ, что во время паденія съ неба злыхъ духовъ они были остановлены могучимъ словомъ архангела Михаила, и кто гдѣ летѣлъ, тотъ тамъ и остался, кто въ воздухѣ, кто въ лѣсу, кто въ

водѣ, кто въ избѣ. Это сказаніе дало опредѣленныя должности у нашихъ предковъ — христіанъ прежнимъ собирательнымъ божествамъ воздуха, лѣсовъ, водѣ, домовъ. Всѣ они превращены ими въ злыхъ духовъ. Такъ вся природа, раздѣленная прежде между бѣлобогами и чернобогами, подвѣлилась въ представленіяхъ предковъ нашихъ, по принятіи ими Христіанства, между духами добрыми и злыми, и къ нимъ перешло изъ язычества богатое наслѣдіе повѣрій, примѣтъ, заговоровъ, заклинаній, обрядовыхъ дѣйствій всякаго рода.

Около XIV вѣка борьба Христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе; она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло вполне осмыслиться ими. Все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе принимало значеніе суевѣрія, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами Церкви. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что вошло въ самую народность славянъ русскихъ. Даже христіанскія торжества Церкви получили языческія названія, наприм. Русальная

недѣля, Купало, Коледа и проч. Христіанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, большею частію въ демоновъ; но служеніе имъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозитъ среди христіанскихъ обрядовъ. Въ старинныхъ пѣсняхъ, которыми сопровождаются народныя праздники, слышимъ припѣвы, въ которыхъ уродливо сопоставляются Богородица и Троица съ дидомъ Ладомъ. Христіанскій праздникъ переходилъ въ открытый языческій разгулъ съ языческими обрядами, которыхъ нельзя было не узнать, хотя память объ ихъ значеніи и была затеряна; пастыри Церкви прямо называютъ ихъ невѣрными, погаными, идольскими, еллинскими. А тамъ, за предѣлами общественныхъ праздниковъ, таился цѣлый міръ тайныхъ суевѣрій, вѣрованій въ собирательныхъ духовъ водяныхъ, лѣшнихъ, домовыхъ, особое потаенное богослуженіе дома и семьи съ множествомъ суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ.

Какъ и прежде, пастыри Церкви съ тугою сердца жаловались на склонность народа къ прежнимъ празднествамъ и играмъ, и обличали его въ недостатокъ вѣры, въ поганствѣ. Слово Іоанна Златоустаго, изданное въ Лѣтописяхъ литературы⁽¹⁾, говоритъ, что «мнози суть слытьемъ крестіани, а обычаемъ и дѣлы, аки поганіи и невѣрніи». Въ этомъ словѣ перечисляются безпо-

⁽¹⁾ Кн. IV. Слово VIII. Списокъ акад. библіотеки въ Намарагѣ № 270 полнѣе. Приводимъ извлеченіе по нему.

рядки языческой жизни: «кощуны еллинскіе и басни жидовскія, и уродословія, и глумленія на улицахъ града, чарове же и волхвованіе сновъ, и потребу кумиру ядуще и кровь давлену звѣрину ядуще... плясаніе, плесканіе руку, пѣсни сото-нинскія и питіе излишно, блудъ, злоба, гнѣвъ» и пр. «Нѣсть лъзъ, продолжаетъ обличеніе, имен-новатися крестіанину се творяще. Тѣмъ, братія и сестры, останитесь поганыхъ творенія... Не лѣстите въ слѣдъ злыхъ и еллиномъ. Многи бо вѣрніи творятся, а не вѣдають, что есть крестіанство, како есть въ вѣрѣ и въ законѣ за-конено. Вижду убо не уныя токмо неистовы, но и старши, о нихже вельми тужю, егда вижду му-жа отъ сѣдинъ честна, дѣтя съ собою на позо-ры ведуще или въ пирѣ. Что сего горѣе есть? или что сего дѣла сквернѣе? Отецъ сына съ со-бою на зло ведетъ... Подобаеть бо намъ мольбы изъ славы Божіа скончавати жизнь свою всю, а ты же на ядъ и на пьянство и на мольбы и скверная словеса... Се горше поганыхъ, сото-нинско замышленіе: сей бо замыслилъ есть позоры, смѣхотворца, кощонники, и скоморохи изучи».

Во главѣ языческаго общественнаго богослу-женія, какъ мы знаемъ, стояли волхвы, потомъ гудцы, прегудницы, пѣсельники, плясцы и другіе люди, необходимые при совершеніи обрядовъ и распоряженіи праздничнымъ торжествомъ. Какъ представители язычества, волхвы въ началѣ дѣ-лали открытыя возстанія противъ Христіанства.

Съ XIII вѣка мы не видимъ уже этихъ возстаній,—знакъ, что Христіанство успѣло занять господствующее положеніе среди народа. Но еще долго спустя послѣ этого они продолжали удерживать за собою прежнее значеніе и пользовались благоговѣйнымъ уваженіемъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ. Поученія, пастырскія посланія и грамоты говорятъ о нихъ въ XVI и XVII вѣкахъ и при этомъ смотрятъ на нихъ не какъ на знахарей, колдуновъ, дѣйствовавшихъ силою діавола, но какъ на представителей язычества. По всему видно, что не забылось еще ихъ богослужбное значеніе, какъ служителей не однихъ злыхъ, но и добрыхъ божествъ.

Такъ, въ 1410 году м. Фотій писалъ къ новгородскому духовенству: «учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелья, ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каялись бы, а не имуть слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы не держали ихъ между себе нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ также отъ церкви отлучайте»⁽¹⁾. Спустя сто лѣтъ слишкомъ новгородскій архіепископъ Макарій долженъ былъ пи-

(1) Акт. Экспедиц. т. 1, № 369.

сать тоже самое духовенству Водской пятины. Это посланіе очень выразительно рисуетъ двое-
вѣріе новгородской укранны. «Сказывали мнѣ, что
деи въ ващихъ мѣстѣхъ многіе христіане, съ же-
нами и съ дѣтьми своими, заблудили отъ истин-
ныя христіанскія православной вѣры, о церкви
деи Божіи и о церковномъ правилѣ не брегуть,
къ церквамъ къ божественному пѣнію не ходять,
и къ вамъ деи ко отцомъ своимъ духовнымъ, ко
игуменомъ и попомъ, на покаяніе не приходятъ,
а молятся деи по сквернымъ своимъ мольбищомъ
древесомъ и каменію по дѣйству діаволу; среды
деи и пятка и святыхъ постовъ не чтятъ и не
хранятъ, и въ Петровъ деи постъ многіе ядятъ
скоромъ, и жертву деи и питія жрутъ и пѣютъ
мерзкимъ бѣсомъ, и призываютъ деи на тѣ свои
скверныя мольбища злодѣевыхъ отступникъ ар-
буевъ чудскихъ, и мертвыхъ деи они своихъ
кладутъ въ селѣхъ по курганомъ и по коломи-
щамъ съ тѣми жъ арбуи, а къ церквамъ деи на
погосты тѣхъ своихъ умершихъ они не возятъ
сохраняти; также деи у нихъ у которыхъ жены
дѣтя родятся, и они деи напередъ къ тѣмъ сво-
имъ родильницамъ призываютъ тѣхъ же сквер-
ныхъ арбуевъ и тѣ деи арбуи младенцемъ ихъ
имена нарекаютъ свойски, а васъ деи игуменовъ
и священниковъ они къ тѣмъ своимъ младенцомъ
призываютъ послѣ; а на кануны деи свои они
призываютъ тѣхъ же скверныхъ арбуевъ, и тѣ
деи арбуи и надъ каноны ихъ арбуютъ сквер-

нымъ бѣсомъ и смущаютъ деи христіанство своимъ нечестіемъ, и ихъ деи развращеннымъ ученіемъ тѣ христіане заблудивъ многая злочинья творили и до сего дни, и въ томъ ихъ нечестіи и злочиньи велика поношенья бываютъ истинныя христовы вѣры православному христіанству; а вы ихъ отъ таковыхъ злочиній не унимаете и не наказываете ученіемъ по церковному преданію на истинную христову вѣру православную, ино то вы, игумены и священники, не гораздо чините, что о своихъ духовныхъ дѣтей душахъ попеченія не имѣете и о ученіи не брежете ихъ. И азъ нынѣ слышахъ о таковыхъ неистовственныхъ дѣлѣхъ, въ тѣхъ христіанѣхъ бывающихъ, съ великимъ тѣченіемъ подвижся пѣти молебны соборомъ Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ о избавленіи прегрѣшенія ихъ да и воду святилъ съ животворящимъ Крестомъ и съ чудотворныхъ иконъ и съ св. мощей, да ту есмь воду послалъ къ вамъ въ ваши мѣста съ своимъ рождественскимъ священникомъ съ Ильею; а съ тѣмъ священникомъ съ Ильею послалъ есми своихъ дѣтей боярскихъ, а приказалъ есми у всѣхъ христіанъ, въ вашихъ мѣстѣхъ, тѣ скверныя мольбища вельмъ раззоряти и истребляти, огнемъ жещи, а христіанъ тѣхъ мѣсть вельмъ есми священнику Илиі наказывати и поучати на истинную православную христіанскую вѣру». Черезъ нѣсколько лѣтъ тоже повторялъ новгородскій архіепископъ Θεодосій въ своей грамотѣ въ ту же Водскую пятину ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Дополн. въ Акт. Истор. т. 1, №№ 28, 43.

Изъ этихъ грамотъ мы видимъ, что въ за-
холустьяхъ Руси, гдѣ еще не могло хорошенько
привиться Христіанство, въ XVI вѣкѣ волхвы
сохраняли все свое старое значеніе; они еще не
успѣли даже сдѣлаться колдунами, служителями
бѣсовъ, а были представителями старой вѣры,
наряду съ священниками призывались во всѣхъ
важнѣйшихъ случаяхъ жизни, которые освящают-
ся религіознымъ обрядомъ. Какъ само язычество
стояло еще самостоятельно наряду съ Христіан-
ствомъ, такъ и служители его стояли рядомъ съ
христіанскими пастырями. Нельзя не видѣть да-
же явнаго перевѣса на сторонѣ язычества, какъ
религіи отцовъ и дѣдовъ. Житель Водской па-
тины звалъ къ себѣ священника по обязанности,
по необходимости; его заставляли это дѣлать.
Но до священника, по внутренней религіозной
потребности, онъ звалъ къ себѣ арбуя или бабу
ворожею. Послѣ увѣщаній Макарія и Θεодосія
въ томъ же XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ запреще-
нія ходить къ волхвамъ, ворожить у нихъ, при-
нимать ихъ въ домъ и т. п.—въ Стоглавъ и До-
моостровъ. Но здѣсь уже не встрѣчаемъ указаній
на религіозно-богослужебное значеніе ихъ, какъ
въ приведенныхъ грамотахъ. Народная вѣра въ
волхвовъ стала развиваться въ другомъ направ-
леніи.

Прежде колдунъ, волхвъ, призывался въ ка-
чествѣ служителя боговъ; его дѣйствія имѣли зна-
ченіе религіознаго врачеванія, очищенія, благо-

словенія, молитвы и заклѣтія боговъ. Но когда язычество стало падать, когда въ народъ стала усвоиваться общая мысль проповѣдниковъ, что старая вѣра есть служеніе бѣсамъ и бѣсовское изображеніе, къ числу бѣсовскихъ козней, злыхъ обаяній, пагубныхъ чаръ отнесены были, разумѣется, и дѣйствія волхвовъ. На волхва, вѣдуна и вѣдму народъ взглянулъ, какъ на существа злобныя, исполненныя грѣха, которые продали бѣсу свою душу, дѣйствуютъ по его волѣ и его силою, какъ на рабовъ его. Всѣ принадлежности ихъ получили кудое, черное значеніе; у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, по которой они волхвуютъ среди черной ночи. Они дѣлаютъ одно только зло и людямъ и животнымъ, своими заговорами насылаютъ болѣзни, скрадьваютъ дождь, росу, свѣтъ, производятъ голодъ, безплодіе, вредятъ всѣмъ и всему (¹).

Такая перемѣна вѣрованій относительно волхвовъ произошла, разумѣется, не вдругъ. Изъ однихъ мѣстъ, гдѣ скорѣе усвоивалось Христіанство, еще отъ XI вѣка донеслись до насъ лѣтописныя извѣстія о томъ, что вѣдовство уже потеряло тамъ свое языческое значеніе. Лѣтопись Нестора рассказываетъ, что волхвы служатъ богамъ чернымъ, хвостатымъ, живущимъ въ бѣзднѣхъ подъ землею, или же антихристу. Въ другихъ мѣстахъ, какъ наприм. въ Водской пятинѣ

(¹) Развѣтіе этихъ мыслей см. въ Альман. «Комета», въ статьѣ г. Леонасьева «о вѣдунѣ и вѣдмѣ».

Христіанство не успѣло переработать народныхъ понятій и въ XVI вѣкѣ. Но какъ ни неодновременно было вліяніе Христіанства на кудесничество въ разныхъ мѣстахъ, слѣдствія были всегдѣ одинаковы. Народныя варованія не уничтожились въ борьбѣ съ Христіанствомъ, а только видоизмѣнились, получили другое направленіе, съ которымъ и вошли въ христіанское народное міросозерцаніе. Наряду съ благими дѣйствіями благодати Божіей и благихъ силъ неба народъ сталъ вѣрить въ колдовство, обаянія, дѣйствія злыхъ силъ ада. Проповѣдники Христіанства нашли здѣсь точку примиренія его съ язычествомъ. Они сами не отрицали возможности и бытія того, во что вѣрилъ добродушный славянинъ, а только признали вѣдовство злему началу. На этомъ и оставалось пока дѣло торжества Христіанства.

Наряду съ волхвами почти одинаково преслѣдовались другіе представители общественной стороны язычества, — скоморохи. Наши первыя описанія еще живо помнятъ ихъ языческое значеніе. «Діаволъ лѣститъ всяческими лѣстами, писалъ преп. Несторъ, превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслями и русальи»⁽¹⁾. Въ соборномъ опредѣленіи м. Кирилла (XIII в.) читаемъ: «пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще дражаще обичая треклятыхъ еллинъ, въ божественные празд-

(1) Полн. Собр. лѣтоп. 1, 72.

ники позоры нѣкаки бѣсовскіе творити съ сви-
 станіемъ и воплемъ, сзывающе нѣкаки скарედныя
 пьяница», т. е. скомороховъ ⁽¹⁾. Скоморохи пред-
 ставляются людьми разгульными, пьяницами; но
 эти пьяницы, какъ видно, не успѣли еще поте-
 рять уваженія въ народѣ. Не даромъ въ извѣст-
 номъ намъ словѣ христіанскаго ихъ пѣсни, гудь-
 ба, пляска ставятся наряду съ идольскою жерт-
 вою. Не даромъ духовенство, отлучая отъ при-
 чащенія разныхъ представителей язычества, ста-
 вить наряду съ ними и скомороховъ: «да от-
 лученъ будетъ обавникъ, чародѣй, скомрахъ, у-
 зольникъ», какъ говорится въ посланіи одного
 неизвѣстнаго епископа ⁽²⁾. Такой же взглядъ на
 скомороховъ существовалъ и въ XVI вѣкѣ, какъ
 въ этомъ можно убѣдиться изъ Домостроя и Сто-
 глава. Въ одной грамотѣ Троицкой лавры 1555
 года говорится: «не велѣли есмя имъ въ волости
 держати скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ во-
 рожей... А учнутъ держати, и у котораго сот-
 скаго въ его сотной выймутъ, и на томъ сот-
 скомъ и на его сотной взяти пени 10 рублевъ
 денегъ, а скомороха или волхва или бабу воро-
 жею... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости
 вонъ» ⁽³⁾. Свѣтское правительство прибѣгало къ
 тѣмъ же мѣрамъ, выгоняло скомороховъ изъ во-
 лостей наряду съ волхвами, именно съ XVI вѣ-

⁽¹⁾ Русск. Достопамят. т. 1.

⁽²⁾ «О скоморохахъ» г. Бѣлѣва. Временн. кн. XX.

⁽³⁾ Акт. Эксп. п. I, стр. 257.

ка; прежде оно иногда позволяло играть скоморохамъ. На его рѣшимость много имѣло вліянія духовенство, предложившее вопросъ о скоморохахъ на соборѣ 1551 года. Особенно строги стали мѣры противъ скомороховъ въ XVII в., при Алексѣ Михайловичѣ.

Но въ XVII и даже XVI вѣкѣ скоморохи потеряли уже свое старое значеніе, являются чѣмъ-то въ родѣ странствующихъ труппъ, которыя вездѣ предлагали свои услуги, гдѣ встрѣчалась надобность въ музыкѣ, пѣсняхъ и пляскѣ. Наприм. м. Данилъ въ одномъ поученіи говоритъ, что мужья приводили скомороховъ къ своимъ женамъ, чтобы разсвѣять ихъ въ скучной затворнической жизни. Въ Домостроѣ тоже упоминается объ этихъ скоморошскихъ представленіяхъ на дому. Скоморохи стали безразлично употреблять все, что могло веселить публику; они даже обратились въ шайки воровъ и бродягъ, которыя грабили по волостямъ, прикрывая свои продѣлки шутовскимъ ремесломъ ('). Если прежде народъ поддерживалъ скоморошество по старой религіозной памяти, то теперь, при затмѣніи этой памяти, онъ поддерживалъ скоморошьи игры, принималъ и кормилъ актеровъ, допускалъ ихъ участіе на своихъ праздникахъ единственно изъ потребности удалаго, находчиваго и разнообразнаго веселья.

Самые эти праздники мало по малу стухивались и превращались въ слабые остатки того,

(') См. стат. г. Бѣльева о скоморохахъ.

чѣмъ они были въ язычествѣ, такъ что судьба скоморошества шла въ этомъ случаѣ почти рука объ руку съ судьбою народныхъ праздниковъ и вообще общественнаго богослуженія. Говоримъ—почти, потому что обрядность языческая хранилась все таки дольше. Какъ бы ни сильно разшатался релігіозный обрядъ, онъ все таки долго пользуется, хотя уже безсмысленнымъ, безсознательнымъ, уваженіемъ въ народѣ; какъ окаменѣлый остатокъ старыхъ вѣрованій, онъ передается изъ рода въ родъ, и не исполнить его почитается суевѣрно—неловкимъ, чѣмъ-то въ родъ грѣха. Множество обрядовъ обратилось теперь въ пустую забаву, но эта забава обязательна; во всѣхъ мелочахъ она опредѣлена строгими обычаями, преступить которые никто не рѣшается. Время, мѣсто, пѣсни, игры—вся эта обстановка народнаго праздника—не измѣнна, такъ что изъ нея слова не выкинешь; народъ не помнитъ, почему и для чего все это такъ, но онъ благоговѣйно хранитъ старину, какъ она есть. Самая эта безпричинная и вмѣстѣ строгая обязательность обряда указываетъ на его прежнее релігіозное значеніе. Не удивительно, что борьба Христіанства съ язычествомъ дольше всего длится въ обрядовой области. Исчезли волхвы и другіе представители язычества, не было помину о прежнихъ богахъ; но не исчезъ старый обрядъ. Онъ являлся наряду съ христіанскимъ обрядомъ во всѣхъ народныхъ торжествахъ, такъ что послѣднія получили двойственный характеръ. Язы-

ческая и христіанская сторона ихъ находились одна къ другой въ различныхъ отношеніяхъ; сначала преобладала первая, потому что живѣе помнилась, больше возбуждала полужыическое чувство, чѣмъ непривычные, мало усвоенные обряды Христіанства; потомъ это отношеніе мѣняется. Христіанство беретъ перевѣсъ, и, по мѣрѣ привычки къ нему, старые обряды теряютъ смыслъ. Въ XVII вѣкѣ они обратились уже въ простую забаву и хранились по привычкѣ.

Памятники церковной дѣятельности противъ язычества отразили въ себѣ судьбу языческой обрядности, и для изслѣдователя этой судьбы въ высшей степени важны, хотя и представляютъ болѣею частію одно голое явленіе, одно указаніе на то, что совершалъ народъ въ извѣстное время, не указывая на то, сколько языческаго смысла соединялъ онъ съ своими обрядами. Последнее, очень важное обстоятельство, можно опредѣлить на основаніи этихъ памятниковъ только путемъ догадокъ и то съ большимъ трудомъ. Благочестивый обличитель языческихъ суевѣрій, какъ суздальскій акварелистъ, обыкновенно все окрашиваетъ одной краской, что ему ни попадется подъ руку; перечисливъ нѣсколько обрядовъ, онъ проводитъ по нимъ одну черту: все это бѣсовское изобрѣтеніе, такъ дѣлаютъ поганые. Мудрено вывести чтонибудь опредѣленное изъ подобной посылки. Съ другой стороны, обличеніе языческихъ суевѣрій переходитъ иногда

вообще въ нравственное увѣщаніе и въ памятники ни за что не уловишь раздѣлительной черты между обличеніемъ язычества и обличеніемъ чистонравственнаго безобразія того или другаго обряда. Наконецъ, самыхъ обрядовъ такъ много и ихъ судьба такъ различна: одинъ скорѣе потерялъ смыслъ, другой сохранилъ его во всей свѣжести еще въ XVII вѣкѣ, третій не потерялъ его даже доселѣ, а между тѣмъ обличенія ставятъ ихъ на одну доску. Только изрѣдка встрѣчаются явленія, которыя говорятъ сами за себя, да болѣе живое отношеніе къ предмету въ обличитель, болѣе подробное и свѣжее описаніе обряда можетъ отчасти опредѣлять степень жизненности послѣдняго.

Съ перваго раза нельзя не замѣтить, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ онъ, какъ и естественно ожидать, живѣе относится къ народной обрядности. Мелкія, мимоходныя черты, въ которыхъ описывается она, дышатъ жизнью и живо напоминаютъ языческое время. Позднѣйшія обличенія болѣе нравственнаго характера и болѣе общи по тону. Мы приведемъ нѣсколько важнѣйшихъ памятниковъ разнаго времени, слѣдя по возможности за постепеннымъ вымираниемъ язычества.

Мы уже говорили, что дѣятельность Церкви и правительства была главнымъ образомъ обращена противъ общественнаго богослуженія язычества. Прежде, чѣмъ искоренять языческія суевѣрія, примѣты, привычки, нужно было разо-

гнать сборища межи селы, прогнать съ улицы праздничную толпу, запретить моленья по священнымъ дубровамъ, при рѣкахъ, студенцахъ и другихъ святыхъ мѣстахъ язычества. Церковь дѣйствовала здѣсь вмѣстѣ съ правительствомъ. Точно также, какъ правительство ниспровергло кумиры, оно было призвано къ искорененію и другихъ остатковъ общественнаго богослуженія.

Изъ всѣхъ обрядовъ язычества естественно прежде всего и болѣе всего подверглись преслѣдованію обряды купальской ночи—этого самаго торжественнаго праздника славянской общины, съ его яркими кострами, чарами и шумнымъ разгуломъ, праздника, въ которомъ сосредоточился весь смыслъ славянскаго язычества. Въ 1505 году игумень псковскаго Елеазарова монастыря Памфиль писалъ намѣстнику Пскова князю Дмитрію Владиміровичу Ростовскому: «Господа ради послушайте словесъ грубости моея, вамъ бо есть держава и власть во градъ семъ Псковъ по Божъ и государь благовѣрномъ великомъ князи, государи нашемъ; и того ради явите вашу боязнь, яко православніи христіане, сѣцъ же къ Богу». Благочестивый игумень обращается къ гражданской власти съ просьбою объ истребленіи обрядовъ купальской ночи. Посланіе его замѣчательно по живому изображенію этихъ обрядовъ; мы видимъ здѣсь довольно полную картину языческаго торжества въ началѣ XVI вѣка... «Егда приходитъ великій праздникъ — день рождества

Предотечева, но и еще прежде того великаго праздника, исходятъ огазницы, мужіе и жены, чаровницы, по лугомъ и по болотомъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуще смертныя травы и привѣточрева, отравнаго зеля на пагубу чловѣкомъ и скотомъ, ту же и дивія коренія копають на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творять дѣйствомъ діаволемъ въ день предотечева, съ приговоры сатанинскими. Еще бо придетъ самый праздникъ Рождество предотечево, тогда во св. ту ночь мало не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣятся въ бубны и въ сопѣли и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играніи сатанинскими, плясаніемъ и плесканіемъ, женамъ же и дѣвѣмъ и главамъ киваніемъ, и устномъ ихъ непріязненъ кличъ, вся скверныя бѣсовскія пѣснѣи, и хребтомъ ихъ выхланіе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, такоже есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе. Что же бысть во градахъ и селѣхъ въ годину ту? Сатана красуется, кумирское празднованіе, радость и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе и величаніе діавола и красованіе бѣсомъ его въ людѣхъ. И того ради дригнется и возстанетъ непріязненная угодія, яко въ поруганіе и въ безчестіе Рождеству предотечеву и въ посмѣхъ и укоризну дни его, невѣдущимъ истинны; яко сущіи дремле и домослужни-

телие бѣсовскій праздникъ сей празднуютъ. Сице бо на всяко лѣто кумиротружественнымъ обычаемъ сатана призываетъ, и тому, яко жертва, приносятся всяка скверна и беззаконіе, богомерзкое приношеніе; а не яко день Рождества Предтечи празднуютъ, но своимъ древнимъ обычаемъ». Далѣе перечисляются добрыя дѣла, которыми нужно чтить христіанскій праздникъ. «Вы же, государи наши, благочестивыи власти суще, грозная держава христіанскаго государя нашего, заключаетъ посланіе, молю уймите храбростію мужествомъ вашимъ отъ такового начинанія идольскаго служенія богозданный народъ сей, творящая злая бѣсовская угодія въ день предтечевъ» ('). Такимъ образомъ языческое служеніе вполне сохранилось въ началѣ XVI вѣка и даже преобладало надъ христіанскимъ; народъ праздновалъ день Рождества Предтечи не похристіански, а «своимъ древнимъ обычаемъ», какъ древній праздникъ Купалы.

Тѣже слѣды грубаго язычества мы видимъ въ описаніяхъ стоглаваго собора 1551 года. Стоглавъ также особенное вниманіе обращаетъ на Купалу и вообще болѣе торжественные праздники лѣтняго полугодія. 41, 92 и 93-я главы служатъ драгоценнымъ памятникомъ русской дохристіанской старины. Здѣсь разсказывается, что повсемѣстно происходили «о велицѣ дни оклички»

(') Полн. Собр. лѣтоп. IV. 279.

на Радуницы, выюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе. А въ Великій Четвертокъ порану солому плять и кличуть мертвыхъ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ наливки бѣсовскія потѣхи дѣяти. Въ Троицкую субботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ; и егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскія пѣти на тѣхъ же жальникахъ. Русальи о Ивановѣ дни и въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на ночное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на богомерскія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе; и егда мимо ночь ходитъ, тогда отходятъ къ рѣкѣ съ великимъ кричаніемъ аки бѣсни и умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя и падаютъ аки мертвыи отъ великаго клопотанія». Вотъ еще описаніе главныхъ праздниковъ въ 92 и 93 главъ: «еще же мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ еллинское бѣсованіе, различныя игры и плесканіе противъ праздника Рождества великаго Ивана Предетечи въ нощи и на самый праздникъ въ весь день и ночь. Мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по

улицамъ обходя и по водамъ глумы творятъ всякими игры и всякими скомрашства и пѣснями сатанинскими и пляснями и гусльми и иными многими виды и скаредными образованіи, еще же и пьянствомъ. Подобна же сему творятъ во днехъ и въ навечеріи Рождества Христова и въ навечеріи Василия Великаго и въ навечеріи Богоявленія, а индѣ инымъ образомъ таковая дѣла творятъ. Въ Троицкую субботу и заговѣвъ Петрова посту въ первый понедѣльникъ ходятъ по селомъ и по погостомъ и по рѣкамъ на игрища... Отрицаютъ вся божеств. писанія и свящ. правила всякое играніе и зерни и шахматы и тавлеи и гусли и смыки и сопѣли и всякое гудѣніе и глумленіе и позорище и плясаніе.. сицѣ же и женская въ народѣхъ плясанія, яко срамна суща и на смѣхъ и на блудъ возставляюща многихъ; такожде мужемъ и отрокомъ женскимъ одѣяніемъ не украшатися, ниже просто женская одѣянія носить, ни женамъ въ мужеская одѣяніе облачитися, такоже неподобныхъ одѣяній и пѣсней плясцовъ и скомраховъ и всякаго козлогласованія и баснословія ихъ не творити; егда же вино топчуть или егда вино въ сосуды преливаютъ или иное кое питіе сливаютъ, гласованіе и вопль великій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести». Для уничтоженія всѣхъ подобныхъ остатковъ язычества соборъ положилъ всюду разослать запретительные царскіе указы и преслѣдовать нарушителей ихъ градскимъ судомъ.

Мѣры Стоглава составляютъ эпоху въ исторіи языческихъ обрядовъ и суевѣрій. До XVI вѣка правительство и Церковь дѣйствовали урывками, мѣрами мѣстными. Удѣльность Руси и постоянныя бѣдствія страны не допускали постоянныхъ, неуклонныхъ и повсемѣстныхъ мѣръ. Теперь, когда Русь вся собралась подъ державою одного царя, когда вмѣстѣ съ тѣмъ и Церковь сосредоточила свои силы въ рукахъ московскаго митрополита, правительство и Церковь подвели итогъ ко всей старой жизни, стали собирать свѣдѣнія со всехъ краевъ Руси нужныя для того, чтобы исправить неправоe и ввести общій церковный и гражданскій законъ по всей странѣ. Отъ этого свидѣтельство Стоглава, съ одной стороны, имѣетъ уже не частный характеръ, относится не къ одной какой нибудь мѣстности, каковы памятники прежняго времени, наприм. посланіе Памфила, а характеръ повсюдный; съ другой стороны мѣры, принятыя на этомъ соборѣ, были началомъ рѣшительнаго уничтоженія суевѣрій со стороны того и другаго правительства. Даже въ худыхъ сельскихъ номоканунцахъ XVI в. мы встрѣчаемъ рѣдкія обличенія язычества. «Не льпо есть еллинскихъ преданій ходити и праздники нечестивыхъ имѣти; яже отъ крестьянъ со тщаніемъ творятъ въ градѣхъ и въ весѣхъ, не вѣдятъ ся гибнуче. Нѣсть достойно намѣняти кобій и звѣздъ, ни срящи вѣровати, ни чоку, ни иному подобну тѣмъ, ни родѣству части нарицати... Нѣсть

достойно високоснаго лѣта блюсти на саженіе вина, ни во ино вся дѣло, ни налугнаго растенья, ни нарицати дне зла, уклонятиже ся звѣздочетца и кудесника... нелѣпо коледовати, ни русальи играти, ни индиктъ чести, ни праздновати въ ня; не есть лѣпо іудейскихъ праздникъ держати, ни иного ничего же сотворимаго по закону ихъ, ни праздновати субботъ ихъ, ни входа лѣтняго, ни праздновати зажиналью» и проч. «Аще кто въ первый день Генваря на Коледу идетъ, якоже первіи поганіи творяху, 3 лѣта постъ, да покается о хлѣбѣ и о водѣ, яко отъ скотины есть игра та» (1).

Народные праздники и обряды, прежде легко укрывавшіеся среди общей безурядицы отъ всякаго надзора, въ XVI в. были сильно стѣснены, и суевѣріе волею—неволею должно было оставлять улицы и поля, прятаться подъ семейный кровъ, гдѣ его меньше трогали. Это стѣсненіе не могло не имѣть значительнаго вліянія на судьбу самихъ обрядовъ; они должны были мало по малу терять свой смыслъ. Въ XVII в. встрѣчаемъ постоянное преслѣдованіе остатковъ язычества и въ то же время замѣчаемъ, что старыя обряды вымираютъ; множество ихъ изъ области религіи переходитъ въ область обыкновенныхъ народныхъ увеселеній; и обличеніе относится къ нимъ уже просто въ нравственно-поучительномъ тонѣ.

(1) См. въ «Памятн. отреч. летератъ. Тихонравова» во II томѣ.

Скорѣ другихъ праздниковъ испыталъ на себѣ разрушающее дѣйствіе Христіанства торжественный праздникъ Купалы. Къ XVII вѣку относится замѣчательная повѣсть, приведенная въ очеркахъ г. Буслаева ⁽¹⁾, о томъ, какъ были однажды наказаны праздновавшіе Купалу въ смоленской области. «Соизволилъ Господь Богъ обличить ихъ въ поученіе челоувѣкамъ и послалъ къ нимъ св. В-муч. Георгія. Святый явился имъ и говорилъ, чтобы они престоли отъ такового бѣснованія; но они нелѣпо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклиналъ ихъ, и всѣ они тотъ часъ же окаменѣли и донинѣ на полѣ томъ видимы стоятъ, какъ люди, въ поученіе намъ грѣшнымъ; чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вѣчную». Происхожденіе и смыслъ праздника быстро забывались. Потребникъ 1639 года описываетъ торжество купальской ночи: «нѣцый же пожаръ запаливъ прескакаху», и прибавляетъ неопредѣленно: «по древнему нѣкому обычаю». Г. Снѣгиревъ приводитъ еще такое же неопредѣленное объясненіе одного іерея XVII вѣка: «обычай отъ поганныхъ въ честь идоловъ чрезъ огонь скакати и на реляхъ колыхатися» ⁽²⁾. Темная память о языческомъ происхожденіи праздника побудила Иннокентія Гизеля выдумать особаго идола Купалу. «Пятый идолъ Купало, пишетъ онъ въ

⁽¹⁾ Очерки т. II, стр. 14.

⁽²⁾ Русск. простон. праздни въ описаніи Купалы.

своемъ Синописѣ, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестию бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы въ началѣ жива приношаху. Того же Купало бога, истиннѣ бѣса, и доселѣ еще по нѣкимъ странамъ россійскимъ память держится; наипаче же въ навечеріи Рождества Іоанна Крестителя, собравшеся ввечеру юноши мужеска, дѣвическа и женска пола, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще на томъ бѣсовскомъ игрищѣ кладутъ и огонь, и окрестъ его емшеся за руцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огонь прескачуще, самихъ себя тому же бѣсу Купалѣ въ жертву приносятъ». Совершенно такое же, почти дословное, описаніе и объясненіе праздника Купалы находимъ въ Густынской лѣтописи 1670 года ⁽¹⁾.

Въ началѣ XVIII вѣка было уже искажено и объясненіе Гизеля. Купало безъ дальнихъ хлопотъ производили отъ *купаться*, и прилагали это названіе къ воднымъ обрядамъ народа вообще. Въ указѣ 1721 года 17 апрѣля говорится: «понеже въ Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ россійскомъ государствѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ, происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно, во всю свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливаютъ водою

(1) Полн. собр. лѣтопис. т II, стр. 257.

и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ; и хотя сіе простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ оной суетной забавы дѣется не токмо здравію, но и животу человѣческому тѣста; ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обліаніемъ ума лишаютъ; кому же будтобы вспоминаютъ мерзкихъ идоловъ, въ нихъ же бѣ нѣкій идолъ Купало, ему же на великъ день (?) приносили жертву онымъ купаніемъ, о чемъ пространно зрится въ лѣтописцѣ кievскомъ. Но понеже во оныя времена россійскій народъ еще несовершенно воспріалъ св. православную вѣру и въ ней некрѣпко утвердился, а нынѣ уже милосердіемъ Божиимъ оный во благочестіи сіяетъ, а помянутаго обычая невѣжды оставить не могутъ: того ради оный богопротивный и живетъ человѣческій вредящій обычай весьма упразднить, и впредь того въ россійскомъ государствѣ отнюдь не было бы». Въ настоящее время купальскіе огни во многихъ мѣстахъ совершенно потухли, да и трудно найти мѣстность, гдѣ обряды купальской ночи не были бы искажены и перепутаны съ обрядами, другихъ праздниковъ. Одно только собираніе травъ и вѣрованіе въ ихъ необыкновенную, чародѣйную силу, во всей свѣжести сохранившееся въ народѣ, представляетъ собою чистый остатокъ языческой старины.

Также почти совсѣмъ истребились обряды другого лѣтняго праздника—Ярилы. Его циничность и грубость навѣрное давно обратили на него вниманіе Церкви, хотя въ памятникахъ ничего не говорится о немъ. Въ XVIII вѣкѣ онъ оставался уже въ немногихъ мѣстахъ и обратился въ простую народную забаву. Сохранялось только смутное преданіе о его языческомъ происхожденіи, о которомъ судили болѣе по догадкамъ. «Изъ обстоятельствъ онаго (праздника), говоритъ святитель Тихонъ воронежскій, видно, что древній нѣкакій былъ идолъ, прозываемый именемъ Ярилы, который въ сихъ странахъ за бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія. А иные праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ старыхъ людей слышу, называютъ игрищемъ, которое издавна началось и годъ отъ году умножается, такъ что люди ожидаютъ его, какъ годоваго торжества». Стараніями святителя онъ совершенно оставленъ въ его епархіи.

Мы видѣли, какъ Стоглавъ возставалъ противъ Троицкаго гулянья и обрядовъ. Точно также, какъ о купальскомъ хороводѣ, сложилось въ народѣ сказаніе объ окаменѣніи хоровода троицкаго. По свидѣтельству г. Снѣгирева, въ Тульской губерніи на берегу красивой Мечи есть круговидная группа камней. Въ народѣ говорятъ, что это троицкій хороводъ, ударомъ грома превращенный въ камни во время самой пляски.

Церковь очень строго преслѣдовала троицкіе обряды. Патріархъ Адріанъ въ инструкціи старостамъ поповскимъ 1697 года предписываетъ не хоронить тѣхъ, которые играя утонуть или убьются съ качели ⁽¹⁾.

Вообще дѣятельность Церкви главнымъ образомъ направлялась противъ лѣтнихъ праздниковъ, какъ болѣе общественныхъ. Отъ этого остатки язычества здѣсь скорѣе истребились, чѣмъ изъ народныхъ праздниковъ зимняго полугодія. Тайнственный праздникъ Коляды, въ которомъ сосредоточенъ чуть не весь кругъ суевѣрій, гаданий, народнѣйшихъ обрядовъ, еще доселѣ живо напоминаетъ языческое время. Церковная дѣятельность направлялась противъ языческихъ обрядовъ праздника только тогда, когда послѣдній выходилъ изъ семейной среды наружу, на улицу. Стоглавъ наприм. обращаетъ свое вниманіе на безчинный говоръ, нощное плещеваніе, пѣсни бѣсовскія, скаканіе и бѣсовскія игры. Какъ трудно было вывести язычество изъ предѣловъ дома, видно между прочимъ изъ того, что тотъ же благочестивый царь Иванъ Васильевичъ Грозный, который собралъ стоглавый соборъ и на немъ предложилъ вопросъ объ искорененіи языческихъ обычаевъ, самъ съ своими опричниками въ маскахъ, въ пьяномъ видѣ проводилъ святки не хуже кого другаго и даже казнилъ князя Репнина за то,

⁽¹⁾ Полн. Собр. Закон. т. III, № 1612.

что важный бояринъ не позволилъ надѣть на себя личины.

Въ 1628 году указано было: «кликать бирючу по рядомъ и по улицамъ и по-слободамъ и въ сотняхъ, чтобы съ кобылками не ходили и на игрища бы мірскіе люди не сходилися, тѣмъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было, и Коledы бы и Оvsеня и плуги не кликали; а кто учнетъ сего государева указу ослушаться, и тѣмъ людемъ быть отъ государя царя и вел. князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи въ опалѣ, а отъ великаго государя Филарета патріарха московскаго и всея Русіи въ запрещеніи и въ духовномъ наказанъ⁽¹⁾. Не смотря на такую строгость, празднованіе Коляды и Авсеня благополучно продолжало совершаться со всею своею обстановкою. Даже въ самой Москвѣ, около кремля и въ кремль, по всѣмъ улицамъ, переулкамъ и слободамъ, какъ вѣдомо учинилось государю въ 1649 году, въ навечеріи Реждества Христова кликали Коledу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, пѣли бѣсовскія пѣсни, собирались на игрища бѣсовскія, ходили пьяные по улицамъ, даже попы и иноки. Тогда тоже велѣно кликать бирючу по многіе дни, чтобы такъ не дѣлали, а кто ослушается, тотъ будетъ отъ государя царя въ великой опалѣ и жестокомъ наказанъ⁽²⁾.

(¹) Акт. истор. т. III, № 92. х.

(²) Москвит. за 43 г. № 1, стр. 237.

- Въ 1684 году встрѣчаемъ новый указъ патр. Іоакима, которымъ запрещались «скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова. Тогда, пишется здѣсь, не наказаніи мужеска полу и женскаго, собрався многимъ числомъ, отъ старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и дѣвки ходятъ по улицамъ и переулкамъ, къ бѣснованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложнымъ ими, многія сквернословія присовокупляютъ и плясаніе творятъ на разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и преображающеся въ неподобная отъ Бога созданія; образъ человѣческій премѣняюще, бѣсовское и кумирское личатъ, косматые, и иными бѣсовскими ухищренными содѣянные образы надѣваяще, плясанными и прочими ухищренными православныхъ христіанъ прельщаютъ; такожь и по Рождествѣ Христовѣ въ 12 днѣхъ до крещенія Господа нашего Іисуса Христа таковая жъ бѣсовская игралица и позорища содѣваютъ». Въ то время, какъ Церковь истребляла шумныя игры и сборища, болѣе скромныя святочныя игры ускользали отъ ея дѣятельности. Даже святочныя гаданія, не смотря на постоянное преслѣдованіе волшебства, оставались во всей цѣлости не только въ городахъ и сельскихъ пріютахъ, но въ царскихъ теремахъ, гдѣ царевны святошничали и гадали съ своими сѣнными дѣвушками и боярынями (*).

(*) Снѣгир. «Русск. престоляр. праздники» въ описаніи Комеды.

Даже широкій разгулъ масляницы успѣлъ уцѣлѣть отъ преслѣдованія ревнителей вѣры. Одинъ изъ иностранныхъ писателей въ концѣ XVII вѣка пишетъ: «масляница начинается за 8 дней до великаго поста. Въ то самое время, когда всякій съ сердечнымъ раскаяніемъ долженъ бы былъ приготовляться къ созерцанію страданій Христовыхъ, въ то время эти заблудшіе люди предають душу свою дьяволу. Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, развратъ, игра и убійство, такъ что ужасно слышать о томъ всякому христіанину. Въ то время пекутъ пирожки, калачи и т. п. въ маслѣ и на лицахъ; зазываютъ къ себѣ гостей и упиваются медомъ, пивомъ и водкою до упаду и безчувственности. Во все время ничего болѣе не слышно, какъ того-то убили, того-то бросили въ воду. Въ бытность мою у русскихъ на этой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе 100 человекъ. Нынешній патріархъ давно уже хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ, однакоже онъ сократилъ время его на 8 дней, тогда какъ онъ продолжался прежде на 14 дней» (1).

Трудно опредѣлить, насколько соединялось мнѣніе воспоминаній и смысла въ XVII вѣкѣ со всѣми уцѣлѣвшими тогда остатками языческой старины. По всей вѣроятности, и тогда было тоже, что въ настоящее время. Языческій

(1) Сильиръ. В. простовар. праздн. т. II, 118.

смыслъ обряда былъ потерянъ, но осталось привычное благоговѣніе къ обряду, суевѣрное уваженіе къ нему,—слѣдствіе отжившаго религіознаго настроенія души. Поученія и другіе памятники ничего не говорятъ объ этомъ; они съ равною силою преслѣдуютъ и дѣйствительно-языческій обрядъ и простую народную пѣсню или игру. Слишкомъ строгій и благочестивый взглядъ на вещи вездѣ видѣлъ бѣсовское наважденіе. Можно обратить вниманіе только на то, что поученія, обличенія и грамоты XVII вѣка исключительно бьютъ на нравственную сторону дѣла, а не выставляютъ на видъ языческаго происхожденія обряда или пѣсни, между тѣмъ какъ раньше мы видѣли совершенно обратное явленіе. Это даетъ поводъ заключать, что и на самомъ дѣлѣ христіанское чувство поражалось остатками старины только съ нравственной стороны. Отъ этого обличенія и мѣры духовной власти наряду преслѣдуютъ и остатки язычества и обыкновенную забаву народа въ родѣ пляски медвѣдей или кулачнаго боя. Приведемъ примѣры.

Въ 1636 году напр. Іоасафъ писалъ: «на праздники Владычни и Богородичны и нарочитыхъ святыхъ, въ нихже бо суть подобаетъ православнымъ христіаномъ праздновати и веселитися духовно и, приходя къ церкви Божіей, молитися и со страхомъ и благоговѣніемъ стояти и духовная слова божественныхъ писаній со вниманіемъ послушати... въ насъ же сія небре-

гома и яко что неистинно дѣло презираемо, и вся противно творимъ и ругательно праздникомъ Господнимъ, вмѣсто радости духовной въздѣланіе творять радости бѣсовской, и воспріимше не празднственные праздники, еже суть угодное діаволу творяще и ходяще по воли сердець своихъ, ходяще по улицамъ, въ народъ безчинствующе, пьянствующе, наругающесе праздникомъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспріимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвидчикомъ и скомрахомъ и въ улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти; и о тѣхъ праздницѣхъ, сходящесе многіе люди, не токмо что молодые, но и старыя, въ толпы ставятся и бывають бои кулачныя великіе и до смертнаго убойства, и въ тѣхъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ, и всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, еллинскихъ блядословій и кощунъ и игоръ бѣсовскихъ; и вѣдять удавленныя, и по торгомъ продають удавленные гуси и утята и тетерева и зайцы, ихъ же отнюдь не подобаетъ православнымъ христіаномъ ясти; да еще другъ друга лають позорною бранію, отца и матеръ блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною самою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ» (').

(') Акт. Эксп. III, № 264.

Въ грамотѣ Алексія Михайловича 1649 года, которую мы приводили, наряду съ кликаньемъ плуга, Коледы и Усени, съ бѣсовскими играми и пѣснями, находимъ запрещеніе, чтобы всякаго чина люди «въ субботу въ вечеру противъ воскресныхъ дней и въ праздники бань не топили, и въ воскресные же дни и по господскимъ праздникомъ платья не мыли, и пьяные не ходили, и бородъ не брили, на качеляхъ не качались, до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли и по улицамъ не разносили, на игрища не сходились», также чтобы не ходили по улицамъ игрецы бѣсовскіе—скоморохи съ домрами и съ дудами и съ медвѣди, чтобы хозяйки не ругались надъ хлѣбомъ—даромъ Божиимъ, не пекли всяко животное скотское и звѣрино и птичье. Здѣсь преслѣдуются чисто-нравственные безпорядки съ благочестивой точки зрѣнія тогдашняго времени.

Особенно выразительна и любопытна память верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго прикащику ирбитской слободы (1649 года), какъ по смѣшенію въ ней остатковъ язычества съ нравственными безпорядками, по изображенію понятій того времени о благочестіи, такъ и по обилію важныхъ указаній касательно народныхъ вѣрованій и обычаевъ. Государю вѣдомо учинилось, читаемъ въ этой памяти, что «въ Сибири, въ Тобольску и въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти, въ воскресные и господскіе дни и

великихъ святыхъ во время свящ. пѣнія къ церквямъ. Божиимъ не ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми; и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанѣхъ учинилось многое неистовство: многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣхъ прелестниковъ, скомороховъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужскаго и женскаго полу, въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ бываютъ со многими чародѣйствомъ и волхвованіемъ, и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прельщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ свой призываютъ и къ малымъ дѣтѣмъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія православныхъ христіанъ отлучаютъ; да въ городѣхъ же и уѣздѣхъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужскаго и женскаго полу по зорямъ и въ нощи чародѣйствуютъ, съ солнечного схода перваго дни луны смотрятъ, и въ громное громленіе на озерахъ и рѣкахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здравія, и съ серебра умываются, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, и зерною и

карты и шахматы и лодыгами играютъ, и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе и поютъ бѣсовскія пѣсни, и на святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а о Рождествѣ и до Богоявленіева дни сходятся мужского и женскаго полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, по дьявольской прелести, во многое бѣсовское дѣйство, играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріи Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клочки бѣсовскія клочутъ, Коледу и Таусень и плугу; и многіе чловѣцы неразумьемъ вѣрують въ сонъ и въ встрѣчу и въ полазъ и въ птицей грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небымыя, и празднословіемъ и смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ души своя губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами, и накладываютъ на себя личины и платье скомошеское, межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ, и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадываютъ и незапною смертію умирають, и въ той прелести хрістіане погибають, и съ качели многіе убиваются до смерти. Да въ городѣхъ же и у узднѣхъ людей у многіхъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бѣсовскими играми, и уклоняются православные хрістіане къ бѣсовскимъ прелестямъ и ко пьянству. Дале запрещается «лить воскъ и одово, заводить кулачные бои и держать въ домахъ дѣмры

и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды»⁽¹⁾.

Пересматривая подобныя увѣщанія и запрещенія, мы легко можемъ сѣдять о слѣдствіяхъ ихъ. Вся они, равно какъ и полицейскія мѣры правительства, быють именно на ту сторону язычества, которая была особенно слаба и не развита, которая вовсе не составляла его сущности, на внѣшнюю общественную его сторону. Мы видѣли, что она только еще устанавливалась, только еще выходила съ опредѣленными очерками изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ межъ селы; очень не мудро, что ее легко было опять обратить въ ея первобытное состояніе, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность Церкви не коснулись или слегка, тоже только снаружи, коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студенцѣ, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косою и сохою; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагѣ въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашняго обихода

(1) Акт. Истор. IV, № 33.

были окружены множеством обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали внѣшнія мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія Церкви, батоги и опалы государства проносились въ воздухъ, не задѣвая этого темнаго мірка политеистическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозъ, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтителіи народа, разрушая кумиры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно разширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи Христіанства. Только тамъ уничтожалось язычество, гдѣ Христіанство его замѣняло, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усваивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возвышалось новое зданіе Христіанства на старой почвѣ, не очищенной образованіемъ, эта почва всегда подновляла и оживляла свои обычныя произрастенія, и пробивались они изъ подъ давящаго ихъ зданія во всѣ стороны, лезли во всѣ его щели и незамазанныя мѣста.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества,—христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрные понятія на-

рода. Какъ бы мы ни старались доказывать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, трогательною заботливостію о томъ Церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей,—низшаго духовенства. Мы видимъ въ низшемъ духовенствѣ главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросъ о народномъ образованіи нужно брать во вниманіе именно эту силу, а не высшую іерархію, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всѣ времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія даже на низшее духовенство.

Низшее духовенство было плоть отъ плоти и кость отъ костей простонародья. Когда приходская сходка разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго челоуѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣ, извѣстнаго по всему околodu. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ ус-

воилъ лучше всѣхъ. Въ этомъ родѣ идетъ непрерывный рядъ отзывовъ о духовенствѣ въ теченіи всего времени древне-русской исторіи, когда поднимался вопросъ о христіанскомъ просвѣщеніи народа, начиная съ извѣстнаго посланія Геннадія новгородскаго и свидѣтельства Стоглава до жалобы собора 1667 года, въ которой прямо сказано, что «во свѣщенство ставятся невѣжды, ниже ниже скоты пасты умѣютъ, не токмо людей». Вотъ почему въ обвиненіяхъ противъ язычества замѣшаны, какъ выражается слово христіолюбца, «не только невѣжи, но и вѣжи, попове и книжники». Стоглавъ и разнаго времени статьи объ отреченныхъ книгахъ рассказываютъ, что духовенство участвовало въ народныхъ суевѣріяхъ наравнѣ съ простонародьемъ, даже распространяло ихъ въ своихъ худыхъ сельскихъ мануканунцахъ и толстыхъ сборникахъ рафлей, живыхъ молитвъ, заговоровъ и т. п. Въ монастыряхъ попадались ловкіе иноки и послушники, которые имѣли большое вліяніе на народъ и «впадали въ ересь и въ чернокнижное звѣздовство, въ призываніе нечистыхъ духовъ, и отреченіе отъ Бога у нихъ вынимали» (*). Въ житіи Никиты Переяславскаго рассказывается, какъ одинъ деревенскій знахарь поступилъ въ монастырь и, продолжая здѣсь свои старыя занятія, многихъ людей прельщалъ своимъ лукавствомъ. Когда больные приходили къ

(*) Дополн. А. Истор. 4, № 151.

св. Никитѣ для исцѣлѣнія, онѣ говорилъ: «что понапрасну тратитесь? Приходите лучше ко мнѣ! Когда я еще въ міру жилъ, многія болѣзни врачевалъ и нечистыхъ духовъ своимъ волшебствомъ прогонялъ, не только человѣкамъ, но и скотамъ помогалъ⁽¹⁾. При церквахъ, среди приходскаго клира, шла цѣлая фабрикація разнаго рода суевѣрныхъ тетрадей, которыя по заказу составлялись членами клира и дѣтьми ихъ, которые находили въ этомъ промыслѣ и выгодную доходную статью, и поддержку своего значенія въ народѣ⁽²⁾. Такимъ образомъ то, что старалась разрушать правительственная часть духовенства, поддерживалось низшимъ духовенствомъ, которое имѣло неоспоримо большее вліяніе на народъ.

Въ житіи св. Иринарха Борисоглѣбскаго читаемъ такого рода расказъ, который показываетъ, какъ трудна была борьба съ языческими суевѣріями даже въ XVII вѣкѣ. «Однажды пріѣхалъ святой въ Переяславль и сталъ у Никитскаго монастыря на конюшенномъ дворѣ; и послалъ по дьякона Онуфрія, а самъ пошелъ къ чудотворцу Никитѣ помолиться и приложиться у его гроба. А дьяконъ въ то время очень изнемогалъ студенью трясовичною, и отъ нестерпимой студени влезалъ въ печь, чтобы согрѣться. И была та болѣзнь по силѣ и дѣйствию самаго

⁽¹⁾ Очерки Бусл. т. II, стр. 51.

⁽²⁾ А. Эксп. III, № 176. Дополн. А. ист. III, № 99.

діавола. Былъ въ городъ за Борисомъ и Глѣбомъ потокъ, а въ потокъ лежалъ большой камень, и вселился въ тотъ камень бѣсъ и творилъ свои мечты. Привлекалъ къ себѣ изъ Переяславля мужей, женъ и дѣтей; и сходились къ этому камню въ праздники великихъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, съ году на годъ, и творили камню почестъ. Увѣдавъ о томъ, препод. Ирinarхъ ревностію разжегся и велѣлъ дьякону Онуфрію тотъ камень въ яму вринуть и землею зарыть, чтобы христіане къ камню не приходили и не творили ему почести. Діаконъ Онуфрій исполнилъ повелѣніе св. старца; но за то демонъ сталъ враждовать тому дьякону и много пакостей ему творилъ, и наводилъ на него отъ іереевъ и христіанъ и рода его ненависть и посмѣхъ, и терпѣлъ тотъ дьяконъ неподобныя рѣчи, и клевету, и продажи и убытки, и немочи и всякія скорби» (*). Такъ не только простой народъ, но и сами іереи противились просвѣщеннымъ мѣрамъ объ искорененіи языческаго почтенія камнямъ.

Перейдемъ сто лѣтъ ближе къ нашему времени. Въ духовномъ Регламентѣ находимъ извѣстія о томъ же участіи духовенства въ народныхъ суевѣріяхъ, о совершеніи имъ «вредныхъ церемоній, которыя ведутъ людей въ явное и стыдное идолопоклонство». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по его указанію, хранились наприм. слѣ-

(*) Очерки Бусл. I, стр. 114.

ды стариннаго поклоненія деревьямъ, священному дубу—дереву Перуна: «попы съ народомъ молебствовали предъ дубомъ, и вѣтви одного дуба попъ народу раздавалъ на благословеніе». Во время Петра ясно сознана великая истина: «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму Церкви поведенію, и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». Со временъ Петра, какъ мы уже говорили въ одной изъ статей Православнаго Собесѣдника ⁽¹⁾, началось благотворное дѣло народнаго образованія, которое такъ успѣшно пошло въ ходъ въ настоящее время заведенія народныхъ школъ. Надобно желать, чтобы настоящіе просвѣтители народа, наши пастыри не были похожи на прежнихъ просвѣтителей, чтобы они обратили особенное вниманіе на складъ народныхъ вѣрованій, на множество остатковъ стариннаго міросозерцанія и изучали русскую народную старину во всѣхъ ея проявленіяхъ; потому что только подъ этимъ условіемъ можно ожидать вполне удовлетворительныхъ плодовъ отъ ихъ дѣятельности. Разсматривая народныя вѣрованія, какъ они существуютъ на дѣлѣ, мы видимъ, что корни ихъ уходятъ часто въ отдаленное языческое время, что новое зданіе народнаго Христіанства выстроилось на половину изъ стараго матеріала. Только

(¹) 1864 г. кн. 12. «Законод. Петра относит. чистоты вѣры и церк. благочинія».

изученіе старины можетъ опредѣлить своеобразный характеръ народной вѣры, надъ исправленіемъ которой должны трудиться церковные дѣятели.

Въ заключеніе всего считаемъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе касательно одного явленія въ нашей церковной исторіи, которое хорошо объясняетъ постепенный переходъ отъ язычества къ Христіанству. Въ памятникахъ церковной письменности первыхъ вѣковъ мы видимъ болѣе чистое Христіанство, чѣмъ въ послѣдующихъ; въ XVI и XVII вѣкѣ является множество суевѣрій, искаженій Христіанства и какбудто вновь воскресаетъ умирающее язычество. Это странное явленіе, противное повидимому законамъ историческаго развитія, объясняли упадкомъ просвѣщенія вслѣдствіе удѣльных смутъ, татарскаго ига и тому подобныхъ внѣшнихъ причинъ. Объясненія очевидно неудовлетворительныя, потому что нисколько не касаются самаго характера тѣхъ искаженій, какія потерпѣло Христіанство. Если обратить вниманіе на этотъ характеръ, мы узнаемъ въ новой народной вѣрѣ знакомыя черты старины, знакомый языческій складъ религіознаго мышленія. Ясно, что эти народныя стихіи стараго язычества стали входить въ составъ христіанскихъ вѣрованій отъ большаго участія народа въ дѣла христіанскаго просвѣщенія. Если прежде Христіанство является въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ оно принесено изъ Византіи, то это пря-

мой знакъ, что его не коснулось еще сознание народа, что оно еще было чуждо послѣднему, народность еще не воздѣйствовала заимствованнымъ началамъ. Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе видимъ перемѣнъ въ Христіанствѣ, апокрифовъ, разнаго рода суевѣрныхъ сказаній и остатковъ язычества, тѣмъ болѣе въ правѣ заключать, что Христіанство стало усваиваться народомъ и не внѣшнимъ только образомъ, а органически. Изъ одной и той же почвы берутъ соки всѣ растенія, но каждое изъ нихъ заимствуетъ только сродную себѣ пищу и перерабатываетъ ее по своимъ частнымъ органическимъ законамъ въ свои исключительно ему принадлежащія волокна, листья, цвѣты и плоды. Народъ тоже организмъ своего рода, имѣетъ свои органическіе законы, свои жизненные свойства, которыя составляютъ его народность. Онъ не заимствуетъ чужаго цѣлкомъ; онъ тоже втягиваетъ въ себя то, что ему сродно, и по мѣрѣ заимствованія чужаго перерабатываетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Чужое перерабатывается на народный ладъ, терлетъ многія прежнія свойства и получаетъ новыя народныя черты. И Христіанство, какъ скоро входило въ сознание народа, необходимо теряло въ немъ свою чистоту и возвышенность. Подъ христіанскими выраженіями сквозилъ языческій смыслъ; изъ за предметовъ христіанскаго чествованія нерѣдко обнаруживаются лики древнихъ стихійныхъ боговъ. Чѣмъ дальше

разработалъ народъ свое язычество, тѣмъ оно
 долѣе господствуетъ надъ Христіанствомъ или
 по крайней мѣрѣ видоизмѣняетъ его. Недостатокъ
 просвѣщенія поддерживаетъ это существованіе
 языческихъ стихій въ Христіанствѣ. Только про-
 свѣщеніе можетъ облагородить народный орга-
 низмъ и сдѣлать его способнымъ къ воспріятію
 чистаго христіанскаго ученія. Возвышенное міро-
 созерцаніе Христіанства можетъ дѣйствовать на
 народъ со всею своею благотворностію только
 тогда, когда народъ доростетъ до его понима-
 нія путемъ просвѣщенія. А для непросвѣщенной,
 дѣтской фантазіи народа всегда понятнѣе и увле-
 кательнѣе мистическій міръ язычества. Безъ зна-
 нія законовъ природы, совершенно безпомощный,
 неразвитый человекъ находится подъ вліяніемъ
 таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ
 чего-то такого, на что хочетъ опереться въ своемъ
 безсиліи; его личность теряется среди природы,
 которая его окружаетъ и которая кажется ему
 всемогущею, полною дивности и страхованій. Въ
 этомъ положеніи заключается существенная при-
 чина господства языческихъ суевѣрій надъ ума-
 ми народа. Міръ таинственныхъ силъ и чудесъ
 безпрепятственно населяется тѣми же богами и
 духами, окружается тѣми же повѣрьями, примѣ-
 тами, заговорами, чудесническими обрядами, ка-
 кіе были и въ язычествѣ.

СЪЯТЕЛЬ.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА.

Изыде съяй съяти съмене своего: и егда съяше, ово паде при пути, и попрано бысть, и птицы небесныя позобаха е. А другое паде на камени, и прозябъ уше, зане не имъяше влаги. И другое паде посредеь теркіа, и возрасте терніе, и подави е. Другое же паде на земли блазъ, ꙗ прозябъ сотвори плодъ сторицею. Сіа глаголя, возгласи: имъай уши слышати, да слышйтъ. Есть же сіа притча: сѣмя есть слово Божіе. А иже при пути, сѣтъ слышашіи, потомъ же приходитъ діаволъ, и вземлетъ слово отъ сердца ихъ, да не въроваше спасутся. А иже на камени, иже егда услышатъ, съ радостію приемятъ слово: и сіа корене не имутъ, иже во время върують, и во время напасти отпадають.

А еже въ тернии падшее, сїи суть слышавшіи, и отъ пегали и богатства и сластями житейскими ходяще подавляются, и не совершаютъ плода. А иже на добрый земли, сїи суть, иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше, слово держатъ и плодъ творятъ въ терпѣніи. Сїя алагола, возгласи: имъгъй уши слышати, да слышѣтъ. Лук. 8, 5—8. 11—15.

Исусъ Христосъ указываетъ четыре рода земли, на которую пало сѣмя слова Божія. Первый родъ—большая дорога, гдѣ сѣмя потоптано прохожими, поклевано птицами небесными. Это, по слову Спасителя, суть слушающіе, къ которымъ приходитъ потомъ діаволъ, и уноситъ слово изъ сердца ихъ, чтобы они не увѣровали и не спаслись.

Общій смыслъ настоящаго сравненія не трудно понять: это поразительное изображеніе холодности и ожесточенія людей. Сказанною дорогою во время Іисуса Христа была грубая, плотская толпа, которая ходила за Нимъ только для того, чтобы питаться у Него; которая въ Его словѣ видѣла только предметъ любопытства, а въ Его дѣлахъ пустое зрѣлище; толпа прихотливая и увлекающаяся, которая то съ торжествомъ сопровождала Его въ Іерусалимъ и восклицала: *Осанна сыну Давидову!* то преслѣдовали Его своею бессмысленною ненавистію и слѣпымъ презрѣніемъ; толпа невѣрующая, которая всегда ис-

кала чудесъ, требовала видимыхъ обитованій, плотскаго царствія Божія, потому что, въ самомъ дѣлѣ, она имѣла очи и уши только плотскія.—Тою же дорогою во времена св. Павла былъ тотъ народъ аѳинскій, который ни въ чемъ охотнѣе не проводилъ время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать новости, народъ, который называлъ суесловомъ великаго Апостола «невѣдомаго Бога» и который, услышавъ его проповѣдь о воскресеніи мертвыхъ, съ презрѣніемъ говорилъ: «кобъ этомъ послушаемъ тебя въ другое время» (Дѣян. 17, 18. 32.).—Дорога же и Феликсы и Друзиллы, которые, услышавъ проповѣдь св. Павла о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ, поспѣшили отворотить очи и уши свои, опасаясь, какбы не тронулось ихъ сердце и не пробудилась ихъ совѣсть (Дѣян. 24, 25). Дорога же—во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена множество людей, похожихъ на представленные примѣры, людей холодныхъ, которые спрашиваютъ о Богѣ и небѣ, какъ спрашивалъ Пилать объ истинѣ, какъ иностранецъ, проходя мимо новой гробницы, спрашиваетъ, кого здѣсь похоронили, и, получивъ отвѣтъ, проходитъ мимо и забываетъ его; толпа постоянно движущаяся, которая вездѣ ищетъ отдыха и никакъ не можетъ найти его; которая съ мелочнымъ любопытствомъ переходитъ отъ одного ученія къ другому, будто отъ одного развлечения къ другому; толпа съ окаменѣлымъ сердцемъ, постоянно стремящимся напол-

ниться пустыми мыслями и пустыми желаніями, воистину дорога, дорога торная и выметенная, по которой проходить все, добро, зло, истина, ложь, но на которой ничто не можетъ укрѣпиться и пустить корня. По душѣ, по сердцу съ такимъ характеромъ слово святое скользитъ именно какъ по жесткой землѣ; оно уносится вихремъ мірскихъ мыслей; его подметають вѣтры, дующіе со стороны; оно проходить, не оставляя слѣда; если, сверхъ чаянія, оно и упадетъ гдѣ нибудь, тотчасъ, по слову Христову, приходитъ діаволъ, чтобы похитить его. Демонъ гордости возмущается ученіемъ, которое проповѣдуетъ смиреніе и покаяніе; демонъ лѣности боится ученія, которое заповѣдуетъ трудъ и бдѣніе; демонъ вождельнія возстаетъ противъ ученія, которое возвыщаетъ святость, и всѣмъ говоритъ: «оставьте, оставьте этотъ тяжкій законъ; бѣгите отъ этого несчастнаго свѣта». И несчастный рабъ его исторгаетъ изъ своего сердца слово, которое могло бы спасти его; онъ изглаживаетъ, забываетъ послѣднее для того, чтобы утонуть въ своей безпечности и въ своемъ усыпленіи.

Вотъ первый родъ безплодной земли, первый родъ слушателей, въ которыхъ слово спасенія не приноситъ никакого плода! Не принадлежимъ ли и мы къ числу ихъ? Не скажемъ этого прямо; а скажемъ, какъ сказалъ Господь: *илиѣй уши слышати, да слышати!*

Второй родъ—это земля сухая и каменистая, безъ глубины, безъ влажности, гдѣ сѣмя, едва взойдетъ, и засыхаетъ тотчасъ отъ солнца. Это тѣ, объясняетъ Господь, которые не имѣютъ корня, и временемъ вѣрують, а во время искушенія отпадаютъ, т. е. очевидно тѣ, у которыхъ вѣра поверхностна. Такихъ много; они существуютъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена. Такова была, во время Іисуса Христа, большая часть тѣхъ потомковъ Авраама, которые, превозносясь именемъ своего праотца, не слѣдовали его примѣру; таковы—учители закона, придерживавшіеся мертвой буквы; фарисеи, съ мелочною точностію отсчитывавшіе десятину мятвы и тмина, а между тѣмъ попиравшіе ногами вѣрность и правду; плотоугодники Саддукеи, считавшіе себя учениками Моисея и понимавшіе всѣ обѣтованія его чувственно; таковы наконецъ всѣ тѣ, кои только поверхностно усвоиваютъ религію, заключаютъ ее всю или въ формахъ внѣшняго богопочтенія, или въ пустомъ и сухомъ знаніи, никогда не касающемся ни совѣсти, ни сердца.

Такіе люди есть и нынѣ, потому что и нынѣ есть неплодная земля на нивѣ Спасителя. Таковы всѣ тѣ, кои понимаютъ Евангеліе чувственно; какъ Іудеи сдѣлали законъ плотскимъ. Таковы всѣ тѣ, у которыхъ Христіанство состоитъ въ томъ, что они приняли крещеніе, называются православными, ходятъ изрѣдка и въ извѣстные дни въ церковь, гдѣ проповѣдуется Евангеліе;

всѣ тѣ, кои довольствуются тѣмъ, что приняли истины Евангелія теоретически, привели ихъ въ систему, ограничились заключеніемъ ихъ въ строгихъ и опредѣленныхъ формулахъ, какъ въ священномъ ковчегѣ; словомъ, всѣ тѣ, которыми въра усвоена поверхностно, у которыхъ она не проникла во внутреннюю жизнь души, не пустила корня въ сердцѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы возрасти и приносить плоды, для этого сѣмя, брошенное на землю, должно уйти въ нее на значительную глубину, найти въ ней точку опоры для своихъ корней и сокъ для своего питанія. Такъ точно и религія, чтобы приносить плодъ, должна достигнуть до сознанія человѣка, дабы утвердиться здѣсь, до его сердца, чтобы найти здѣсь для себя пищу; а если не будетъ этого, она ни къ чему не поведетъ; она оставитъ человѣка такимъ же, какимъ онъ былъ и прежде. Она будетъ только прикрасою болѣе или менѣе поверхностною, дѣломъ внѣшнимъ, а потому безъ силы, безъ дѣйствительнаго вліянія на нравственную жизнь человѣка. Такова, безъ сомнѣнія, приверженность къ внѣшнимъ формамъ богочтенія, когда коснѣютъ при нихъ и придаютъ имъ исключительную важность; таковы также тѣ созерцательныя ученія, которыя занимаютъ одно любопытство; таковъ и самый догматизмъ, даже очень строгій, если онъ не трогаетъ всѣхъ жизненныхъ силъ души. Въ доказательство сего ссылаемся на опытъ всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ; не оста-

навливаясь на множество примѣровъ, которые представляетъ фарисейство древняго израильскаго народа, указываемъ на опытъ, болѣе близкій къ намъ въ исторіи самого Христіанства, опытъ рѣшительный, обнимающій все пространство этой исторіи.

Христіанство, какъ всякому извѣстно, при своемъ появленіи въ міръ, производило удивительныя плоды. Въ продолженіе трехъ вѣковъ борьбы, которую оно должно было выдержать, мы съ услажденіемъ можемъ слѣдить за успѣхами этой закваски возрожденія, которая внесла въ общество начала нравственно-обновленной жизни; и, когда наступило время его торжества, когда послѣ трехъ вѣковъ оно торжественно провозглашено римскимъ сенатомъ религіею имперіи, всего, можно сказать, извѣстнаго міра, ничто повидимому не мѣшало ожидать отъ него плодовъ болѣе обильныхъ и болѣе благихъ, нежели какіе приносило оно дотолѣ. Но, увы! Эта столь богатая нива не оправдываетъ нашихъ ожиданій, какъ должно; чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ Церкви славныхъ и святыхъ примѣровъ, которые наполняютъ первыя страницы ея исторіи. Раздаются голоса, которые указываютъ порчу, проникающую въ души, гдѣ, казалось, царствуетъ Евангеліе; порча эта усиливается, распространяется далѣе и далѣе, и цѣлые вѣка въ Церкви христіанской будутъ раздаваться съ этого времени жалобы ея лучшихъ и болѣе вѣрныхъ чадъ, пла-

чущихъ о ея паденіи, мучащихся ея безплодіемъ. Этотъ великій плачъ болѣзненно увеличивается; въ долгомъ хаосѣ варварства, суевѣрія, фанатизма, пороковъ и преступленій, которыми испещрены лѣтописи христіанскаго міра, мало видятъ духа Христова и съ изумленіемъ спрашиваютъ: какой губительный вѣтръ подулъ безплодіемъ на это поле, сначала такъ плодосное и такъ богатое? Какой бичъ-сокрушитель пришелъ разбить надежды на столь прекрасную жатву въ самомъ началѣ ихъ? Бичъ, увѣ! самый великій бичъ, можетъ быть; тотъ, о которомъ мы говоримъ; настроеніе, къ сожалѣнію, почти общее, дѣлающее религію совершенно поверхностною. Въ то время, какъ Христіанство вело къ мученичеству, были христіане только по убѣжденію, которое, слагаясь не вдругъ и серьезно, проникло всю душу. Въ счастливое для Церкви время, въ нее толпами пошли со всѣхъ сторонъ, и на всѣхъ входившихъ въ нее спѣшили въ ослѣпленіи торжества набросить покровъ Христіанства. Нервѣдко приходилось, по легкости обращенія, заимствовать у язычниковъ даже ихъ идеи, ошибки и обычаи, придавъ послѣднимъ только новое названіе, и таково было вообще Христіанство большинства. А сколько было ученыхъ, которые въ достояніе Вѣры христіанской приносили только духъ системы и преній, господствовавшій въ языческой философіи, и у которыхъ сухой и безплодный догматизмъ мало помалу умножилъ

отступленія отъ истинной и живой вѣры? Такъ со всѣхъ сторонъ воздвигалось Христіанство сугубо-поверхностное, подъ ложнымъ покровомъ оставлявшее въ себѣ всѣ пороки, всѣ страсти, всѣ навики чловѣка не возрожденнаго!—Не будемъ обманываться. Чтò было тогда, то будетъ и всегда. И теперь, если мы бросимъ доброе сѣмя Евангелія на сухую почву однихъ преній и системъ или же внѣшнихъ, плотскихъ нави́ковъ, оно останется здѣсь безъ плода; мы не будемъ имѣть плодовъ, не получимъ возрожденія и жизни. Смотри по мѣсту и времени, мы будемъ имѣть въ такомъ случаѣ или суевѣріе, фанатизмъ, горькую ревность, или же, быть можетъ, безпечность и холодность, но во всякомъ случаѣ мертвую вѣру людей безъ корня, о которыхъ говоритъ Іисусъ Христосъ, вѣру, которая существуетъ, но тотчасъ слабѣетъ и исчезаетъ, какъ скоро очутится предъ лицомъ долга, искушенія и вообще всякой дѣйствительности.

Не относимся ли мы сюда? Нѣтъ ли такихъ между нами? Богъ знаетъ; ограничимся повтореніемъ словъ Іисуса Христа: *имѣй уши слышати, да слышитъ!*

Третья часть сѣмени пала въ терніе, и поднялось терніе и заглушило его. Это тѣ, которые слушаютъ слово, но, отходя, заботами, богатствомъ и наслажденіями житейскими подавляются, и не приносятъ плода.

Таковы были при Иисусъ Христѣ всѣ тѣ, которые признавали Его за Мессію, не смѣя открыто присоединиться къ числу Его учениковъ. Таковъ Никодимъ, изъ страха навлечь на себя ненависть и презрѣніе своей секты приходившій къ Нему только ночью. Таковъ юноша, который искренно вопрошалъ, что нужно для спасенія, но отошелъ скорбя, и отступилъ предъ испытаніемъ болѣе тяжкимъ. Таковы же и всѣ тѣ, которые, возложивъ руку свою на рало, бросали назадъ взглядъ медленія и сожалѣнія. Таковы и нынѣ всѣ тѣ, чье сердце медлитъ, раздвляясь между Богомъ и міромъ, между долгомъ и привычками, сознаніемъ и страстями; которые хотятъ, подобно Ананію и Сапфиръ, утаить для себя какую нибудь долю своихъ благъ, удовольствій, привычекъ, и не могутъ рѣшиться на цѣлую жертву; принимаютъ только утѣшительную сторону Евангелія, сторону надеждъ и обѣтованій, а съ священной строгостію закона хотятъ соединить свои заповѣди; словомъ, всѣ тѣ, которые любятъ истину достаточно для того, чтобы узнать ее, но недостаточно для того, чтобы всецѣло предаться ей. Съ перваго раза они представляются менѣе виновными, и Господь говоритъ о нихъ повидимому съ меньшею строгостію. Но и для нихъ слѣдствіе одно и тоже; и они не приносятъ плода; да и какъ они принесли бы его? Нельзя служить двумъ господамъ, и тотъ лжетъ и обманываетъ самого себя, кто думаетъ служить

Богу, а между тѣмъ оставляетъ въ сердцѣ своемъ нетронутыми любимыя наклонности, страсть господствующую, или даже просто терпимую: это другой господинъ, которому онъ предается, другой богъ, которому онъ кланяется наряду съ Богомъ живымъ и предъ лицомъ послѣдняго; если бы эта нерѣшительная служба и не была идолопоклонствомъ, она не менѣе служила бы препятствіемъ всякому успѣху, всякому освященію, всякому истинному плоду. Въ сердцѣ такъ раздѣленномъ нѣтъ ни энергіи, ни сильной твердости, ни крѣпкой воли, ни серьезной рѣшимости, ни этой плодоносной борьбы съ искушеніями ко грѣху: въ немъ—одно движеніе, всегдашнее непостоянство, бесплодная и болѣзненная борьба, родъ внутренней борьбы, гдѣ слабѣютъ и тратятся всѣ силы души, и гдѣ жизнь проходитъ жалко, ни на шагъ не подвигаясь къ добру. Напрасно эта неблагодарная земля приняла въ себя святое слово; терніе, т. е. заботы, удовольствія, удобства жизни и всѣ худыя травы чelовѣческаго сердца мѣшаютъ движенію питательнаго сока, останавливаютъ его, и доброе сѣмя теряетъ свою жизненную силу и засыхаетъ, не принеся зрѣлаго плода.

Таковъ третій родъ земли! третій—противъ одного рода плодоносной почвы!.. *Ильѣй уми слышати, да слышитъ!* и пусть разберетъ, принадлежитъ ли онъ къ счастливому меньшинству, или же находится въ числѣ большинства?

Но гдѣ же земля плодоносная? Гдѣ истинные слушатели, истинные ученики Иисуса Христа? Это, отвѣчаетъ Учитель, тѣ, которые, услышавъ слово, хранятъ его въ добромъ и благомъ сердцѣ, и приносятъ плодъ въ терпѣніи.

Доброе и благое сердце—вотъ первое свойство, отличающее истиннаго ученика Спасителя! Имѣть много знанія, великій геній—это не касается до него; не часто ли эти высокіе дары дѣлаются для тѣхъ, которые ими владѣютъ, камнемъ преткновенія, источникомъ гордости и заблужденій? Не требуется отъ него и совершенная чистота отъ всякаго грѣха и всякой нечистоты; потому что, если бы это было возможно, кто бы могъ назваться христіаниномъ и сдѣлаться жатвою Спасителя?—Отъ него требуется сердце, при его несовершенствахъ и немощахъ, сохранившее правоту чувства и воли, сердце простое, смиренное, послушное, любящее истину, стремящееся къ добру, сердце мытаря, который восклицалъ, бѣя въ перси свои: *Божже, буди милостивъ мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13), сердце Закхея, который говорилъ: *се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и еще кого тѣмъ обидѣхъ, возвращу четверницею* (Лук. XIX, 8), сердце кающагося блуднаго сына, сердце всѣхъ больныхъ и грѣшниковъ, которые прибѣгали ко Христу, ища исцѣленія и спасенія. Сердца добраго и благаго—вотъ чего требуетъ Господь Иисусъ отъ своихъ учениковъ! вотъ что нужно, чтобы

быть достойнымъ этого имени! Идите съ такимъ сердцемъ къ Учителю, который самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и Его слово безъ усилія проникнетъ въ это сердце и положитъ въ немъ плодоносное начало правды, мира и радости, которыя называются плодами Св. Духа и нивою Спасителя.

Къ этому условію Иисусъ Христосъ присовокупляетъ другое,—это терпѣніе или трудъ. Когда сѣмя брошено въ землю, трудъ того, кто хочетъ пожать плоды, не оканчивается этимъ; за сѣменемъ этимъ нужно еще ухаживать. Тоже самое и съ словомъ божіимъ. Услышали вы его и утвердили въ своемъ сердцѣ? Вамъ нужно еще трудиться надъ нимъ. Это не значитъ постоянно тревожить корни этого растенія, нуждающагося для своего возрастанія въ тѣни и покровъ сердца; говоря безъ фигуръ, не значитъ постоянно углубляться въ основанія вѣры, съ любопытствомъ изслѣдовать, для чего и какъ то, что Богъ не уяснилъ для насъ, но сохранилъ для Себя самого; а значитъ перевести то, что открыто намъ и нашимъ младенцамъ, въ практику, дать духу Евангелія проникнуть въ нашу дѣятельность, въ наши чувствованія, въ нашу жизнь. А это—дѣло нелегкое; нужны постоянныя усилія, упорная работа; нужно бодрствовать, молиться, стоять противъ соблазновъ внѣшнихъ, противъ искушеній внутреннихъ; нужно бороться, не ослабѣвая; борьба за вѣру есть жизнь, искушеніе, неизбѣж-

ное ни для кого и имѣющее прекратиться только съ настоящею жизнью, искушеніе, которому и св. Павелъ не могъ сказать: «довольно» (2 Кор. 12, 8—9). Безъ сомнѣнія, по мѣрѣ успѣховъ, работа сдѣлается менѣе трудна, иго Господне легче; безъ сомнѣнія, эта самая работа раждаетъ въ вѣрующемъ святую и сладостную радость, радость хожденія съ Богомъ, Его присутствія, Его мира, благоволенія и любви. Но этотъ миръ и радость и всѣ эти утѣшительныя подкрѣпленія даются только тому, кто трудится и притомъ до конца. *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Матѣ. 24, 13).

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

ПОСЛАНИЕ ПРЕП. ТЕОДОСИЯ О ВѢРѢ ВАРЯЖСКОЙ.

Въ половинѣ XI в. западная церковь окончательно отпала отъ Церкви восточной. Тогда православные греки глубоко оскорблены были гордыми посланниками папы не только въ вѣрѣ своей, но и въ народныхъ чувствованіяхъ своихъ ⁽¹⁾. Тогда же и въ самыхъ писаніяхъ той и другой стороны стали замѣчаться рѣзкіе отзывы о противной сторонѣ. Такого именно настроенія извѣстное у насъ посланіе преп. Теодосія (1074) къ великому князю Изяславу о вѣрѣ варяжской

(1) Какъ глубоко оскорблены были въ то время греки папскими посланцами, для узнанія этого достаточно прочитать грамоту отлученія, составленную кардиналомъ Гумбертомъ въ Константинополѣ, въ которой православнымъ грекамъ приписываются всѣ когда-либо бывшія ереси.

или латинской, замѣчательное тѣмъ болѣе, что представляетъ собою самый первый опытъ въ обличительномъ родѣ, написанный собственно русскимъ.

Посланіе это сохранилось во многихъ спискахъ, и вездѣ усвоится знаменитому игумену печерскому Θεодосію ⁽¹⁾. Хотя оно пострадало отъ писцевъ, измѣнявшихъ его по невѣжеству, частию въ порядкѣ размѣщенія, частию въ количествѣ частей; но сомнѣваться въ его подлинности нѣтъ основанія.

Поводъ къ написанію посланія подалъ самъ великій князь Изяславъ, какъ видно изъ начала нѣкоторыхъ списковъ: «вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярослава, внука Володимерова, игумена печерскаго Θεодосія о латинѣ. И рече Изяславъ: скажи ми, отче, вѣру варяжскую»; или: «въспросъ благовѣрнаго князя Изяслава о латынѣхъ. Приде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ Ярославъ, внукъ Володимеровъ къ святому отцу нашему Θεодосію». Что побудило великаго князя Изяслава спрашивать знаменитаго игумена о вѣрѣ варяжской? Въ 1068 г. великій князь Изяславъ, выгнанный народомъ изъ Кіева, бѣжалъ въ Польшу. Король польскій Болеславъ II принявъ Изяслава со всеми знака-

⁽¹⁾ Корич. Рум. муз. № 233, л. 377. Собрн. Царскаго № 393, л. 813 на об. Патерикъ кассіановск. редакц. 1469 г. (Имп. публ. библ. № 271. Новгор. Соф. библ. № 502 и др.). Опис. рукоп. Толстова. отд. III. № 70. стр. 599. 600.

ми искренняго дружелюбія, какъ несчастнаго государя и близкаго родственника, охотно согласился помогать ему. Весною 1069 г. Изяславъ вмѣстѣ съ Болеславомъ явился въ русскихъ предѣлахъ. Съ помощію поляковъ онъ опять сѣлъ на своемъ престолѣ. Поляковъ распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали тайно убивать ихъ за то, вѣроятно, что они, какъ побѣдители и латинцы, мало уважали вѣру побѣжденныхъ и дѣлали насилія имъ ⁽¹⁾; въ слѣдствіе чего Болеславъ возвратился въ свою землю. Недолго сидѣлъ на своемъ престолѣ Изяславъ; въ 1073 году, поссорившись съ братомъ своимъ, Святославомъ черниговскимъ, онъ задумалъ снова бѣжать въ Польшу и искать помощи у латинъ. Въ этомъ положеніи совѣсть не могла не безпокоить набожнаго князя недоумѣніями о вѣрѣ тѣхъ, съ которыми хотѣлъ онъ снова вступить въ сообщеніе; уваженіе же, какое имѣлъ князь къ преп. Θεодосію, могло заставить его искать разрѣшенія сомнѣніямъ у великаго игумена, — тѣмъ болѣе, что митроп. Георгій тогда былъ въ Греціи ⁽²⁾.

Посланіе Θεодосія можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ изчисляетъ князю разные

⁽¹⁾ На это указываютъ слова посланія Θεодосія: «исполнилася наша земля злыя тоя (т. е. латинскія) вѣры; аще узриши нѣкія иноувѣрныя съ вѣрнымъ прію дѣющи, лествю хотяща отвести отъ правыя вѣры, помози правовѣрнымъ, аще имъ поможеша, то яко овча забавиши отъ устъ львовыхъ».

⁽²⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. 1. 78—79.

отступленія латинъ отъ православной вѣры и ихъ недобрые обычаи; а во второй предлагаетъ правила, какъ долженъ вести себя князь по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Къ числу отступленій отъ вѣры и странныхъ обычаевъ относятся слѣд: 1) глаголютъ Духа Святаго исходяща отъ Отца и Сына и въ Савльску ересь вступаютъ (разумѣется въ томъ смыслѣ, что сливаютъ двѣ божескія вѣпостаси—Отца и Сына въ одну, когда говорятъ, будто Духъ Святый исходитъ отъ Обоихъ Ихъ вмѣствъ, какъ отъ одного начала); 2) нечисто живутъ: ядятъ со псы и съ кошками, и пьютъ свой сецъ; ядятъ лвы и дикіе кони, и ослы, и удавленину и мертвечину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровъ, и въ говѣнне ядятъ мяса пуцающе въ воду; а въ первую недѣлю поста во вторникъ чернѣицы ихъ ядятъ лой и въ субботу постятся, и постившеся вечеръ ядятъ молока и яица; 3) а согрѣшаютъ,—не отъ Бога просятъ прощенья, но прощаютъ попове ихъ на дару, т. е. употребляютъ индульгенціи; 4) попове ихъ не женятся законною женою, но сробами дѣти добываютъ, и служатъ невозбранно; 5) пискупы ихъ наложницы держать, и на войну ходятъ; 6) оплатокъ служатъ; 7) иконъ не цѣлуютъ, ни мошцей святыхъ, а крестъ цѣлуютъ написавше на земли, и вѣставше попираютъ его ногами; 8) мертвеца кладутъ на западъ ногами, а руцѣ подонъ подложивше; 9) женящеся у нихъ, поимаютъ двѣ

сестръ; 10) крещаются во едино погруженіе; 11) мы крещающесе мажемся мвромъ и масломъ, а они соль сыплють крещаемому въ ротъ; 12) имя не нарицають святаго, но како прозовуть родители, въ то имя крестять». Перечисливъ отступленія латинъ отъ православной вѣры и недобрые обычаи ихъ, преп. Θεодосій слѣдующими словами заключаетъ первую часть своего посланія: «ина многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полна вѣра ихъ. Его же ни жидове творять, то они творять». Нужно замѣтить, что между обвиненіями на латинъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей латинской Церкви, или даже представляются не совсѣмъ вѣрными. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Θεодосій судилъ о заблужденіяхъ латинъ только по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія доходили до него, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя ввели тогда на латинъ въ Грецію и вообще на востокъ ⁽¹⁾. А можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій внесены въ посланіе Θεодосія уже впоследствии стороннею рукою: такъ какъ, встрѣчаясь въ спискахъ одной фамиліи, не встрѣчаются въ спискахъ другой. Изложивъ отступленія латинъ отъ право-

(1) Послан. констант. патр. Мих. Керулар. къ Петру, антиох. патриарх. въ солов. сборн. № 856, л. стр. 160; № 930, стр. 144 об. *Cotelier Eccl. graecae monum.* II. 135—145, снес. 581—584.

славной вѣры и недобрые обычаи ихъ и сказавъ, что земля наша «исполнилася злыя тоя вѣры», преп. Феодосій даетъ наставленія, какъ держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ: 1) надобно всѣми мѣрами блюстися ея, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинъ, потому что «сущему въ иной вѣрѣ или въ латинстѣй, или въ арменстѣй, нѣсть видети имъ жизни вѣчныя»; 2) не должно хвалить чужой вѣры, потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ «обрѣтается свою вѣру хуля и есть двоевѣрецъ, близъ есть ереси»; 3) съ послѣдователями варяжской вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ, ни въ питіи: впрочемъ «Бога ради просящимъ у насъ ясти и пити—дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати, потомъ, измывши, дати молитву; 4) аще случится умерети по св. вѣрѣ и Господа ради, должно умереть съ дерзновеніемъ за вѣру Христову; святіи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ». Кромѣ этихъ общихъ наставленій, преп. Феодосій, обращаясь собственно къ вел. князю Изяславу, заповѣдуетъ: «ты же, чадо, блюди ся ихъ, и свою вѣру непрестанно хвали. Ни свойся къ нимъ, но бѣгай ихъ, и подвижайся въ своей вѣрѣ добрыми дѣлы; милостынею милуй не токмо своя вѣры, но и чужія. Аще ли видиши нага, или голодна, или зимою или бѣдою одерт-

жима: аще ли ти будетъ жидовинъ, или срацинъ, или болгаринъ, или еретикъ, или латынянинъ, или ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуй, и отъ бѣды избави я, аже можеша: и мѣзды отъ Бога не лишень будеша. Богъ бо и самъ поганыхъ набдитъ, якоже и крестьяны... Аще узриши нѣкія иновѣрныя съ вѣрнымъ прю дѣющи, лестью хотяща отвести отъ правыхъ вѣры, ты же вѣдая не скрый въ собѣ, но помози правовѣрнымъ; аще имъ поможеша, то яко овца избавиши отъ устъ львовыхъ; аще ли умолчиши, то яко отъемъ у Христа, предаеша ихъ сотонѣ. Аще ти речеть прець: сію вѣру и ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мниши Бога двоевѣра, то не слышиши ли, окаянне, развращене злыя вѣры? Писанье глаголетъ: единъ Богъ, еди-на вѣра, едино крещенье... Не слышите ли апостола Павла глаголюща: аще ангелъ пришедъ съ небесе благовѣститъ вамъ, а не яко же мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ? Вы же отринувше проповѣданье апостольское и святыхъ отецъ исправленье, и пріясте неправду и вѣру развращену, полну многія погибели; того ради отъ насъ бысте отвержени».

Въ этомъ посланіи ясно высказана мысль, что въ варяжской или латинской вѣрѣ нельзя спастись и что не слѣдуетъ имѣть общеніе съ латинами въ дѣлахъ, касающихся Вѣры. Такъ училъ преп. Θεодосій, а онъ былъ такимъ лицомъ, предъ которымъ благоговѣла вся Россія!

Тоже ученіе о латинской Церкви было и у прочихъ иноковъ кіево-печерскаго монастыря, въ которомъ преп. Θεодосій былъ игуменомъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, а изъ этой обители вышли лучшіе люди того времени, которые разсѣялись въ качествѣ проповѣдниковъ Христіанства язычникамъ, основателей монастырей и въ санъ епископовъ, распространяя то ученіе, которому научились въ обители. Ученіе о латинской Церкви преп. Θεодосія отразилось во всей полнотѣ въ лѣтописи преп. Нестора. Прочитайте одинъ разсказъ его о томъ, что внушено было великому князю Владиміру о латинахъ при крещеніи его въ Корсуни ⁽¹⁾; а лѣтопись Нестора читала и списывала тоже вся Россія.

Рѣзкій тонъ посланія, который можетъ показаться неприличнымъ въ наше время, былъ весьма приличенъ и естественъ во дни преп. Θεодосія, когда латины только-что отпали отъ православной Церкви и, по своимъ проискамъ къ совращенію православныхъ, крайней испорченности нравовъ, были нестерпимы для грековъ, а вслѣдъ за ними и для русскихъ. Такъ образ. тонъ посланія, совершенно согласный съ духомъ того времени и съ ревностію Θεодосія, горѣвшаго пламеннымъ желаніемъ вразумить и обратить заблудшихъ къ православію, вѣрѣ, не только не можетъ служить признакомъ неподлинности посланія, напротивъ скорѣе ручается за его подлинность.

⁽¹⁾ Полн. собр. русск. лѣт. I. 49—50.

Вотъ самое посланіе это по сборнику Паисіевскому Кириллобѣлозерской библіотеки:

**СЛОВО СВЯТАГО ѲЕОДОСЬЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО
МОНАСТЫРЯ О ВѢРѢ КРЕСТЬЯНЬСКОЙ І О ЛАТЫНЬ-
СКОЙ. ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ.**

Слово ми есть к тобѣ, княже Боголюбивый! Азъ Ѳеодось, худый рабъ пресвятыя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, въ чиствѣ і правовѣрнѣ вѣрѣ роженъ, и воспитанъ в добрѣ наказанья правовѣрнымъ отцемъ и матерью, называюще мя добру закону, вѣрѣ же Латынѣстѣй не прелучаітеся, ни обѣчая ихъ держати, і компанья ихъ бѣгати, і всякаго ученья ихъ бѣгати, і норова ихъ гнушатися, и блюсти своихъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ ізъ единого судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ приймати. Тѣмже паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити—дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будетъ у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву: занеже не право вѣрують, и не чисто живутъ: ядятъ со псы и с кошками, і пьютъ бо свой сець; ядятъ лвы і дикіе кони, і ослы, і удавленину, і мертвечину, і мѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говнѣе ядятъ мяса, пущающе в воду; а ѿ недѣлю поста во вторникъ черньци ихъ ядятъ лой і всуботу постятъся, і постившеся вечеръ ядятъ молока и

яща. А согрышають, — не отъ Бога просятъ прощенья, но прощаютъ попове ихъ на дару. А попове ихъ не женятся законною женитвою, но сробами дѣти добываютъ, и служатъ невозбранно; а пискупы ихъ наложницы держать, і на воіну ходять, і оплаткомъ служатъ. Іконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлуютъ написавше на земли, і вѣставше попирають его ногами, а руцѣ подонъ подложивше; женяще же ся у нихъ, поімають ѿ сестръ; а крещаются во едино погруженіе, а мы въ ѿ; мы крещающеся мажемся мѣромъ і масломъ, а они соль сыплютъ крещаемому вротъ; имя же не нарицають святаго, но кого прозовуть родители, вто імя крестять. А глаголють Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына. Іна многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полная въра ихъ. Его же ни Жидове творять, то они творять. Много же и в Савьску ересь вступлють. Мнѣ же рече отецъ мой: ты же, чадо, блюди кривовѣрныхъ, і всѣхъ ихъ словесъ; занеже исполнилася і наша земля злыя тоя въры; да кто спасая спасетъ душу свою, въ правовѣрні въръ живучи. Нѣсть бо іная въры лучше нашеі, яко же наша чиста и свята въра правовѣрная. Сею бо върою живущи грѣховъ избыти і муки вѣчныя гознути, но жизни вѣчныя причастнику быти і бес конца со святыми радоватися; а сущему въ иной въръ іли въ Латьньстві, іли въ Арменьстві, нѣсть видѣти імъ жизни вѣчныя. Не подобаетъ же, чадо, хвалити.

чужее вѣры. Аще хвалить хто чужю вѣру, то обрѣтается свою вѣру хуля. Аще ли начнетъ непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтается таковыи двоевѣрецъ: близъ есть ереси. Ты же, чадо, блюди ся ихъ, и свою вѣру непрестанно хвали. Ни свойся к нимъ; но бѣгаи ихъ, і подвижаіся въ своеі вѣрѣ добырыми дѣлы; милостынею милуі не токмо своея вѣры, но и чужыя. Аще ли видиши нага, іли голодна, іли зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ Жидовинъ, іли Срацинъ, іли Болгаринъ, іли еретикъ, іли Латинянинъ, іли ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуі, и отъ бѣды избави я, яже можеші: и мѣзды отъ Бога не лишенъ будеші. Богъ бо и самъ нынѣ поганыя набдитъ, яко же и крестьяны. Поганымъ же іновѣрцемъ в семъ вѣцѣ попеченье отъ Бога, а в будущемъ же чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуще въ правовѣрныи вѣрѣ, здѣ есмы набдимъ Богомъ, а въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Рече же ми отецъ мой: чадо, аще ти ся случить умрети по святѣи сеі вѣрѣ і Господа ради, то умри съдержновеньемъ за вѣру Христову: святіи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкія іновѣрныя свѣрнымъ прою дѣющи, лестью хотяща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдая не скрый всобѣ, но помози правовѣрнымъ; аще имъ поможеші, то яко овча ізбавиши отъ устъ львовыхъ; аще ли умолчиши, то, яко отъемъ у Христа, предае-

ши ихъ сотонъ. Аще ти речеть прець: сию вѣру і ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мниши Бога двоевѣра, то не слышиши ли, окаянне, развращене злыя вѣры? Писанье глаголетъ: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье,—рече Господь: тако бо лѣпо есть намъ і скончати всю правду; да ее все ісполнивъ, толи вознесеса, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью Апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученю сотонину. Не слышите ли Апостола Павла глаголюща: аще ангелъ пришедъ с небесе благовѣститъ вамъ, а не яко же мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ? Вы же отринувше проповѣданье Апостольское і святыхъ отецъ ісправленье, і приясте неправду і вѣру развращену, полну многия погибели; того ради отъ насъ бысте отвержени; того ради имъ свами недостоіно сужитъя приимати, ни къ Божественнымъ тайнамъ обще приступати,—ни имъ к нашеі, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самого Господа жива видящи, одесную Отца сидяща: и паки придетъ судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвиі, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животь вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: воздасться комуждо по дѣломъ его, о Христвъ Іисусъ, о Господъ нашемъ, Емуже слава. Аминь».

ОГЛАВЛЕНИЕ

второй части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

НА 1865 ГОДЪ.

	стр.
Слово въ великій пятокъ	3.
Правила митрополита Кипріяна (1376— 1406 г.)	9.
Инструкція миссіонерамъ преосвящен- нѣйшаго Филарета, бывшаго архіепископа казанскаго	35.
О внѣшнемъ состояніи православной Церкви на востокъ во владѣніяхъ мусуль- манскихъ, отъ Магомета до крестовыхъ походовъ (VII—XI в.)	40 и 81.
О недостаткахъ русскаго народа, по изображенію Стоглава (XVI в.)	128.

Рѣчь предъ выборомъ судей.	157.
Опытъ объясненія на св. евангеліе отъ Матѳея.	161.
Слово въ день преставленія святителя Гурія, перваго архіепископа казанскаго. . .	192.
Рѣчь по выборъ судей	198.
О преимуществахъ настоятелей ка- занскаго Спасопреображенскаго монасты- ря въ священнослуженіи.	202.
О борьбѣ христіанства съ язычест- вомъ въ Россіи	211.
Святель: евангельская притча	303.

Памятники древне-русской духовной письменности. Посланіе преп. Θεодосія о вѣрѣ варяжской	317.
--	------

